

КАВКАЗ-2016

ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА КАВКАЗА

Ереван
Институт Кавказа
2017

УДК 32.001 : 316 : 330 : 06
ББК 66.0 + 60.5 + 65
К 126

Редактор: **Александр Искандарян**
Редакколлегия: **Лиана Аветисян, Нина Искандарян, Грант Микаелян, Сергей Минасян**
Дизайн обложки: студия «**Matit**» / www.matit.am
Верстка: студия «**Коллаж**» / www.collage.am

КАВКАЗ-2016. Ежегодник Института Кавказа / Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2017. – 148 с.

К 126 *Четырнадцатый выпуск Ежегодника Института Кавказа посвящен итогам 2016 г. на Южном Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из стран Южного Кавказа, России и ЕС на Ежегодной конференции Института Кавказа в июне 2017 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного Кавказа в 2016 г.; в них отражена динамика и проведен сравнительный анализ политических и социально-экономических процессов на Кавказе, показаны перспективы урегулирования региональных конфликтов, с особым упором на военно-политические и дипломатические процессы вокруг Нагорного Карабаха.*

Edited by **Alexander Iskandaryan**
Copy editing by **Liana Avetisyan, Nina Iskandaryan, Hrant Mikaelian, Sergey Minasyan**
Cover design by **Matit** / www.matit.am
Layout by **Collage** / www.collage.am

Caucasus 2016. CI Yearbook / Ed. A. Iskandaryan. – Yerevan, Caucasus Institute, 2017. – 148 p.
The fourteenth CI Caucasus Yearbook sums up the year 2016 in the South Caucasus. It is based on presentations made by scholars from the South Caucasus, Russia and the EU at the CI Yearly Caucasus Conference in June 2017. The papers included in this volume describe main political, social and economic trends of 2016 in the South Caucasus from a domestic and comparative perspective, and analyze regional conflict resolution prospects with special emphasis on military, political and diplomatic developments with regard to Nagorno-Karabakh.

Публикация сборника стала возможной благодаря финансовой помощи Фонда по конфликтам, стабильности и безопасности правительства Великобритании

The publication of this volume was made possible by the support of the UK Government's Conflict, Stability and Security Fund

УДК 32.001 : 316 : 330 : 06
ББК 66.0 + 60.5 + 65

ISBN 978-9939-1-0652-6

© Институт Кавказа, 2017 г.
© 2017 by Caucasus Institute

Мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения правительства Великобритании, Института Кавказа или каких-либо иных организаций. В статьях сохранено авторское написание имен и названий.

Opinions expressed in this volume are those of the authors and may not reflect the views of the UK Government, the Caucasus Institute or any other organization. All personal and geographical names used in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 От редактора
- 7 *Сергей Маркедонов*
Азербайджан в 2016 г.: основные итоги
- 28 *Александр Искандарян*
Армения-2016: год кризисов
- 38 *Георгий Масалкин*
Грузия – 2016.: виден ли свет в конце тоннеля переходного периода?
- 51 *Давид Петросян*
Де-факто государства Южного Кавказа в 2016 г.
- 73 *Фабрисси Виелмини*
Политика Запада на Южном Кавказе в 2016 г.
- 99 *Александр Скаков*
Россия и Южный Кавказ: итоги 2016 г.
- 115 *Сергей Минасян*
«Апрельская эскалация» 2016 г. в Нагорном Карабахе:
некоторые военно-политические аспекты
- 126 *Масис Маилян*
Арцах в 2016 г. Дипломатические последствия Апрельской войны
- 139 Об авторах
- 140 Издания Института Кавказа

ОТ РЕДАКТОРА

В июне 2017 г. Институт Кавказа провел в Ереване свою очередную, уже четырнадцатую по счету, ежегодную международную Кавказскую конференцию – «Кавказ-2016». В конференции приняли участие ведущие ученые, эксперты, журналисты, правозащитники, действующие и отставные официальные лица и дипломаты, работающие в странах Южного Кавказа, а некоторые – и далеко за его пределами.

Как и всегда, научно-практическим результатом нашей конференции является публикация Ежегодника Института Кавказа. В Ежегоднике, в соответствии с замыслом организаторов, с хронологической отстраненностью и научно-исследовательской глубиной анализируются итоги предыдущего года для нашего региона. Соответственно, нынешний выпуск Ежегодника, который Институт Кавказа рад предложить вашему вниманию, также является по счету уже четырнадцатым.

В текущем выпуске Ежегодника подводятся итоги 2016 г. для Южного Кавказа. В нем анализируются различные аспекты политического, экономического, военного и дипломатического измерений жизни региона, с особым акцентом на проблемы и конфликты. Каждый выпуск нашего Ежегодника, сохраняя преемственность и общую логику предыдущих, имеет свои особенности, касающиеся тематики и подбора авторов наших статей. Особенность данного выпуска Ежегодника (как и конференции, на материалах которой он основан) – это особый акцент на рассмотрении, возможно, самого драматического события года на Южном Кавказе: беспрецедентной военной эскалации, произошедшей на линии соприкосновения вооруженных сил Азербайджана и Нагорного Карабаха в апреле 2016 г.

[6]

Настоящий выпуск Ежегодника опубликован в рамках проекта «Вовлечение обществ и политиков в диалог о мирном урегулировании карабахского конфликта», реализуемого Институтом Кавказа при поддержке Фонда по конфликтам, стабильности и безопасности правительства Великобритании. Мы выражаем нашу благодарность Фонду за поддержку Ежегодника и Кавказской конференции Института Кавказа в июне 2017 г. За поддержку проведения конференции мы также благодарны Посольству Швейцарской Конфедерации в Армении.

Мы благодарим наших авторов из ЕС, России и Южного Кавказа за информативные и глубокие доклады, сделанные в ходе нашей конференции и легшие в основу статей Ежегодника. И, конечно, большое спасибо всем сотрудникам Института Кавказа, принявшим участие в организации конференции «Кавказ-2016» и в подготовке Ежегодника.

*Александр Искандарян
Ереван, 2017*

АЗЕРБАЙДЖАН В 2016 Г.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Сергей Маркедонов

БЕЗОПАСНОСТЬ, ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В истории Азербайджана 2016 г. был наполнен многочисленными драматическими событиями. По сравнению с предыдущим годом, прошедшим для прикаспийской республики под знаком экономических трудностей из-за стремительного падения цен на энергоносители, на первый план вышли проблемы безопасности. Неслучайно в своем выступлении на заседании Кабинета министров, посвященном итогам 2016 г., президент Азербайджана Ильхам Алиев на первое место поставил «угрозы, риски, кровавые конфликты», «нарушенную стабильность» и только потом упомянул «усложнение ситуации, связанной с экономическим развитием»¹.

В начале апреля имело место военно-политическое обострение на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе. Оно стало самым крупным нарушением хрупкого перемирия с момента вступления в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня 12 мая 1994 г. Итоги «четырёхдневной войны» были интерпретированы официальным Баку как серьезный тактический успех в противостоянии с Арменией. Это событие оказало значительное

¹ Вступительная речь Ильхама Алиева на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития в 2016 году и предстоящим задачам. Портал президента Азербайджана, 10 января 2017.

<http://ru.president.az/articles/22434>

воздействие на азербайджанское общество, способствовало патриотической консолидации вокруг идеи победы над противником. В то же самое время апрельская эскалация не привела ни к резкому слому статус-кво в зоне конфликта, ни к стратегическим изменениям, которые Азербайджан мог бы расценить как значительную выгоду.

Незадолго до «четырёхдневной войны» в прикаспийской республике была предпринята либерализация ограниченного радиуса действия. 17 марта Ильхам Алиев подписал указ о помиловании 148 человек, среди которых были и те, кого международные правозащитные объединения рассматривали как узников совести². Впрочем, это событие имело не только внутривосточное, но и внешнеполитическое значение. Официальный Баку, таким образом, пытался преодолеть проблемы, возникшие в отношениях с США и Европейским союзом из-за жесткого давления на азербайджанский гражданский сектор. В 2016 г. Баку в целом удалось добиться определенного прогресса на американском и европейском направлении. Но нельзя не заметить, что оттепель по-бакински и военная активизация в Нагорном Карабахе были связаны друг с другом. Ильхам Алиев, приглашенный принять участие в Четвертом саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне 31 марта – 1 апреля 2016 г., пытался страховать возможные риски и потому в канун карабахской эскалации демонстрировал готовность учитывать критику Запада³. Более того, после мартовской оттепели последовали новые аресты оппозиционных деятелей и общественных активистов⁴.

² Полный список помилованных находится на портале президента Азербайджана: <http://ru.president.az/articles/18131>

³ Б. Сафаров, «Президента Азербайджана пригласили в Вашингтон», *Эхо*, 7 января 2016. <http://www.echo.az/article.php?aid=94551>

⁴ «Активисты НПО: 2016 год прошел в Азербайджане под знаком углубления кризиса», *Кавказский узел*, 31 декабря 2016. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295258/>

В 2016 г. Азербайджан снова подтвердил свой статус энергетического партнера США и Евросоюза, активно участвующего в проектах по обеспечению «независимости Европы от российского газового монополизма». В греческих Салониках в мае состоялась церемония открытия Трансадриатического трубопровода (ТАР). Предполагается, что по этому газопроводу в страны ЕС будет поступать порядка 10 миллиардов кубометров азербайджанского газа ежегодно. Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) владеет 20% этого проекта⁵.

Во внешней политике Баку продолжил лавирование между различными центрами силы. В течение 2016 г. Азербайджан посетили президенты Турции, России и Ирана Реджеп Эрдоган, Владимир Путин и Хасан Роухани, а также премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Турецко-азербайджанское стратегическое взаимодействие было в очередной раз подтверждено «четырёхдневной войной». Из всех соседей Азербайджана и Армении только Турция выступила с однозначной поддержкой Баку. Стремясь к укреплению взаимоотношений с Россией и признавая ведущую роль Москвы в урегулировании нагорно-карабахского конфликта, Азербайджан в то же время продолжил укреплять связи с Украиной. Во время апрельского обострения на линии соприкосновения в Карабахе Киев, как и Анкара, поддержал позицию Баку⁶.

Пожалуй, главным внутривнутриполитическим событием года стал конституционный референдум, состоявшийся 26 сентября. На голосование были вынесены 29 поправок к Конституции, главной из которых стало увеличение президентских полномочий. Эти

⁵ «ЕС начал строительство Трансадриатического газопровода», ТАСС, 17 мая 2016. <http://tass.ru/ekonomika/3288136>

⁶ «Азербайджан готов нанести “сокрушительные удары” по Нагорному Карабаху», ZN, UA, 5 апреля 2016. https://zn.ua/WORLD/azerbaydzhan-gotov-nanesti-sokrushitelnye-udary-po-nagornomu-karabahu-209479_.html

инновации были поддержаны избирателями и не вызвали жесткой реакции внешних игроков.

С немалыми трудностями в 2016 г. столкнулся Азербайджан и в экономической сфере. Даже на официальном (президентском) уровне было признано падение внутреннего валового продукта⁷. Инфляцию сбить не удалось, был замечен спад инвестиционной активности. По-прежнему актуальной осталась проблема диверсификации экономики и развития ненефтяного сектора.

Таким образом, говорить о фундаментальных сдвигах в азербайджанской внешней и внутренней политике, экономическом развитии в 2016 году не представляется возможным. Тем не менее, рассматриваемый период был наполнен многочисленными событиями, которые, скорее всего, будут иметь долговременные последствия.

АПРЕЛЬСКАЯ ЭСКАЛАЦИЯ: ПОБЕДА АЗЕРБАЙДЖАНА?

В ночь с 1 на 2 апреля 2016 г. в зоне нагорно-карабахского конфликта резко обострилась ситуация. 5 апреля в Москве при посредничестве России состоялась встреча начальников генеральных штабов Армении и Азербайджана Юрия Хачатурова и Наджмеддина Садыкова. После переговоров конфликтующие стороны пришли к соглашению о прекращении огня на линии соприкосновения.

По словам политолога Ровшана Ибрагимова, «в ходе этой “четырёхдневной войны” благодаря операции азербайджанской армии на линии фронта был освобожден ряд территорий, оккупированных до подписания Соглашения о прекращении огня в 1994 г. Впервые с 1994 г. азербайджанская армия освободила тер-

⁷ Вступительная речь Ильхама Алиева... <http://ru.president.az/articles/22434>

ритории, оккупированные армянскими войсками»⁸. Кроме того, по его мнению, «были разрушены сразу два мифа – о непобедимости армянской армии и нерушимости линии огня в Нагорном Карабахе»⁹. Схожим образом оценивают значение «четырёхдневной войны» для Азербайджана авторы специального доклада Международной кризисной группы. С их точки зрения, «в результате апрельской эскалации впервые с момента вступления в силу соглашения о прекращении огня Баку удалось изменить уничижительный для него статус-кво»¹⁰.

Азербайджанское руководство объявило «четырёхдневную войну» большой победой. Выступая на заседании Кабинета министров, Ильхам Алиев констатировал: «В апреле 2016 г. Азербайджанское государство и азербайджанская армия нанесли серьезные удары по оккупантам. В ответ на очередную армянскую военную провокацию азербайджанская армия провела контрнаступательную операцию и освободила от оккупации тысячи гектаров земель. Это – наша славная историческая победа, которая вновь демонстрирует силу нашего государства, народа, нашей армии. Это еще раз показывает, что мы в любой момент можем решить вопрос военным путем»¹¹. В выступлениях азербайджанских политиков и экспертов стал рефреном звучать тезис о том, что их сограждане, а также азербайджанцы всего мира поверили в реальность возвращения полного контроля над «отторгнутыми землями»¹².

⁸ «Азербайджан-2016: стабильность и победа в Карабахе», *Вестник Кавказа*, 30 декабря 2016. <http://vestikavkaza.ru/news/Azerbaydzhan-2016-stabilnost-i-pobeda-v-Karabakhe.html>

⁹ Там же.

¹⁰ International Crisis Group, “Nagorno-Karabakh’s Gathering War Clouds,” June 1, 2017.

¹¹ Вступительная речь Ильхама Алиева... <http://ru.president.az/articles/22434>

¹² International Crisis Group, June 1, 2017.

На первый взгляд, приведенная выше аргументация выглядит обоснованной и логичной. Небольшие территориальные потери и определенные просчеты армянской стороны признал и президент Армении Серж Саргсян¹³. Однако было бы значительным упрощением судить об итогах «четырёхдневной войны» лишь по незначительным изменениям территориальной конфигурации в зоне конфликта.

Во-первых, азербайджанские войска, хотя и продемонстрировали высокий уровень подготовки и потеснили армянские силы, но не смогли продвинуться вглубь, тем более захватить важные позиции или населенные пункты на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР), не говоря уже о взятии столицы (Степанакерта) или разрушении ее инфраструктуры. Нагорный Карабах хотя и не стал самостоятельным участником переговорного процесса, но остался политически значимой единицей.

Во-вторых, апрельская эскалация 2016 г. не обрушила и дипломатический процесс вокруг карабахского урегулирования. Минская группа ОБСЕ как легитимный посредник продолжила свою работу, а активизация российской дипломатии происходила не в формате конфронтации с другими странами-сопредседателями, а как дополнительный канал для переговоров. Более того, Минская группа не сделала окончательного выбора между принципом территориальной целостности (на котором всегда настаивал Баку) и правом на самоопределение (что особо подчеркивал Ереван). Оба этих принципа были признаны равнозначными и равноцен-

¹³ “War May Resume at ‘Any Moment,’ Armenian President Warns,” *Bloomberg*, April 25, 2016. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-24/caucasus-war-may-resume-at-any-moment-armenian-president-says>

ными¹⁴. При этом и страны-сопредседатели Минской группы, все вместе и каждая по отдельности, и не входящий в нее Иран выразили приверженность исключительно мирным методам разрешения многолетнего этнополитического конфликта. Азербайджан получил однозначную поддержку только от Анкары и Киева.

В-третьих, в апреле 2016 г. эскалация вооруженного противостояния стала рассматриваться как беспрецедентная. Но в свое время в марте 2008 г., летом 2010 г., в августе 2014 г., декабре 2015 г. боестолкновения в Нагорном Карабахе удостаивались такой же оценки. На тот момент они были беспрецедентными событиями. При этом незначительные нарушения перемирия и режима прекращения огня наблюдались как до «четырёхдневной войны», так и после нее. И чередование переговорных раундов и эскалаций началось отнюдь не в апреле 2016 г. Этот алгоритм действовал на линии соприкосновения, а также неоспариваемой армяно-азербайджанской границе за пределами Карабаха задолго до этого. И 2016 г. не стал в этом плане каким-то исключением. Так, вслед за двумя раундами мирных переговоров – в Вене в мае и Санкт-Петербурге в июне – на международно признанной армяно-азербайджанской границе в декабре произошла военная эскалация.

Таким образом, апрельское обострение если и можно рассматривать как успех Баку, то, скорее, как психологический. Азербайджанская армия продемонстрировала свой высокий уровень и технические возможности, несопоставимые с годами военного конфликта в 1991-1994 гг. Она заставила многих и в Ереване, и в Степанакерте расстаться с шапкозакидательскими настроениями и пересмотреть оценки имеющегося потенциала Баку. Азербайджан на практике недвусмысленно обозначил свою готовность до-

¹⁴ «Минская группа ОБСЕ заявила о трех принципах урегулирования карабахского конфликта», *Кавказский Узел*, 9 апреля 2016.

<http://kavkaz-uzel.eu/articles/280576/>

бываться реванша в Карабахе военными методами, однако в то же время показал нежелание втягиваться в долгую позиционную войну, чреватую перенапряжением ресурсов и большими людскими потерями. При этом Баку не приобрел значительных стратегических дивидендов в виде смены курса на поддержку азербайджанской линии со стороны стран-сопредседателей Минской группы или разрушения непризнанной НКР по аналогии с Республикой Сербская Краина. Надежды на конфронтацию России и Запада как фактор, снижающий эффективность Минской группы, не оправдались, как и не сработал фактор российско-турецкой конфронтации.

В то же самое время апрельские события 2016 г. показали высокую степень патриотической мобилизации конфликтующего общества. Даже деятели, настроенные по отношению к власти оппозиционно, де-факто солидаризировались с политикой официального Баку. В этом плане показательными стали заметки политического обозревателя Рауфа Миркадырова, которого МНБ Азербайджана подвергало преследованиям и обвиняло в связях с армянскими спецслужбами. В первой своей статье, написанной после освобождения из заключения, он заявил, что «применение силы для освобождения семи прилегающих к Нагорному Карабаху оккупированных районов является не просто международно-признанным законным правом, но конституционной обязанностью азербайджанского правительства перед населением этих территорий, если конечно не удастся решить проблему мирным путем. А проблему не удастся решить мирным путем в течение 22 лет»¹⁵. Авторы доклада Международной кризисной группы цитируют «молодежного либерального активиста», который следующим образом описывает свои впечатления от событий апреля 2016 г.: «Все выражали свою солидарность, даже те, кто критико-

¹⁵ Рауф Миркадыров, «Я вернулся», *Meydan TV*, 9 апреля 2016. www.meydantv.ru/site/politics/13485/

вал коррупцию, нарушения прав человека, были едины во мнении о необходимости вернуть Карабах»¹⁶.

И это, пожалуй, важнейший урок апрельской эскалации: «карабахская идея» объединяет действующую азербайджанскую власть и оппозицию, правозащитников и преследуемых журналистов. Надеяться в этой ситуации на демократизацию и смену авторитарной власти как панацею в деле мирного урегулирования многолетнего этнополитического конфликта не представляется возможным.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ

В 2016 г. Азербайджан продолжил осуществлять диверсифицированную внешнюю политику, аккуратно балансируя между различными центрами силы.

К числу очевидных успехов Баку можно отнести выравнивание отношений с США и ЕС. В 2015 г. эти отношения были осложнены и омрачены серией жестких инициатив из Вашингтона и Брюсселя, включая фактический бойкот первых Европейских игр, резолюцию Европарламента с требованием введения адресных санкций в отношении ряда азербайджанских чиновников, а также внесение проекта «Акта по демократии в Азербайджане» в Конгресс США. Все эти действия стали реакцией на репрессивные меры азербайджанских властей в отношении гражданских активистов и правозащитников.

Однако в споре «прагматиков» и «идеалистов» в Вашингтоне и в Брюсселе верх одержали первые. В феврале Баку посетили глава Внешнеполитической службы ЕС Федерика Могерини и вице-президент Еврокомиссии по энергетическому союзу Марош Шефчович. В сентябре в азербайджанской столице побывали

¹⁶ International Crisis Group, June 1, 2017.

представители Европейского парламента. Этот визит был посвящен возобновлению контактов между Баку и Брюсселем в рамках межпарламентской ассамблеи «Евронест», прерванных за год до того после упомянутой выше резолюции. 30 сентября высший представительный орган Азербайджана, Милли меджлис, принял по этому поводу соответствующее решение. И, наконец, 14 ноября 2016 г. Еврокомиссия и Внешнеполитическая служба ЕС получили мандат на начало переговоров с Азербайджаном о деталях нового соглашения о партнерстве¹⁷. В течение всего 2016 г. Специальный представитель Евросоюза по Южному Кавказу Герберт Зальбер посетил Баку пять раз.

В конце марта – начале апреля Ильхам Алиев принял участие в Четвертом саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне. При этом инициатива его приглашения принадлежала президенту США Бараку Обаме. Стоит также отметить участие азербайджанского президента в лондонской конференции, поддерживаемой ООН, на тему «Поддержка Сирии и региона»¹⁸.

В 2016 г. Азербайджан продолжил курс на укрепление добрососедских отношений с Ираном. В феврале Ильхам Алиев посетил Тегеран. Президенты Азербайджана и Ирана провели первые двусторонние переговоры на высшем уровне после снятия Западом антииранских санкций (впоследствии новоизбранный президент США Дональд Трамп поставит целесообразность компромисса с Исламской республикой под сомнение). В рамках этого визита был подписан пакет двусторонних документов, состоящий

¹⁷ Елена Остапенко, Ялчин Алиев, «Еврокомиссия получила право начать переговоры с Азербайджаном о новом партнерском соглашении», *1 news.az*, 14 ноября 2016. <http://www.1news.az/politics/20161114051435555.html>

¹⁸ «В Лондоне началась донорская конференция по Сирии», *Голос Америки*, 4 февраля 2016. <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-syria-london-donors-conference/3176530.html>

из 11 соглашений и меморандумов¹⁹. Улучшение азербайджано-иранских отношений Баку постарался вписать в более широкий региональный контекст. 8 августа 2016 г. в столице Азербайджана прошел трехсторонний саммит президентов Ильхама Алиева, Хасана Роухани и Владимира Путина. В ходе встречи лидеров трех государств был рассмотрен широкий спектр проблем, начиная от энергетической безопасности до урегулирования этнополитических конфликтов и противодействия терроризму. По итогам переговоров была принята декларация, в которой стороны выразили приверженность «всестороннему развитию равноправного и взаимовыгодного сотрудничества», а также заявили о готовности «углублять и расширять политический диалог на различных уровнях» по темам, представляющим для Баку, Тегерана и Москвы «взаимный интерес»²⁰. Впрочем, надежды на то, что иранское руководство, будучи заинтересованным в развитии экономической кооперации с Азербайджаном, существенно скорректирует свои подходы по Нагорному Карабаху, не оправдались. Действительно, Хасан Роухани заявил о поддержке азербайджанской территориальной целостности, но увязал перспективы карабахского урегулирования исключительно с мирными методами²¹.

Впрочем, продвижение Баку на иранском направлении имело свои пределы. В декабре 2016 г. столицу Азербайджана посетил глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху в сопровождении 30 высокопоставленных чиновников. Комментируя ито-

¹⁹ «Президент Азербайджана в Иране: страны становятся все ближе», *Спутник-Грузия*, 24 февраля 2016. <https://sputnik-georgia.ru/world/20160224/230325265.html>

²⁰ «Россия, Иран и Азербайджан будут углублять политдиалог на различных уровнях», *РИА Новости*, 8 августа 2016. <https://ria.ru/world/20160808/1473874939.html>

²¹ Сергей Маркедонов, «Иран-Россия-Азербайджан: запрос на прагматическую кооперацию», *ПОЛИТКОМ.RU*, 9 августа 2016. <http://politcom.ru/21398.html>

ги его визита, Ильхам Алиев отметил «большой потенциал для сотрудничества»²². Баку крайне заинтересован в продолжении военно-технической и энергетической кооперации с Израилем, а также координации спецслужб. Но азербайджано-израильское партнерство беспокоит Тегеран, и поэтому многие представители иранского политического истеблишмента и исламского духовенства выразили свое недовольство визитом Нетаньяху и его встречей с азербайджанским лидером Ильхамом Алиевым²³. Не менее этого Иран опасается укрепления связей между Баку и Вашингтоном, а также ввода миротворческих сил в зону нагорно-карабахского конфликта. Это рассматривается как потенциально опасное «окружение» Исламской республики Иран. Как бы то ни было, а интенсивный (и конструктивный) диалог Баку и Тегерана в 2016 г. продолжился.

На российском направлении внешняя политика Азербайджана в рассматриваемый период не претерпела значительных изменений. Баку не сделал ни единого шага, который можно было бы трактовать как готовность к присоединению к евразийским интеграционным проектам под эгидой Москвы. В то же самое время азербайджанские власти не раз отмечали четыре принципиально важных сюжета в отношениях с РФ. Это военно-техническое сотрудничество, поддержка со стороны Москвы электоральных

²² «Президент Ильхам Алиев: Подписанные сегодня документы открыто демонстрируют большой потенциал сотрудничества Азербайджана и Израиля», *Trend News Agency*, 13 декабря 2016. <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/2697579.html>

²³ Представитель рахбара (духовного лидера) Ирана в провинции Западный Атрпатакан Сеид Мехди Горейши охарактеризовал посещение израильским премьером Баку «неприемлемым», в то время как аятолла Сеид Хасан Амели высказал мнение о циничном подходе Тель-Авива к Баку как к ресурсу для давления на Исламскую республику с севера. «Страны Закавказья и Иран: ситуативное взаимодействие», *Спутник-Армения*, 27 декабря 2016. <https://ru.armeniasputnik.am/analytics/20161227/5931521/strany-zakavkazya-i-iran-situativnoe-vzaimodejstvie.html>

процессов и «стабильности» внутри Азербайджана, посредническая роль в нагорно-карабахском урегулировании и высокий уровень доверия между первыми лицами двух стран. В своем пространном интервью главе МИА «Россия сегодня» Дмитрию Киселеву (18 октября) президент Алиев озвучил все эти сюжеты: «Личные отношения с Владимиром Владимировичем очень хорошие, я бы сказал, товарищеские, доверительные... сегодня вооружение азербайджанской армии — это в основном российское вооружение. Мы довольны этим сотрудничеством, и мы являемся одним из серьезных покупателей российского оружия, одним их крупных...»²⁴.

Как и в отношениях с Ираном, Азербайджан стремился встроить политику в отношении России в более широкие евразийские контексты. Во время конфронтации Москвы и Анкары азербайджанские власти стремились аккуратно балансировать между своим «стратегическим союзником» и «стратегическим партнером». И во время визита Владимира Путина в Стамбул 10 октября для участия во Всемирном энергетическом конгрессе, первой его поездки в Турцию после инцидента с российским бомбардировщиком Су-24, Ильхам Алиев принимал участие в трехсторонней беседе президентов РФ, Азербайджана и Турецкой республики²⁵.

2016 г. трудно назвать некоей революционной вехой в развитии стратегического союзничества между Анкарой и Баку. Из-за террористических атак в феврале и в марте были отменены два визита Эрдогана в Баку. Вместо мартовской поездки турецкого лидера его азербайджанский коллега побывал в Анкаре, где и

²⁴ Дмитрий Киселев, «Ильхам Алиев: Азербайджан готов отказаться от наращивания добычи нефти», *РИА Новости*, 18 октября 2016. <https://ria.ru/interview/20161018/1479448628.html>

²⁵ Сергей Маркедонов, «Россия-Турция-Азербайджан: проблематичное сотрудничество», *ПОЛИТКОМ.RU*, 12 октября 2016. <http://politcom.ru/21623.html>

провел двусторонние переговоры. Однако во время апрельской эскалации турецкая позиция на фоне других стран резко выделялась своей однозначностью. Президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил: «Турция с самого начала карабахского кризиса была рядом с Азербайджаном и продолжит оставаться с ним. Однажды Карабах непременно вернется к своему настоящему хозяину, снова станет азербайджанским»²⁶. Визит турецкого лидера в Баку состоялся 25-26 апреля в рамках VII Глобального форуме Альянса цивилизаций ООН. В рамках этого мероприятия состоялись очередные двусторонние переговоры глав двух государств. По их итогам было заявлено о том, что «Турция является ближайшим стратегическим союзником Азербайджана во всех сферах»²⁷.

Тем не менее, Анкара, не заинтересованная в углублении противоречий с Москвой, в которой она видит противовес американскому доминированию на Большом Ближнем Востоке, не стала наращивать свое военно-политическое участие в карабахских делах. Эта позиция дала возможность российскому МИДу выдать Турции широкий политический аванс. 14 октября в Ереване министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил: «То, что Турция может сыграть позитивную роль, обеспечивая разблокирование Нагорного Карабаха, обеспечивая нормальное экономическое взаимодействие в регионе – это такой важный фактор, который мы всегда учитываем. Если вдруг Армения и Турция вер-

²⁶ «Эрдоган предсказал возвращение Нагорного Карабаха “настоящему хозяину” - Азербайджану», *News.ru*, 4 апреля 2016. <http://www.newsru.com/world/04apr2016/erdogankarabah.html>

²⁷ Нана Гегелашвили, «Эрдоган в Баку: инспекция на месте?», *ПОЛИТКОМ.RU*, 28 апреля 2016. <http://politcom.ru/21041.html>

нутя к выполнению своих договоренностей без связи с карабахским конфликтом, мы будем только рады»²⁸.

Понимая разногласия, имеющиеся внутри евразийских интеграционных структур – ЕАЭС и ОДКБ, – а также неготовность всех стран-членов этих организаций поддерживать Ереван, Баку интенсифицировал двусторонние контакты с отдельными постсоветскими республиками. В 2016 г. можно говорить об активизации контактов между Баку и Минском. 28-29 ноября состоялся официальный визит в Баку президента Белоруссии Александра Лукашенко. Основным итогом поездки стало подписание пакета документов по различным направлениям (сельское хозяйство, энергетика). Была достигнута договоренность об увеличении товарооборота между странами в два раза – до 700 миллионов долларов²⁹.

Таким образом, в 2016 г. Азербайджан не примкнул ни к одному из центров силы и не присоединился ни к одному из конкурирующих интеграционных проектов (европейской или евразийской интеграции). При этом он выровнял отношения с США и ЕС, продолжил маневрирование между Западом, Россией, Ираном, Израилем и Турцией, а также интенсифицировал двусторонние контакты с постсоветскими республиками (Белоруссией).

²⁸ «Захарова: Москва приветствует конструктивную роль Турции в урегулировании карабахского конфликта», *Новостник*, 21 октября 2016.

<http://novostink.ru/russia/177991-zaharova-moskva-privetstvuet-konstruktivnuyu-rol-turcii-v-uregulirovanii-karabahskogo-konflikta.html>

²⁹ «10 важных политических событий для Азербайджана 2016 года: реальная новая война в Карабахе», *Vesti.az*, 30 декабря 2016.

<http://www.vesti.az/news/318111>

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА: ОТ ОГРАНИЧЕННОЙ ОТТЕПЕЛИ К УСИЛЕНИЮ ВЛАСТНОЙ ВЕРТИКАЛИ

Внутриполитическая динамика 2016 г. в Азербайджане отличалась противоречивостью. В марте власти Азербайджана попытались приостановить массированное давление на гражданское общество, резко возросшее, начиная с 2014 г. Президент Ильхам Алиев подписал указ о помиловании 148 осужденных (14 из них рассматривались правозащитниками как политические заключенные). По словам публициста Шахина Рзаева, это было «рекордное количество освобожденных политзаключенных, причем, без всяких челобитных и “возложения цветов на могилу общенационального лидера”»³⁰. На свободу вышли такие известные гражданские активисты и журналисты, как Интигам Алиев, Рауф Миркадыров и Расул Джафаров.

Впрочем, в этом решении нельзя не увидеть взаимосвязь между внутренней ситуацией и внешнеполитическими устремлениями Баку. Наступление на НПО и правозащитников вызвало негативную волну на Западе, что выразилось в серии резолюций и законодательных инициатив в Европейском парламенте и Конгрессе США. Представляя оттепель как жест доброй воли, Баку в целом добился позитивных изменений на американском и европейском направлении. И в дальнейшем либерализация не получила своего продолжения. В мае 2016 г. активисты Байрам Мамедов и Гияс Ибрагимов были задержаны за граффити со словами «С праздником рабов!» на постаменте памятника Гейдару Алиеву³¹. Оба были приговорены к десяти годам лишения свободы. Два акти-

³⁰ Шахин Рзаев, «Азербайджанская оттепель», *JAM news*, 29 марта 2016. <https://jam-news.net/?p=3366&lang=ru>

³¹ Фаик Меджид, «Активисты НПО: 2016 год прошел в Азербайджане под знаком углубления кризиса», *Кавказский узел*, 31 декабря 2016. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295258/>

виста партии Народный фронт были арестованы под предлогом участия в движении турецкого проповедника Фетхуллы Гюлена. По поводу арестов участников движения «Мусульманское единство» есть определенные разночтения в интерпретациях. И если власти говорят об их деятельности как экстремистской, ориентированной на распространение религиозного радикализма, то правозащитники настаивают на репрессивном характере действий спецслужб³².

Пожалуй, главным внутривнутриполитическим событием 2016 г. стало внесение поправок к Конституции Азербайджана. Процесс изменения Конституции был анонсирован 18 июля, когда Ильхам Алиев отправил в Конституционный суд проект преобразований. Азербайджан неоднократно реформировал свою Конституцию, но самой масштабной и принципиальной переработке она подверглась в 2008-2009 гг. Тогда на голосование была вынесена 41 поправка к 29 статьям. По итогам референдума в марте 2009 года были сняты ограничения по количеству legislatures для одного главы государства, и на выборы 2013 г. Ильхам Алиевы выходил уже как первый президент третьего срока³³.

26 сентября 2016 г. на референдум были вынесены 29 поправок к Конституции Азербайджана. Наиболее важные из них предполагали увеличение президентской legislatures с пяти до семи лет, а также наделение главы государства правом роспуска национального парламента. Первая из этих поправок набрала на референдуме 84% голосов, а вторая – 88%. Помимо этого, из сотой статьи Конституции «Требования к кандидатам в президенты» было предложено исключить возрастное ограничение. До 2016 г. правом выдвижения обладал кандидат в возрасте «не моложе 35

³² Там же.

³³ Севвиндж Абдуллаева, «Референдум о внесении изменений в конституцию Азербайджана назначен на 26 сентября», ТАСС, 26 июля 2016. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3486867>

лет». В тексте сто первой статьи предлагалось такое изменение, как наделение президента полномочиями объявлять внеочередные выборы. Новый проект Конституции вводил посты первого вице-президента и вице-президента, которые должны будут назначаться, а также и освобождаться от своих должностей главой государства. В итоге различные поправки получили поддержку в интервале от 83% до 92% голосов³⁴.

Референдум стал еще одним тестом не только для власти, но и для оппозиции. Оппоненты жестко и однозначно оценили кампанию как торжество административного ресурса и фальсификации народного волеизъявления. И, скорее всего, неприятие конституционных поправок на годы вперед определит аргументацию оппозиционеров. Однако эффективных способов противодействия намерениям властей критики режима не предложили, как не выдвинули и новых ярких лидеров, которые были бы интересны населению и вызывали бы доверие вопреки административному вмешательству и репрессиям³⁵. Кампания по конституционным поправкам стала тестом для Запада. И ЕС, и США, видя в Азербайджане важного энергетического партнера, обеспечивающего «энергетическую независимость» от России, фактически признали результаты сентябрьского референдума. Вице-президент Европарламента Ричард Чарнецки заявил за две недели до голосования, что высший представительный орган «единой Европы» «с уважением отнесется к результатам референдума по внесению изменений в Конституцию Азербайджана»³⁶. По словам же тогдашнего официального представителя Госдепа Марка Тонера,

³⁴ Севиндж Абдуллаева, 2016.

³⁵ Сергей Маркедонов, «Конституционная реформа по-азербайджански», *ПОЛИТКОМ.RU*, 28 сентября 2016. <http://politcom.ru/21567.html>

³⁶ Р. Бабаев, «Европарламент с уважением воспримет итоги референдума по изменениям в Конституцию Азербайджана – вице-президент», *Интерфакс-Азербайджан*, 9 сентября 2016. http://interfax.az/view/681804?utm_source=rnews

США «не намерены вмешиваться в вопрос о сроке полномочий главы республики»³⁷.

Таким образом, по итогам 2016 г. правящая элита решила вопрос о пролонгации президентских полномочий и укреплении властной вертикали. Другой вопрос, что это укрепление не снимает имеющихся социальных и экономических проблем, а отсутствие светской оппозиции переводит протест в радикальное и экстремистское русло.

ЭКОНОМИКА: ТРЕВОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Выступая на заседании кабинета министров Азербайджана, посвященном итогам года, президент Ильхам Алиев, несмотря на оптимистическую риторику и заявления о победах над кризисными явлениями, признал существование масштабных проблем в национальной экономике. По его словам, в 2016 г. «Азербайджан, как и остальные страны, богатые нефтью, страдал от падения цен на нее». Он также констатировал падение внутреннего валового продукта из-за этого: «...нефть, являющаяся нашим основным источником дохода, принесла нам в 3-4 раза меньше прибыли»³⁸. ВВП республики в рассматриваемый период снизился на 3.7% по сравнению с показателем 2015 г. При этом доля госдолга к ВВП также увеличилась (16% против 13.75%).

Это не могло не отразиться и на структуре расходов республики, прежде всего оборонных (приоритетных для страны, ста-

³⁷ «Госдеп: США не собираются диктовать Азербайджану срок полномочий президента», *РИА Новости*, 27 сентября 2016. <https://ria.ru/world/20160927/1478004196.html>

«Вице-президент Европарламента поддержал референдум в Баку», *Haqqin.az*, 9 сентября 2016. <https://haqqin.az/news/79719>

³⁸ Вступительная речь Ильхама Алиева... <http://ru.president.az/articles/22434>

вящей своей целью возвращение «утраченных земель» всеми способами, включая и военный). По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), в 2016 г. Азербайджан сократил военные расходы на 36%. Наряду с Азербайджаном самое масштабное сокращение военных расходов в связи с уменьшением национальных доходов от нефти было зафиксировано в Венесуэле (-56%), Южном Судане (-54%), Ираке (-36%) и Саудовской Аравии (-30%)³⁹.

Азербайджанская национальная валюта, пережившая в 2015 г. две девальвации, продолжала дешеветь и в 2016 г. Инфляция также осталась на высоком уровне (12.4%). По мнению члена Азербайджанского национального общественного комитета по евроинтеграции Тогрула Джуварлы, «из-за роста курса доллара и дефицита иностранной валюты в сложном положении оказались импортеры, многие из них стали просто сворачивать бизнес и уводить его в другие страны»⁴⁰. Доходы Нефтяного фонда в долларовом эквиваленте сократились на 4%, хотя на начало 2017 г. они и составляли 33 млрд долларов США.

В то же самое время далеко не все экономические параметры можно занести в пассив. Так, официальный уровень безработицы (правда, не учитывающий скрытую безработицу, особенно в сельской местности) не был высок. Он составил порядка 5%. Торговый баланс Азербайджана остался положительным, хотя падение цен на энергоносители стало опасным вызовом для национальной экономики⁴¹.

³⁹ “World Military Spending: Increases in the USA and Europe, Decreases in Oil-Exporting Countries,” SIPRI, 24 April 2017. <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe>

⁴⁰ Фанк Меджид, 2016.

⁴¹ Дурна Сафарова, «Азербайджан: На фоне экономических проблем растет безработица», *Eurasianet.org*, 25 февраля 2016. <http://russian.eurasianet.org/node/62896>

Власти предприняли целый ряд шагов, нацеленных на преодоление кризисных явлений. Был создан институт помощника президента по экономическим реформам, составлена «дорожная карта» диверсификации экономики и снижения ее критической зависимости от нефтяного сектора⁴². Были сделаны определенные шаги по де бюрократизации, в частности, сокращено количество лицензий и разрешений на ведение бизнеса (с 59 до 37). Сами лицензии стали выдаваться бессрочно, а их стоимость снизилась⁴³.

Таким образом, несмотря на то, что Азербайджан по итогам 2016 г. сохранил позиции самой сильной экономики Закавказья, он столкнулся с серьезными испытаниями. Они возникли отнюдь не в рассматриваемый период, а раньше, и многие из них имеют системный характер – прежде всего, недостаточная диверсификация национальной экономики.

⁴² Станислав Притчин, «Экономика Азербайджана в кризис цен на нефть и ее перспективы», *AZERITODAY*, 16 марта 2017. <https://azeri.today/articles/3617/>

⁴³ Азад Гасанли, «В 2016г Азербайджан заложил основу для перехода на независимую от нефти модель экономики», *Trend News Agency*, 5 января 2017. <http://www.trend.az/business/economy/2705681.html>

АРМЕНИЯ-2016: ГОД КРИЗИСОВ

Александр Искандарян

Политический 2016 год выдался для Армении сложным, если не сказать трагическим. В этом году в стране произошло несколько важных событий, серьезно повлиявших на политическую жизнь. Их последствия будут ощущаться не один год. Самыми существенными из этих событий можно считать апрельскую эскалацию в Нагорном Карабахе, июльский захват группой вооруженных людей здания полка патрульно-постовой службы Полиции Армении на окраине Еревана и смену премьер-министра Армении в сентябре. Парадоксальным образом, все эти три события, казалось бы, из совершенно разных сфер общественно-политической жизни, непосредственно связаны друг с другом, и все три далеко выходят по своим смыслам и последствиям за пределы той сферы, к которой они формально относятся.

Апрельская эскалация – это далеко не одна из рядовых эскалаций в зоне конфликта, которые случались и случаются на протяжении более чем четверти века после окончания войны 1991-1994 гг. Последствия захвата полка ППС выходят далеко за пределы обычной криминальной истории или обычного акта политического насилия, а смена премьера Армении в преддверии изменения формы управления страной также значит гораздо больше, чем обычная смена чиновника, пусть и очень высокого уровня.

РАЗМОРОЗКА КАК ПРИЧИНА ЗАМОРОЗКИ

Апрельская эскалация, с легкой руки газетчиков, прочно уже вошедшая в историю под названием «четырёхдневная война», до-

статочно подробно описана в статье Сергея Минасяна в этом же сборнике. На мой взгляд, войной, тем не менее, ее называть не совсем правомерно, во всяком случае, широкомасштабной войной она не была, столкновения на крайнем юге и крайнем севере Карабаха были хоть и крупными, но локальными. Не было мобилизаций, не была задействована авиация, не была даже предпринята попытка ракетного обстрела и, тем более, танкового прорыва на Степанакерт. Можно спорить, была ли это разведка боем или прощупывание возможностей армянских сторон держать оборону, или же наступление не планировалось изначально и никакая перспектива широкомасштабного наступления и не рассматривалась, но в «настоящую войну» боевые действия не превратились. Однако нас тут интересуют не военные, а политические последствия апрельской эскалации для карабахской проблемы в целом.

Первое следствие, впрочем, имеет отношение к балансу сил в регионе конфликта: апрельские столкновения подтвердили наличие этого баланса. Уникальность карабахского конфликта на постсоветском пространстве в том, что нынешняя конфигурация границ поддерживается уже почти четверть века без наличия каких-либо миротворцев или разделяющих сил, которых в зоне этого конфликта нет и никогда не было. Именно баланс сторон позволяет поддерживать территориальный статус-кво все это время, и нарушить его не удалось и в этот раз. Все, чего удалось достичь азербайджанской стороне, используя фактор внезапности, произошло практически в первую ночь – ночь на второе апреля. Территориальные приобретения азербайджанской стороны ничтожны и не имеют практически никакой стратегической ценности. Переломить ход событий в свою пользу не удалось ни одной из сторон, и в войну эта ограниченная военная кампания так и не переросла. В данном контексте даже не очень важно, захлебнулось ли наступление, или заранее было решено, что реальной целью военной операции не является широкомасштабная

война. И в том, и в другом случае стало понятно, что ни одной из сторон не удастся решить карабахскую проблему блицкригом. Под балансом в данном случае понимается отнюдь не только баланс вооружений и армий, но и сложная конфигурация различного типа ассиметричных балансов: от географической конфигурации линии соприкосновения до различного типа лоббингов в столицах мировых держав. В результате апрельской эскалации еще раз стало ясно, что с одной стороны, у Баку осталось немного реальных способов давления на Ереван и Степанакерт, кроме нарушений перемирия¹, а с другой – что широкомасштабная война не может рассматриваться как способ реального решения проблемы. А из этого напрямую следует, что сочетание переговорного процесса с время от времени возникающими эскалациями – это не случайность, а стратегия, которой будет придерживаться Азербайджан и в дальнейшем, вопрос только в размерах, типах и интенсивности этих эскалаций.

Второй, уже чисто политический урок этой эскалации в том, что переговорный процесс уже не может сколько-нибудь серьезно ставить перед собой задачу урегулировать конфликт. Великие державы – сопредседатели Минской группы ОБСЕ – озабочены в основном сокращением количества жертв, созданием системы расследования инцидентов, увеличением количества мониторов и т.д. Все эти меры направлены на купирование насилия и снижение рисков столкновений, а отнюдь не на окончательное урегулирование конфликта и достижение мира. Давление на стороны впредь – в обозримом будущем – будет оказываться не с целью принудить их к миру и компромиссам, а с целью понижения рисков. То, что происходит сейчас – это не урегулирование конфликта, а попыт-

¹ Arzu Geybulaeva, “De Waal: Kremlin ‘Not Primary Actor’ Behind Nagorno-Karabakh Conflict,” *RFE/RL*, April 4, 2016. <https://www.rferl.org/a/russia-armenia-azerbaijan-nagorno-karabakh-de-waal-kremlin-not-primary-actor/27654309.html>

ка управления им. Эта ситуация не нова, в этом направлении она развивалась примерно с 2011 г., но после апрельской эскалации приняла окончательную форму. Усилия Минской группы теперь будут направлены на сохранение статус-кво, а не на мирное урегулирование конфликта. Парадоксальным образом, разморозка конфликта привела к его заморозке.

Ну и последнее обстоятельство: апрельская эскалация привела к почти полной ликвидации перспективы мира в дискурсах внутри Армении. Это также не новый процесс, он шел довольно давно. Очевидная невозможность решения проблемы в реальной перспективе приводила постепенно к минимизации миротворческих дискурсов в Армении. К статус-кво все больше начинали относиться не только как к неизбежности, но и как к естественному состоянию дел. Однако в 2016 году такого рода дискурсы стали практически мейнстримом. Армянское общество после апрельской эскалации почти единогласно считает, что партнера для переговоров в лице Азербайджана просто не существует.

НЕИСТОВЫЕ ИЗ САСУНА

17 июля 2016 г. группа вооруженных людей, протаранив грузовиком ворота, захватила полк полиции на окраине Еревана и взяла в заложники находившихся там полицейских. Изначально захватчики выдвинули требование освободить из-под ареста Жирайра Сефиляна, одного из лидеров внесистемного радикально-оппозиционного движения «Учредительный парламент», арестованного месяцем ранее по подозрению в организации незаконной перевозки и хранении оружия. При штурме четверо полицейских были ранены, один убит. Затем члены вооруженной группы сдела-

ли ряд заявлений о начале вооруженного восстания². Группа продолжала удерживать заложников, но в результате переговоров их удалось постепенно освободить, и 31 июля вооруженная группа сдалась. Члены группы называли себя «Сасна црер» («неистовые из Сасуна» – персонажи армянского эпоса).

Во время противостояния стихийно образовались митинги симпатизантов «Сасна црер», поддержавших их требования и выступавших с призывами снять полицейское окружение захваченного полка полиции. Митинги проходили в основном в районе проводящейся операции. Были попытки прорыва полицейских кордонов, а при попытках манифестантов проникнуть на территорию окруженного полка произошли столкновения с полицией. Митинги, столкновения и задержания митингующих продолжались и после ареста членов вооруженной группы.

Считать июльские события обычным криминальным столкновением было бы неправомерно и не только потому, что требования радикалов были политическими. Происходившее было отнюдь не просто отдельным актом некоей изолированной группы людей. Мятежники явно пользовались поддержкой в некоторых стратах общества. При общей невнятности и разнородности, даже сумбурности требований, сама по себе резко радикальная настроенность акции была поддержана существенным количеством людей в социальных сетях, в гражданском обществе и на митингах. Не всегда, конечно, по крайней мере публично, одобрялись их методы, но цели, а именно свержение власти, пользовались достаточно массовой поддержкой. Популярным тезисом стал тезис о невозможности смены власти иным путем, кроме насильственного.

Применение насилия в качестве политического инструмента происходит в Армении не в первый раз. Теракт в парламенте в ок-

² «Ответственность за захват здания полиции в Ереване взяла “Учредительный парламент”», *Кавказский Узел*, 17 июля 2016. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/285923/>

тябре 1999 г., затем вооруженное выступление в «день Гая Фокса» в ноябре 2013 г. под руководством Шанта Арутюняна, закончившееся арестом его и его группы, и, наконец, предотвращенный теракт в Ереване в ноябре 2015 г. – по этим акциям можно проследить некую логику попыток политического насилия в Армении. Обычно эти акции совершали довольно маргинальные личности, группы формировались ситуативно, на скорую руку, и были очень разнородными. Цели различными членами групп формулировались по-разному и чаще всего довольно противоречиво. При неясности целей, группы обычно объединяла установка на насилие как способ решения проблем, которые чаще всего трактовались как необходимость смены людей в руководстве страны. Однако в июле 2016 стал очевидным новый элемент: действия группы получили поддержку в обществе, отторжение насильственных акций не было полным, более того, сочувствие радикалам выражала существенная часть социума. Косвенным свидетельством этого является тот факт, что даже в официальных сообщениях мятежники не назывались «террористами», и, за исключением двух или трех сообщений, после их ареста их по-прежнему «террористами» не называли. При однозначно негативном значении этого слова, называть им людей, пользовавшихся поддержкой в обществе, не прибавило бы популярности называвшим.

В составе группы «Неистовых» было немало ветеранов карабахской войны, и среди того, что члены группы говорили в своих интервью, были заявления о том, что одной из причин восстания является недопущение «предательства», т.е. территориальных уступок в Карабахе, на которые, предположительно, собирается пойти армянское руководство. Этот элемент явно был усилен апрельской эскалацией и общей радикализацией общественных дискурсов, последовавшей за эскалацией. Катастрофически низкая легитимность властей в сочетании с явным ослаблением «традиционной оппозиции», вызвавшим неверие в перспективу

собственно политической борьбы, привела к резкому понижению легитимности всей политической системы в целом. Тезис о всеобщей коррумпированности системы выборов вкупе с невозможностью или нежеланием бороться с этой системой изнутри политикума приводит к психологической легитимизации других методов политической борьбы. А при довольно характерной для молодых политий персонализации проблем, тезис о смене лидеров как панацее работает на рост радикализма и время от времени совершаемые попытки решить проблему насильственным путем. Очевидно, этот тренд не вполне осознавался властями, или, во всяком случае, казался им технической проблемой. Маргинализация политической оппозиции, имеющаяся у нынешней администрации возможность постоянно выигрывать выборы всех уровней, полное отсутствие сколько-нибудь серьезных угроз изнутри политической системы, отношение власти к возникающим всплескам недовольства как к проблемам, требующим полицейской, а не общественно-политической реакции – все это приводило к нарастанию общественной поляризации, что и проявилось в июле 2016 г.

КРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖЕР КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Практически сразу после июльского противостояния, в сентябре, в начале «политического сезона» в Армении произошла смена премьер-министра. Премьер Овик Абрамян подал в отставку, выступив при этом с чрезвычайно примечательным заявлением, что он уходит, дабы дать возможность новому правительству «консолидировать общество»³. Действительно, смена премьеров

³ «Премьер-министр Армении подал в отставку», РБК, 8 сентября 2016. <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2016/57d11d769a79471875f9b1c9>

в данном случае была гораздо большим событием для Армении, чем просто смена одного из высших должностных лиц.

Во-первых, отставка Абрамяна была одним из требований «Сасна Црер». Овик Абрамян воспринимался обществом как ставленник олигархии, символ неэффективного управления и коррумпированности. Во-вторых, в апреле 2017 г. предстояли парламентские выборы, и в условиях столь низкой популярности властей проводить их при старом правительстве было бы чрезвычайно трудно. В-третьих, после перехода на новую Конституцию и парламентскую систему, политическая цена парламентских выборов 2017 г. оказалась много выше, чем у выборов предыдущих парламентов. По вступлении в силу новой Конституции в 2018 г., по завершении второго срока президента Саргсяна, парламент должен был стать центром принятия политических решений, а премьер-министр – главной фигурой в государственной системе.

Это вовсе не означает, что в 2018 г. премьером непременно останется тот, что был назначен в 2016 г. Однако в условиях глубокого кризиса легитимности до смены систем явно нужно было принимать уже не полицейские или технические меры, но как минимум задействовать методы социальной инженерии. Это и было сделано. Новый премьер-министр Карен Карапетян очень сильно отличался от предыдущего, в первую очередь, бэкграундом. В Армении у Карапетяна была репутация успешного менеджера, человека образованного и современного. Долгие годы он возглавлял ЗАО «Армросгазпром» – крупное по масштабам Армении предприятие. Как наемный менеджер, да еще и в иностранной компании, он не считался классическим представителем олигархата. Последние годы он работал в Москве, то есть не был частью узкого круга армянских бизнес-элит. Ну и, может быть, самое важное обстоятельство – Карен Карапетян не воспринимался армянским обществом как часть политической корпорации, центром кото-

рой является Республиканская партия и формирующийся вокруг нее элитный консенсус.

Вряд ли назначение Карапетяна состоялось бы без истории с «Сасна црер». Его ценность для властей именно в том и заключалась, что, будучи человеком системным, он находился во вне армянской политической системы, по крайней мере, в общественном мнении. Однако именно это факт запрограммировал его поведение внутри элитной корпорации. Не имея опор внутри этой корпорации просто в силу личной биографии, т.е. не имея собственной клиентелы в виде сегмента бюрократической машины и аффилированного с ней крупного бизнеса, он, как и почти все т.н. «молодые реформаторы» постсоветского пространства, должен непременно пытаться добиться успеха другим путем. Путь этот – прежде всего, пиар, причем, опять же в силу личного имиджа, пиар экономических реформ, деолигархизации⁴, борьбы с коррупцией и гармонизации издержек в схеме управления. Требовалась обязательная демонстрация успехов в экономике, привлечении инвестиций и улучшении управления. За достаточно короткое время, оставшееся до смены власти – примерно полтора года, – невозможно добиться укрепления своей группы влияния в давно сложившейся бюрократически-аппаратной корпорации. Соответственно, укрепиться можно только за счет успехов, внешних по отношению к этой корпорации. А таким успехом может быть только экономический рост.

Сложности на этом пути, правда, также совершенно очевидны. Добиться сколько-нибудь устойчивого экономического роста невозможно за столь короткое время. Перспективы экономического роста в Армении есть, и можно попробовать их оседлать, отчасти приписав их новому правительству, отчасти, действительно,

⁴ «Новый премьер Армении Карен Карапетян вывел из правительства олигархов», *Dalma News*, 24 сентября 2016. <http://dlmn.info/ru/novyy-premer-armenii-karen-karapetyan-vyvel-iz-pravitelstva-oligarhov/>

проводя институциональные реформы, отчасти привлекая инвестиции в экономику различного вида лоббингами за границей. Но известно, что социальные последствия экономического роста начинают ощущаться далеко не сразу. Устойчивого экономического роста принципиально труднее добиться, чем кратковременных эффектов, а политическая задача как раз в том, чтобы уменьшить поляризацию в обществе за сравнительно короткий период.

Проблемы, стоящие перед экономикой Армении, а значит, и социальной сферой, весьма сложны. Необходимость выплаты внушительного долга, в основном набранного предыдущим правительством за период экономического кризиса; сращивание бизнеса и политики, тормозящее развитие экономики; несоразмерное влияние крупных корпораций на принятие решений, в том числе законодательных; картельное формирование цен и т.д. – все эти проблемы невозможно решить революционным путем. Они требуют долгой и системной работы.

Однако встряска политической системы 2016 г., похоже, дали элитам понимание того, что эти проблемы системны, и работать с ними нужно системно. Просто закрывать на них глаза и продолжать прошлую политику опасно для страны и для самих элит. Реактивная политика, то есть реагирование на возникающие вызовы постфактум, явно приводит к кризису и в системе обороны, и в управлении, и в собственно политическом поле. Явно нужна проактивная, системная работа на уровне всего государственного аппарата. Насколько глубоко такое понимание и насколько оно устойчиво, покажет будущее.

ГРУЗИЯ – 2016. ВИДЕН ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА?

Гиоргий Масалкин

8 октября 2016 г. в Грузии состоялись выборы в избираемый на 4 года однопалатный парламент, состоящий из 150 депутатов, из которых 77 избираются по пропорциональной системе, а 73 – по мажоритарной. В 2016 г. для населения Грузии в который раз наступили черно-белые времена. С одной стороны – быстро теряющая кредит доверия «Грузинская мечта» (Иванишвили и Ко), с другой – находящееся в тяжелом положении, не нашедшее достаточных ресурсов для обновления и ребрендинга Единое национальное движение (Саакашвили и Ко).

Логика переходного периода, постепенно приобретающая в Грузии перманентный характер, опирается на концептуализацию трудностей управления государством после смены режима, когда не оправдавшимися надеждам надо противопоставить особые форс-мажорные меры. Зачастую реформаторы во власти искренне верят в то, что эти меры и дополнительное время нужны народу Грузии, чтобы власть смогла завершить начатые благие дела. Лучшим инструментом для оправдания подобной политики является враг, реальный или воображаемый, который всячески мешает эти благие начинания завершить...¹

Каждая из двух сторон стремится делегитимизировать оппонента. Обе стороны преуспели в созидании образа врага и в стра-

¹ Заза Пиралишвили, «Театральная диалектика грузинской политики», 11 ноября 2007. (на груз.) <http://www.nplg.gov.ge/gsd/cgi-bin/library.exe?e=d-00000-00---off-0civil2--00-1---0-10-0---0---0prompt-10---4-----0-11-10-ka-50--20-about---00-3-1-00-0-0-01-1-0utfZz-8-00&a=d&c=civil2&cl=CL2.30&d=HANSce8ea8458bc23328cfb02.3.1>

щании народа этим врагом. Запуганный и растерянный избиратель не увидел других цветов в политическом раскладе Грузии; в любом случае, он сделал ставку на основе этой антагонистической двухсубъектной модели.

Результаты выборов таковы: партия «Грузинская мечта», принимавшая участие в выборах самостоятельно, не создавая коалиции (в отличие от 2012 г.), получила голоса 856 тыс. избирателей, это 48.7% голосов и 116 мест в парламенте, что обеспечило ей прочное конституционное большинство². Преодолеть барьер в 5% смогли также два других политических субъекта. В парламент прошли Единое национальное движение, получившее 456 тыс., или 27% голосов и 27 мест, и Альянс патриотов, набравший 88 тыс. голосов, или 5% и 6 мест в парламенте³. Тут надо отметить, что эта ура-патриотическая, неизвестно откуда и кем финансируемая, популистская и весьма реакционная партия впервые участвовала в парламентских выборах. Она резко и агрессивно критиковала Единое национальное движение, а также все партии либерального толка. Гораздо умереннее выступали власти. Сам факт, что эта партия едва преодолела избирательный барьер, многим в Грузии показался подозрительным.

Всего в выборах приняло участие 1.8 млн избирателей, явка была довольно низкой: 51.6%⁴. Характерная деталь – социологические опросы в предвыборный период выявили беспрецедент-

² «В парламент Грузии проходят три партии после подсчета 99,92% бюллетеней», *РИА Новости*, 9 октября 2016. <https://ria.ru/world/20161009/1478828287.html>

³ Там же.

⁴ «Соратники Саакашвили на выборах в Грузии отстали от правящей партии на 23%», *Взгляд*, 9 октября 2016. <https://vz.ru/news/2016/10/9/836966.html>

ное для новейшей истории Грузии количество людей, не определившихся с выбором⁵.

Международные эксперты признали предвыборный период удовлетворительным. Были и происшествия, конечно, но общую картину они не сильно испортили. Так, в селе Корцхели произошла массовая потасовка, в которой на стороне власти участвовали борцы и регбисты⁶. Использование в социальных сетях компрометирующих видео- и аудиозаписей практически свело на нет шансы быстро набиравшего вес нового политического субъекта «Государство для народа» во главе с Паатой Бурчуладзе (всемирно известный бас), по результатам некоторых опросов вышедшего даже на второе место⁷. В ряду происшествий был и взрыв машины депутата-оппозиционера от Единого национального движения, чудом не приведший к смертельному исходу⁸. Надо сказать, что лишь по большому везению в предвыборный период не пролилась кровь, ведь были еще инциденты непосредственно во время выборов, самый громкий – в Марнеули.

Прошедший под знаком парламентских выборов 2016 г. запомнился также следующими событиями: впервые регионы Грузии, плотно заселенные азербайджанцами, перестали играть роль лишь копилки голосов для властной партии и начали делать свой выбор (опять же, пример Марнеули). На выборах была отмечена

⁵ Нестан Чарквиани, «Опрос NDI: ни одна партия в Грузии не обладает явным преимуществом», *Голос Америки*, 19 октября 2015. <https://www.golos-ameriki.ru/a/georgia-ndi-poll/3013319.html>

⁶ «Драка на выборах в Корцхели — полная видеOVERсия», *Новости-Грузия*, 22 мая 2016. <https://www.newsgeorgia.ge/draka-na-vyborah-v-kortseli-polnaya-versiya/>

⁷ Серго Брегвадзе, «Кто подставил Бурчуладзе?», *Эхо Кавказа*, 15 сентября 2016. <https://www.ekhovkavkaza.com/a/27991329.html>

⁸ «Бурчуладзе назвал взрыв в центре Тбилиси терактом», *Sputnik-Georgia*, 5 октября 2016. <https://sputnik-georgia.ru/politics/20161005/233393319/Burchuladze-nazval-vzryv-v-centre-Tbilisi-teraktom.html>

высокая активность получивших грузинское гражданство граждан Турции, по некоторым сообщениям, массово пересекавших границу, чтобы принять участие в голосовании.

Выборы закончились. На понятный нам всем на Кавказе вопрос «были ли они сфальсифицированы?», я бы ответил: «нет, они были куплены». Победила «организация»: количество затраченных денег, количество штабов, купленных активистов, так называемых координаторов, бонус-система их оплаты и т. д. На этих «черно-белых» выборах победила не идеология, не политика и не внешнеполитические ориентиры, а «организация», которая особенно хорошо работает там, где, говоря словами Руссо, очень богатые покупают, а очень бедные продаются. А поскольку население остается таким же люмпенизированным, но есть в стране и очень богатые (а главное, один очень богатый), то можно говорить о шаге назад в плане совершенствования политической культуры грузинского общества.

Власть фактически анонсировала цель достижения конституционного большинства в парламенте по результатам выборов. Идеологически это, естественно, обосновывалось эффективностью правления и волей народа. Конституционное большинство, как известно, обязывает – и «большинство» взялось за исполнение своих обязанностей. С исполнительной властью, то есть, с формированием правительства, проблем не было бы и при наличии простого большинства в парламенте. Однако в том, что касается других ветвей власти, ситуация не такая простая.

Новая власть не дружит с президентом, следующие выборы которого пройдут в 2018 г. Поэтому комиссия по конституционной реформе успешно работает над проблемой ограничения президентских полномочий. При отсутствии судебной реформы как таковой, в условиях авторитаризма прежней власти, новой власти пришлось принимать определенные меры для приручения ряда представителей судебных органов, почувствовавших вкус свобо-

ды. Методы не отличаются особой новизной: это извечная политика кнута и пряника.

Средства массовой информации. Здесь тоже пришлось «наводить порядок». Инфантильная природа грузинской общественной культуры создает благоприятный фон для такого постмодернистского феномена, как «насилие над реальностью» или «моделирование реальности». Зная о влиянии экранной шоу-политики на грузинское общество, новая власть начала политику укрощения главных СМИ в стране. И все вроде бы шло хорошо для властей: директором общественного телеканала «неожиданно» был избран близкий к Иванишвили человек; другие телеканалы «вдруг» стали менее ершистыми, и, к тому же, некоторые из них оказались в одном холдинге («Маэстро», «Имеди», GDS)⁹.

Ведущему оппозиционному телеканалу «Рустави-2», главному нарушителю спокойствия, обладающему к тому же самым высоким рейтингом, по решению Верховного суда Грузии сменили владельца, и, следовательно, должна была смениться и редакционная политика. Но тут, опять же, неожиданно, свое слово сказал Страсбург. Произошел беспрецедентный случай – Европейский суд по правам человека приостановил исполнение решения Верховного суда Грузии и потребовал нового, более тщательного рассмотрения дела!¹⁰

Помимо «Рустави-2», реалии конституционного большинства выдержал также грузинский неправительственный сектор (в

⁹ «Общественный вещатель Грузии возглавил Васил Маглаперидзе», *Sputnik-Georgia*, 6 января 2017. <https://sputnik-georgia.ru/society/20170106/234458350/Obshhestvennyja-veshhatel-Gruzii-vozglavil-Vasil-Maglapiridze.html>

¹⁰ «СРОЧНО – Страсбургский суд по правам человека приостановил исполнение решения Верховного суда Грузии по телекомпании “Рустави-2”», *Новости-Грузия*, 3 марта 2017. <https://www.newsgeorgia.ge/srochno-strasburgskij-sud-po-pravam-cheloveka-priostanovil-ispolnenie-resheniya-verhovnogo-suda-gruzii-po-telekompanii-rustavi-2>

нашей стране довольно, впрочем, политизированный) и институт Омбудсмана. Положительным явлением для политического ландшафта Грузии можно было бы также считать сохранение Единым национальным движением своих сторонников и амбиций, что свидетельствовало бы о формировании в Грузии определенной политической культуры. Однако в самом начале 2017 г. Единое национальное движение раскололось на 2 партии: собственно Единое национальное движение, лидером которого де-факто является Саакашвили, и партию «Европейская Грузия», в которую ушли большинство лидеров, в том числе 21 депутат парламента из 27, имевшихся у ЕНД¹¹. До этого от ЕНД отпочковались еще две группы, впоследствии также сформировавшиеся в партии: Новый политический центр – «Гирчи» (Шишка) во главе с Нугзаром Джапаридзе и «Новая Грузия», лидером которой является Георгий Вашадзе¹².

Итак, какие политические выводы можно сделать из событий 2016 г.? Премьер-министр Квирикашвили, будучи в Европе, сделал заявление о том, что Грузию пора бы перестать называть постсоветской страной, что ее уже можно причислять к странам Восточной Европы¹³. Это серьезное заявление, претендующее на концептуальность. И в визуальном плане от советского прошлого действительно осталось мало. Что же касается внутренней, содержательной трансформации, тут проблемы, тут доминирование старых схем...

С 2016 г. Грузия вновь пребывает в плену неформального правления, которое, как известно людям сведущим, вызывает раз-

¹¹ Анастасия Словинская, «Не единое ЕНД», *Эхо Кавказа*, 12 января 2017. <https://www.ekhokavkaza.com/a/28229506.html>

¹² «“Нацдвижение” распалось: шансы Саакашвили и его противников», *Спутник-Грузия*, 13 января 2017. <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170113/234535125/Nacdvizhenie-raspalos-shansy-Saakashvili-i-ego-protivnikov.html>

¹³ «Грузия больше не “пост”-страна – Квирикашвили», *Грузия Online*, 28 мая 2017. <http://www.apsny.ge/2017/pol/1496024297.php>

ложение политических и государственных институтов. Впрочем, анализ политической истории Грузии за последние 27 лет показывает, что мы, в принципе, никогда и не выходили за рамки неформального правления – менялись лишь его форма и обоснования его необходимости.

Общество пока еще не научилось рефлексировать. Оно пытается осознать, разрешить новые проблемы и вызовы в рамках привычной старой системы координат, испытывая дискомфорт в мире где, как писал Мераб Мамардашвили, делаются новые смыслы, где есть потребность в новых схемах.

Речь идет о желании все выводить из некоего главного, единственного, руководящего текста. О нежелании жить среди альтернатив, когда надо думать и выбирать, брать на себя ответственность. Эти ментальные особенности общества находят свое практическое отражение в особенностях общественно-политического дискурса новейшей истории Грузии.

В поисках метанарратива, в стремлении восстановить (достичь) потерянный уют, грузинское общество, не приспособленное к диалогу, к упорядоченной полемике, подразумевающей определенные правила игры, приходит к утверждению режима монологичности, что в политическом плане ведет к моноидеологичности, которую, в свою очередь, можно расценивать как проявление неоварваризации.

Одной из основных характеристик грузинского общества, способствующей живучести неформальных методов правления в стране, является разрыв, отдаленность друг от друга писаных норм (законов) и быта, норм повседневной жизни. Кодификация (написание) определенных норм и законов адресована лишь внешним акторам. Внутри страны сохраняется приоритет неписаного над писаным. Их полная идентичность, скорее всего, не достижима ни в одной культуре, однако степень их отдаленности

друг от друга определяет специфику той или иной культуры¹⁴. Очень большой разрыв между писанным и неписанным правом обуславливает наличие двух параллельных систем – декларированных и реальных ценностей. Налицо феномен двуличия, жизнь в «двух правдах», нравственно-психологическое противоречие между «внутренним» и «внешним», «живость души» по терминологии Николая Бердяева.

В Грузии не сформировались гражданское сознание и социальная философия западного типа. Именно поэтому у властей в Грузии нет страха перед социальной революцией. Население страны находится в том же состоянии ментального, психического и вербального разложения (в терминах Мамардашвили), что и власти. Население является бессознательным власти, содержание же этого бессознательного таково: «я недоволен не тем, что ты ворующь из бюджета, а тем, что я не могу делать того же»¹⁵.

2016-й сполна выявил еще одну родовую травму грузинского общества и грузинской политической сцены. Ее можно обозначить как преобладание, доминирование ситуационной политики и ситуационных политиков, когда, как пишет грузинский социолог Марина Мухелишвили, разности политических подходов обусловлены не мировоззренческими, не ценностными позициями оппонентов, а их ролевыми отличиями в реальном политическом процессе¹⁶.

Так, власти апеллируют к эффективному правлению, к переходному периоду, к сильной власти для преодоления кризиса и трудностей, для выполнения воли народа. Нахождение в лагере

¹⁴ Эмзар Джгереная, «Социофилософия грузинского застолья» // Грузинское застолье и гражданское общество, Тбилиси, 2004 (на груз.).

Текст статьи доступен по ссылке: <http://www.vinoge.com/istoria/qarTulisufri-sociofilosofia-da-zogierTi-sxva-ram>

¹⁵ См. там же.

¹⁶ Marina Muskhelishvili, *Constitutional Changes in Georgia*, 2005: 53.

<http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Legislation/Muskhelishvili-2003.pdf>

власти – это тема учета интересов народа и реальностей. Оппоненты, следуя логике нормативного подхода, оперируют терминами «диктатура», «неформальное правление», «русская модель», «нарушения и ограничения конституционализма». Нахождение в лагере оппозиции в Грузии означает озвучивание тем прав человека, верховенства закона, ограничения власти...

В политической системе, сформировавшейся в таких условиях, политические вопросы решаются в формате легитимации-делегитимации. Легитимации эффективностью и делегитимации несправедливостью. В таких условиях не формируются так называемые «этические» политические партии, которые не меняли бы правил политической борьбы и политического диспута в зависимости от пребывания в том или ином – властном или оппозиционном – лагере¹⁷.

О преодолении Грузией «скромного обаяния» логики переходного периода можно будет говорить лишь тогда, когда «эффективность» и «справедливость» будут размещаться в одной плоскости. Когда оппозиция будет апеллировать к эффективности, а власти – к необходимости соблюдения норм плюрализма и конституционализма. Когда оба лагеря будут конкурировать в рамках единой системы, а не стремиться делегитимизировать друг друга. 2016 г. явных поводов для позитивного настроения в этом плане не дал.

Там где нет сформированных и устойчивых политических принципов и ценностей, социальные и политические идеалы превращаются в словесные и экранные манипуляции. Политика превращается в шоу, в спектакль, а общество – в публику (Бодрийяр). Мы уже более тридцати лет живем в условиях спектакля, с

¹⁷ Международный институт демократии и содействия выборам и Кавказский институт мира, демократии и развития, *Процесс конституционно – политической реформы в Грузии, в Армении и в Азербайджане: политическая элита и голоса народа*, Тбилиси: 2005.

ситуационной политикой и с ситуационными политиками, с прогосударственными и про-оппозиционными неправительственными организациями, с моделированными войнами, с теориями заговора, с поисками героев-демиургов, с сезонными всплесками политической гражданской активности.

Политическая мимикрия грузинской политики в зависимости от нахождения в том или ином лагере, оказалась приемлемым для публики спектаклем: публика знает, чувствует, что и она бы поступила также ...

Исследователи все более сходятся во мнении, что способ организации экономической и политической жизни имеет корни в религии, в культуре, то есть в сфере сознания, идей. Сходятся в том, что культура имеет значение. Сходятся в том, что демократия – это, прежде всего, культура, и внедрение ее в те или иные страны требует учета истории, культуры и традиций этих стран. Понятие «этос» – духовный фактор, совокупность господствующих ценностей, норм, идей, мыслительных привычек того или иного общества – исследователи считают определяющим, первичным по отношению к идеям. Каждый этос обладает собственной схемой интерпретации и мира, своим символическим полем, который радикальным образом определяет все концепты нации, ее матрицу поведенческих координат.

Можно говорить о некоей двойственной идентичности грузинского «этоса», о наличии в нем и западного, и восточного начала, европейских и азиатских корней, и, как следствие, разрывности сознания. В обществах с двойной идентичностью существуют некие системообразующие глубинные начала, на свой лад перерабатывающие «западный продукт», ставя под сомнение, в частности, достижение этими обществами стадии либеральной демократии с прочными конституционалистскими, республиканскими механизмами.

«Родовой травмой» Грузии, как и многих других постсоветских обществ, можно считать дефицит зрелости политической нации, когда налицо неразвитое гражданское общество, ритуальная культура с «мнимой традиционностью», мифологизированное и мозаичное сознание.

Грузия одновременно является древнейшей культурой, молодой нацией и еще более молодым государством, которое начало «возвращаться в историю» лишь 27 лет тому назад. Несмотря на свою «древность», Грузия представляет собой живой, сырой, становящийся феномен. Здесь история, государственность еще делается. «Возвращение в историю» имеет такой же сложный и болезненный характер, какой, в свое время имела остановка истории.

Грузины являются носителями так называемого «травматического сознания», что приводит к стремлению жить с временным вектором, обращенным в идеализированное и мифологизированное «великое прошлое». Прощлое, которое, в принципе, является симулякром, химерой и часто оказывается непредсказуемым. Мамардашвили пишет, что прошлое является самым страшным из того, чем мы владеем и самая главная наша проблема – это то, как нам с ним быть¹⁸.

Из-за постоянных попыток репродукции утерянного, из-за заикливания на переживании своих исторических драм и трагедий, отягощенности прошлым, из-за инфантильной в своей основе «обиды на мир» мы не можем модернизироваться, не можем соответствовать времени и эпохе. Грузинскому обществу трудно выйти за рамки средневековой парадигмы строительства государства – через национальный мифологизированный нарратив, через поиски демиурга-героя, который спасет, выведет, победит и т.д.

¹⁸ Мераб Мамардашвили, «Размышление 1», Картезианские Размышления, М.: Культура, 1993.

В обществе доминируют патерналистские, клиентелистские отношения, для которых характерна социальная пассивность, выжидательная позиция, игнорирование социальных норм, быстрая утомляемость, то есть резкий переход от экзальтации, героически-энергичных действий в пассивно-конформистское состояние, компенсаторные мифы, поиск внешних виноватых и табуированные темы.

Выше мы говорили о наличии в грузинском обществе системы декларированных и реальных ценностей (некая разновидность постмодернистского «двойного кодирования»), когда, например, одновременно существует два мейнстрима: официальный – НАТО, Евросоюз, евроатлантический выбор и т.д., и неофициальный – подчеркивание традиционности и уникальности своей культуры, страх перед западным образом жизни и страх потери идентичности.

В обществе доминирует догматичный и мифологизированный образ Запада. Западу отдается приоритет в качестве убежища и защитника от врагов, в качестве места, где обеспечивается хорошая в материальном смысле жизнь. Потребность жить, руководствуясь западной системой ценностей, явно не являет собой осознанный, и тем более главный мотив движения в сторону Запада. И поэтому западные интенции в нашей стране – довольно сложный и довольно хрупкий феномен, тем более в условиях, на мой взгляд, полномасштабного европейского кризиса: это и миграционный кризис и кризис либерально-демократической идеологии и кризис политики политкорректности и т.д.

На все легитимные вопросы в формате «почему Запад?» надо дать четкие и понятные ответы, иначе эти вопросы из публичного дискурса уйдут в политическое подполье¹⁹, что вовсе не будет

¹⁹ Шота Хинчагашвили, «Моноидеология или относительно тоталитаризма одного мнения», *Burusi*, 3 июля 2010 (на груз.). <https://burusi.wordpress.com/2010/07/03/shota-khinchagashvili-2/>

означать, что они потеряли свою действенность. Наоборот, там они найдут благоприятную среду для сохранения и размножения.

Является ли внешняя политика Грузии образца 2016-начала 2017 г. прозападной? Официально – да. И лучшим подтверждением этому является либерализация визового режима, полученная Грузией от Европейского союза.

Оппозиция обвиняет власти в прорусской политике. В подтверждение этому приводятся соглашение с Газпромом об условиях поставки газа в Армению, намерение властей обеспечить железнодорожное сообщение Москва-Ереван через Сухуми, а также недостаточно энергичное отстаивание на международном уровне властями интересов Грузии и их защита от посягательств России. В действительности можно сказать, что политика Грузии в отношении России стала более осторожной, в частности, стало меньше агрессивной риторики, характерной для режима Саакашвили, на которую Россия реагировала довольно sensitивно. Насколько продуктивной будет эта осторожность – пока сказать трудно.

ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА В 2016 Г.

Давид Петросян

В докладе охватываются события и итоги календарного 2016 г. в де-факто государствах Южного Кавказа. Топонимы в докладе упоминаются как в старой советской форме, так и в новой, появившейся после постсоветских переименований. Топонимы в цитатах представлены без изменений. Наименования непризнанных государств используются в основном в двух версиях: старой/географической – Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия, и официальной/не признанной международным сообществом или большей его частью – Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика (НКР), Республика Южная Осетия (РЮО).

АБХАЗИЯ

12 февраля 2016 г. Кабинет министров Абхазии одобрил «Стратегию социально-экономического развития Абхазии до 2025 г.»¹ По официальной оценке, в 2016 г. Абхазия была страной с «переходной, до-индустриальной, открытой и социально-ориентированной экономикой»².

В 2016 г. среднемесячная заработная плата в Абхазии составила 9.8 тыс. рублей, а среднемесячный прожиточный минимум по

¹ Бадрак Авидзба, «Кабмин одобрил стратегию развития Абхазии до 2025 года», *Sputnik-Абхазия*, 12 февраля 2016.

<http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20160212/1017170021.html>

² Справка о социально-экономическом состоянии Республики Абхазия/Экономика, Официальный сайт Президента Республики Абхазия.

http://presidentofabkhazia.org/respublika_abkhazia/economy

состоянию на 1 января 2017 г. был равен 6.55 тыс. руб. По данным Управления государственной статистики Абхазии, численность ее населения на 1 января 2016 г. составила 243.5 тысяч, из которых 50.3% проживали в городах. Из 144 тысяч трудоспособных жителей Абхазии лишь менее трети (42.3 тыс.) были заняты в экономике, в том числе 75% в государственном секторе и 24% – в частном³.

В бюджете 2016 г. доходы составили около 8 млрд руб. (97%), расходы – 7.8 млрд руб.⁴ Собственные доходы Абхазии, как и их доля в госбюджете, продолжали расти: в 2015 г. по сравнению с 2014 г. собственные доходы госбюджета выросли на 23%, а в 2016 г. по отношению к 2015 г. – на 31% (1.1 млрд руб.), составив 4.8 млрд руб.

Финансовая помощь России, направленная на социально-экономическое развитие Абхазии, составила в 2016 г. 2.78 млрд рублей. Кроме того, за три года, 2015-2017, в рамках Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию Республики Абхазия из России было получено еще 2.5 млрд руб.

По итогам 2016 г. ВВП на душу населения Абхазии составил около 1900-2000 долл.⁵ (ср. 3956 долл. в Азербайджане, 3532 долл. в Армении).

В сфере занятости населения сложилась заметная диспропорция в сторону управления, где занято 40.5% трудоспособного населения. Далее по сферам: услуги – 22%, курорты и туризм – 22%, торговля – 6%, промышленность – 5.6%, другие отрасли – 18.6%. Число российских туристов, посетивших Абхазию в 2016 г., пре-

³ См. там же.

⁴ «Расходы бюджета в Абхазии в 2016 году составили 7,8% млрд рублей», *EurAsia Daily*, 29 марта 2017. <https://easaily.com/ru/news/2017/03/29/rashody-byudzheta-abhazii-v-2016-godu-sostavili-78-mlrd-rublej>

⁵ См. там же.

высило полтора миллиона человек, т.е. увеличилось на 15%, по сравнению с предыдущим годом. По данным таможенного комитета Абхазии, объем внешнеторгового оборота в 2016 г. составил 24.6 млрд руб., в том числе экспорт – 5.5 млрд руб. (рост на 25%), импорт – 19 млрд руб. (рост на 9%).

Основным торговым партнером Абхазии является Россия – на ее долю приходится более 60% всего внешнеторгового оборота. За Россией следуют Турция, Украина, Китай, Бразилия, прибалтийские страны. Наиболее значительные категории в структуре импорта – продукты питания, строительные материалы, минеральные продукты, оборудование, бытовая техника и прочие товары. Главными статьями экспорта Абхазии, в основном приходящимися на Россию и Турцию, традиционно являются сельскохозяйственная продукция и продукция добывающей и перерабатывающей промышленности: продукты виноделия, рыба и рыбопродукты, цитрусовые, орехи, минералы⁶.

Важным вопросом внутреннего дискурса стал закон о запрете аборт («О государственной защите жизни матери и нерожденного ребенка»), подписанный президентом Раулем Хаджимба 9 февраля 2016 г. в том виде, в котором он был принят парламентом 18 декабря 2015 г. Саид Харазия, один из парламентариев, спонсировавших законопроект, в одном из своих интервью заявил, что «аборт – это искусственное сокращение численности и без того небольшого населения Абхазии»⁷. До принятия закона чуть более 2% от общего числа аборт делалось по медицинским причинам. Дискуссии касались того, что абхазский закон об абортах самый

⁶ Бадри Есиава, «Ардзинба: Союз государства и предпринимателей формирует экономику», *Sputnik-Абхазия*, 6 февраля 2016. <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170206/1020371657/ardzinba-soyuz-gosudarstva-i-predprinimatelej-formiruet-ekonomiku.html>

⁷ «Абхазия запретила аборты», *Интерфакс*, 9 февраля 2016. <http://www.interfax.ru/world/493986>

жесткий в мире, поскольку не предусматривает искусственного прерывания беременности по медицинским показателям. Столь жесткий закон был ориентирован на увеличение рождаемости. В частности, по данным Харазия, всего с 1993 г. в Абхазии было сделано 12 тыс. аборт. В конце года выяснилось, что рождаемость в стране не повысилась. Закон был принят в спешке и без широкого обсуждения в обществе. Интересно, что управляющий делами Абхазской Православной Церкви отец Виссарион (Аплиаа) безоговорочно поддержал закон⁸, а архимандрит Дорофей (Дбар), лидер движения за автокефалию Абхазской Православной Церкви, в своем выступлении на круглом столе, проведенном в марте 2016 г., продемонстрировал, что его позиция по отношению к проблеме более гибка и что он не является сторонником полного запрета аборт⁹. Парламент Абхазии проигнорировал доводы единственной женщины-депутата, вице-спикера Эммы Гамисония, предлагавшей не торопиться с принятием закона и настаивавшей, что нужен системный подход к проблеме и нельзя уповать только на запрет. Закон активно лоббировал известный православный активист из России Дмитрий Энтео, приехавший для этого в Абхазию. Несмотря на требования общественности и экспертного сообщества, а также острые дебаты, до конца 2016 г. закон остался без изменений.

Другой важной темой внутреннего дискурса в течение 2016 г. в Абхазии стал вопрос о создании совместного информационно-координационного центра абхазских и российских органов внутренних дел (ИКЦ), предусмотренном «большим» межго-

⁸ Астанда Ардзинба, «Отец Виссарион: Церковь благословила запрет аборт в стране», *Sputnik-Абхазия*, 29 марта 2016.

<http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20160329/1017718135.html>

⁹ «Круглый стол по вопросу принятия закона о запрете аборт в Абхазии», Официальный сайт Священной Митрополии Абхазии, 3 марта 2016.

<https://anyha.org/kruglyi-stol-o-zaprete-abortov/>

сударственным договором о сотрудничестве и стратегическом партнерстве между Россией и Абхазией от 24 ноября 2014 г. В статье 10 договора говорится, что центр создается «в целях координации деятельности по противодействию организованной преступности и иным опасным видам преступлений». Согласно договору, центр должен был быть создан не позднее года со дня вступления в силу двухстороннего документа, то есть не позднее 2015 г., однако этот процесс затянулся. Главный вопрос, волновавший в течение года противников создания ИКЦ – это потенциальная опасность ограничения суверенитета Абхазии. У абхазского общества есть сомнения в том, что деятельность ИКЦ будет полностью согласовываться с Конституцией Абхазии. До конца 2016 г. обсуждение не было завершено, и окончательное решение по вопросу ИКЦ было отложено на следующий год, на поствыборный парламентский период.

Еще один политический процесс, проходивший в Абхазии в 2016 г., был более напряженным и более масштабным. 14 марта инициативная группа граждан Абхазии из 46 человек, руководимая соперниками президента Хаджимба на последних выборах, получила в ЦИК разрешение о сборе подписей в поддержку референдума о досрочных выборах президента¹⁰. Для проведения референдума необходимо было собрать 10 тыс. подписей в течение двух месяцев. 22 апреля инициативная группа сдала в ЦИК Абхазии 19 тыс. подписей, заявив, что этого количества достаточно для проведения голосования. При этом группа не только не выдвинула альтернативу Хаджимбе, но и не дала ответа на вопрос о том, что она намерена делать, сместив президента. Как заявила абхазский эксперт Арда Инал-Ипа, оппозиция не предлагает

¹⁰ Официальный сайт Президента Республики Абхазия, Заявление Президента Республики Абхазия Рауля Хаджимба в связи с общественно-политической ситуацией в стране, 20 октября 2015.

http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=3049

обществу путей решения тех проблем, за которые ругает власть. Оппозиционеры ограничиваются критикой работы президента и его окружения.

Вице-премьер Абхазии Шамиль Адзынба заявил, что считает референдум «очень опасным и вредным»¹¹, однако президент Хаджимба, выдержав паузу, 1 июня подписал указ о назначении референдума о досрочных президентских выборах на 10 июля. Хаджимба исходил из того, что проведение референдума о досрочных выборах снизит напряжение в обществе, а отказ его проводить стал бы поводом для новых протестов. При этом власти использовали ошибку оппозиции, требовавшей проведения референдума без указания конкретного срока, и назначили его на выгодную для себя дату в разгар курортного сезона. Таким образом, формально были соблюдены требования закона, но была подготовлена почва для провала референдума из-за неявки избирателей. Итогом референдума, проведенного 10 июля, действительно стала массовая неявка – в голосовании приняло участие лишь 1.23% из 133 тыс. избирателей, и референдум был сочтен несостоявшимся. Несмотря на провал, сам факт проведения референдума о досрочных выборах, то есть фактически о доверии режиму, беспрецедентен на постсоветском пространстве.

Уже через 10 дней после неудачного референдума оппозиция призвала к организации «Народного схода»¹². Накануне «Народного схода», назначенного на 15 декабря, российские правоохранительные органы задержали на российско-абхазской границе одного из лидеров абхазской оппозиции, Аслана Бжания

¹¹ Алексей Никольский, «Глава Абхазии назначил референдум о досрочных президентских выборах», *РИА Новости*, 1 июня 2016.

<https://ria.ru/world/20160601/1441568045.html>

¹² Роберт Джопуа, «Сход оппозиции Абхазии начался в Сухуме», *Sputnik-Абхазия*, 15 декабря 2016.

<http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20161215/1020068467/sxod-oppozicii-abxazii-nachalsya-v-suxume.html>

– бывшего председателя Службы госбезопасности Абхазии, на последних президентских выборах в 2014 г. ставшего основным соперником Хаджимба и набравшего 36% голосов¹³. На «Народном сходе» Блок оппозиционных сил (БОС) во главе с Бжания был намерен в очередной раз поставить вопрос об отставке Хаджимба. Задержание Бжания в России может свидетельствовать о вовлеченности российских политиков во внутриабхазские политические процессы. В итоге, Бжания был отпущен, а 15 декабря в Сухуме состоялись два митинга – его сторонников и его противников.

В итоге переговоров, 19 декабря в Парламенте Абхазии представители власти и оппозиции подписали документ, согласно которому Блок оппозиционных сил обязался больше не требовать досрочной отставки Хаджинбы при условии, что тот представит на рассмотрение парламента предложенные БОС кандидатуры Генпрокурора, двух судей Конституционного суда и четверых членов ЦИК, а также назначить предложенного БОС вице-премьера и рассмотреть выдвинутые БОС кандидатуры на другие руководящие должности. Если же оппозиция выступит с требованиями об отставке президента, то соглашение прекратит свое действие¹⁴.

Одним из итогов политического противостояния, начавшегося еще в марте 2016 г., стало то, что в центре внутривнутриполитических процессов оказался не геополитический выбор (он уже сделан), а качество управления и власти, которые в странах Южного Кавказа – и признанных, и непризнанных – явно не соответствуют

¹³ «Экс-глава спецслужбы Абхазии задержан при попытке выехать из России», *Интерфакс*, 4 декабря 2016. <http://www.interfax.ru/world/539791>

¹⁴ Бадрак Авидзба, «Валерий Бганба: Власть и оппозиция подписали договор», *Sputnik-Абхазия*, 19 декабря 2016. <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20161219/1020089910/valerij-bganba-vlast-i-oppoziciya-podpisali-dogovor.html>

ожиданиям населения. Геополитический выбор Абхазии был в очередной раз подтвержден 10 июня 2016 г., когда премьер-министр Артур Миквабия заявил, что Абхазия не последует примеру Южной Осетии и не станет проводить референдум о присоединении к России. «Осетины – разделенный народ, часть сейчас живет в России, часть – в Южной Осетии. Поэтому есть желание воссоединиться», – пояснил Миквабия. По его словам, в Абхазии иная ситуация: «Мы хотим быть независимым государством и при этом надежным и верным союзником великой России»¹⁵.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

ВВП Нагорно-Карабахской Республики (НКР) вырос за 2016 г. на 9.2% и составил 3283 долл. на душу населения, по сравнению с 3021 долл. в 2015 г. Для сравнения, подушевой ВВП Азербайджана по итогам 2016 г. составил 3956 долл.¹⁶, Армении – 3532 долл.

Промышленность НКР выросла на 10%, сельское хозяйство на 7%, а в сферах строительства и розничной торговли наблюдался спад – 9% и 13% соответственно. Внешняя торговля выросла на 7.4%, в том числе экспорт – на 30.6%, составив 81 млн долл., а импорт – на 1.7%, составив 257 млн долл. Наблюдался рост уровня жизни: цены снизились на 1.5%, средняя зарплата выросла

¹⁵ «Абхазия отказалась проводить референдум о присоединении к России», *Lenta.ru*, 10 июня 2016. https://lenta.ru/news/2016/06/10/abhaziya_referendum

¹⁶ International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2017. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/weorept.aspx?sy=2015&ey=2022&scsm=1&scd=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=47&pr1.y=6&c=912&s=NGDPDPC&grp=0&a=>

на 1.1%, объем реальных денежных доходов населения вырос на 5.8%¹⁷.

Расходы бюджета в 2016 г. составили 176 млн долл., то есть 37% ВВП, и были более чем наполовину (на 56%) покрыты за счет межгосударственного кредита из Армении. Итоговый объем кредита из Армении составил 98.4 млн долл., то есть выше запланированного, с учетом дополнительных ассигнований на ликвидацию последствий «четырёхдневной войны» в апреле¹⁸.

С начала 2016 г. и до апрельской войны в НКР обсуждалась идея перехода от президентско-парламентской к парламентской системе правления, по примеру Армении, где этот переход уже начался по итогам референдума, проведенного в декабре 2015 г. Однако, во многом по итогам войны, напомнившей элитам и обществу о важности централизованного оперативного кризисного управления в условиях нерешенного конфликта, было принято противоположное решение – о переходе с полупрезидентской системы на полностью президентскую.

В итоге, к концу 2016 г. внутри элиты был согласован проект изменений Конституции¹⁹, согласно которому Нагорно-Карабахская Республика (НКР) должна была быть переименована в Республику Арцах, а следующие всеобщие президентские выборы назначались на 2020 г. В 2017 г., в рамках перехода на новую систему, президента на три года должен был избрать парламент. По мнению немногочисленной оппозиции, существующей в НКР,

¹⁷ Национальная статистическая служба НКР, Показатель Валового внутреннего продукта, январь-декабрь 2016.

http://stat-nkr.am/files/publications/2016/doklad_2016_hunvar_dektember_rus/1_1_VVP.pdf

¹⁸ Национальная статистическая служба НКР, Налогово-бюджетный сектор, январь-декабрь 2016. http://stat-nkr.am/files/publications/2016/doklad_2016_hunvar_dektember_rus/2%20Halog_bydj.pdf

¹⁹ «Нагорный Карабах вернется к историческому армянскому названию 'Арцах'», *REGNUM*, 6 ноября 2016. <https://regnum.ru/news/polit/2201802.html>

конституционная реформа проводилась для того, чтобы действующий президент Бако Саакян, полномочия которого истекали в июле 2017 г., мог баллотироваться на третий срок.

26 января 2016 г. ПАСЕ приняла резолюцию по докладу «Жители приграничных районов Азербайджана умышленно лишены питьевой воды», автором которой была боснийский депутат Милица Маркович и технический эксперт Лидия Вамвакеридоу-Люроудиа²⁰. В поддержку резолюции по докладу проголосовали 98 человек, против – 71. При составлении доклада Маркович дважды посещала Азербайджан, однако ни разу не побывала в Нагорном Карабахе, несмотря на письменное приглашение от властей НКР. В итоге был представлен доклад о водохранилище, которого докладчик даже не видела. На пленарной сессии ПАСЕ Милица Маркович подчеркнула, что ее доклад преследует «исключительно гуманитарные цели». Член армянской делегации в ПАСЕ Армен Рустамян раскритиковал доклад за необъективность, поскольку автор не посещала Сарсангское водохранилище, и предложил вернуть доклад на доработку, но его предложение было отклонено²¹. На той же сессии ПАСЕ отклонила резолюцию по докладу британского депутата Роберта Уолтера «Рост насилия в Нагорном Карабахе и других оккупированных территориях Азербайджана»²². За принятие резолюции проголосовали 66, против – 70 парламентариев. При подготовке доклада автор не-

²⁰ Milica Markovic, *Inhabitants of frontier regions of Azerbaijan are deliberately deprived of water*, PACE Committee on Social Affairs, Health and Sustainable Development, December 12, 2015. <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=22290&lang=2>

²¹ «ПАСЕ приняла резолюцию по Сарсангскому водохранилищу», *Mediamax*, 26 января 2016. <http://www.mediamax.am/ru/news/foreignpolicy/16762>

²² Robert Walter, *Escalation of violence in Nagorno-Karabakh and the other occupied territories of Azerbaijan*, PACE Committee on Political Affairs and Democracy, December 11, 2015. <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=22255&lang=2>

однократно посещал Азербайджан, однако ни разу не побывал в Нагорном Карабахе или Армении, несмотря на приглашения властей Армении и НКР²³. Доклад был заблокирован странами-сопредседателями Минской группы ОБСЕ, прежде всего Францией (США не представлены в ПАСЕ, но имеют статус наблюдателя в Совете Европы, а деятельность российской делегации в ПАСЕ приостановлена с 2014 г.). Это объясняется тем, что автор доклада, по сути, поставил под сомнение не только эффективность действий Минской группы и ее сопредседателей, но и предложил отказаться от всей наработанной переговорной базы.

Главным событием 2016 г. в Нагорном Карабахе стала «четырёхдневная война» 2-5 апреля – крупнейшая эскалация в зоне нагорно-карабахского конфликта с момента заключения соглашения «О прекращении огня» в мае 1994 г.²⁴ Приблизительно за год до «четырёхдневной войны» приближенная к официальным кругам часть азербайджанского экспертного и политического сообщества поставила под сомнение бессрочность соглашения «О прекращении огня»²⁵ и обосновала право Азербайджана выйти из этого соглашения в любой момент. Одновременно, Баку отказывался признавать и выполнять соглашение «По укреплению

²³ «ПАСЕ не утвердила резолюцию по докладу Уолтера», *Mediamax*, 26 января 2016. <http://www.mediamax.am/ru/news/foreignpolicy/16761>

²⁴ Давид Петросян, «Некоторые военно-политические аспекты “четырёхдневной” войны в Нагорном Карабахе (взгляд из Еревана)», *Военно-политическая аналитика*, 25 апреля 2016. <http://vpoanalytics.com/2016/04/25/nekotorye-voenno-politicheskie-aspekty-chetyrexdnevnoj-vojny-v-nagornom-karabaxe-vzglyad-iz-erevana>

²⁵ «Баку вправе выйти из Соглашения о прекращении огня в любой момент – мнение», *REGNUM*, 13 мая 2015.

<https://regnum.ru/news/polit/1923880.html>

прекращения огня в Нагорно-Карабахском конфликте»²⁶, подписанное в феврале 1995 г. тремя сторонами конфликта при посредничестве России и Швеции (Россия как посредник и постоянный член Минской группы, Швеция как страна-председатель ОБСЕ в 1995 г.). Тезисы о возможности выхода Азербайджана из соглашения 1994 г. и решения конфликта силой озвучивались послом Азербайджана в Москве Поладом Бюльбюль-оглы²⁷.

Начало военных действий в апреле 2016 г. совпало с нахождением глав Азербайджана и Армении в Вашингтоне на ежегодной международной конференции по ядерной безопасности. В регионе бывшего советского Закавказья совпадение масштабных нарушений режимов прекращения огня с крупными международными событиями уже становится дурной традицией. Так, война «08.08.08» между Россией и Грузией началась в день открытия летних Олимпийских игр в Пекине. Что касается «четырёхдневной войны» в Карабахе, предположительно, военные разведывательные спутники США и России зафиксировали боевые действия, однако страны-посредники (Россия, США и Франция), являющиеся сопредседателями Минской группы, проявили сдержанность и нейтралитет, не указав на сторону конфликта, начавшую наступление. В то же время в ОДКБ ясно дали понять²⁸, что именно Азербайджан стал инициатором возобновления боевых действий. С косвенными обвинениями в адрес Азербайджана

²⁶ Личный сайт Владимира Казиминова, Договоренность об урегулировании инцидентов (с 6 февраля 1995.), Основные международные документы по урегулированию нагорно-карабахского конфликта.

<http://vn.kazimirov.ru/doc12.htm>

²⁷ «Посол заявил о готовности Баку к военному решению проблемы Карабаха», РБК, 2 апреля 2016. <http://www.rbc.ru/politics/02/04/2016/57000a8b9a7947977bd1ddc1>

²⁸ «В ОДКБ возложили ответственность за обострение конфликта в Карабахе на Баку», *Независимая газета*, 2 апреля 2016.

<http://www.ng.ru/news/537833.html>

на выступил и председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер²⁹. Незаинтересованность армянских сторон в эскалации конфликта объясняется, в первую очередь, тем, что по итогам войны 1990-х они имеют возможность вести переговоры с позиции «территории в обмен на статус». Ведущие российские эксперты³⁰ также отметили незаинтересованность армянской стороны в возобновлении масштабных боевых действий вокруг Нагорного Карабаха. Действия Азербайджана получили поддержку только двух стран-членов ОБСЕ – Турции и Украины, а также Пакистана.

Главные военно-политические цели азербайджанской стороны, преследуемые ею в «четырёхдневной войне», можно сформулировать следующим образом:

- завоевание максимального количества территорий, опорных и населенных пунктов в Нагорном Карабахе, другими словами, изменение конфигурации линии соприкосновения. Также предполагалось отодвинуть её как можно дальше на запад и юго-запад;
- в случае военного успеха, угрожая дальнейшей эскалацией конфликта, оказать давление на сопредседателей Минской группы ОБСЕ с целью создания нового формата для процесса переговоров или выгодного для Азербайджана пакета предложений, основанных исключительно на принципе территориальной целостности Азербайджана. Азербайджан рассчитывал также на возможность переноса урегулирования конфликта в другие международные структуры при соответствующем содействии со стороны своего стратегического союзника – Турции.

²⁹ «Жан-Клод Юнкер Азербайджану: “Прекратите стрельбу”», *EurAsia Daily*, 19 апреля 2016. <https://easaily.com/ru/news/2016/04/19/zhan-klod-yunker-azerbaydzhanu-prekratite-strelbu>

³⁰ «Москве не надо выбирать между Азербайджаном и Арменией», Интервью с Сергеем Маркедоновым, *Lenta.ru*, 5 апреля 2016. <https://lenta.ru/video/2016/04/04/konflikt>

Помимо вышеуказанных задач, администрация Ильхама Алиева преследовала и другие цели:

- отвлечение общественного внимания от ухудшившейся социально-экономической ситуации, обусловленной падением цен на нефть;
- повышение собственного рейтинга и улучшение имиджа;
- создание в стране атмосферы консолидации и морально-психологического превосходства;
- смены темы внутривосточного спора о неэффективном использовании финансовых средств, выделяемых на оснащение и развитие армии.

Также можно предположить, что принять решение об апрельской эскалации Азербайджан побудило падение цен на нефть³¹ и, как следствие, потенциальная угроза дестабилизации внутренней ситуации. По мнению ряда азербайджанских экспертов³², подъем патриотических настроений в стране после апрельских событий на нагорно-карабахском фронте позволил властям в течение месяцев манипулировать национальными чувствами. Во время апрельских событий общество, хотя и на короткое время, но, все же, закрыло глаза на другие проекты властей и на экономические трудности и проблемы страны.

Боевые действия начались приблизительно в 2 часа ночи 2 апреля на северо-восточном (мардакертском) и южном (гадрутском) направлениях. В составе атакующих сил лидировали элитные подразделения азербайджанской армии. В ходе четырехдневных боевых действий азербайджанская армия прибегала к

³¹ Давид Саркисян, «Четырехдневная апрельская война и теория катастроф», Фонд Нораванк, 13 апреля 2017. http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=15645&sphrase_id=61515

³² Аваз Гасанов, «Азербайджан в 2016 году: экономика перед испытаниями», Аналитикон, декабрь 2016. <http://theanalyticon.com/?p=8569&lang=ru>

использованию почти всех средств за исключением ВВС, из которых были использованы только ударные и многоцелевые вертолеты. 4 апреля были сделаны неудачные попытки использовать РСЗО «Смерч» и тяжелую огнеметную систему «Солнцепек», закупленные у России сравнительно недавно. Одной из причин, по которой Азербайджан не решился пустить в ход боевые самолеты, стала высокая боеспособность карабахских ПВО. За 4 дня боевых действий армянской стороной было сбито 12 азербайджанских беспилотников и еще три – с 7 по 8 апреля (уже после восстановления режима прекращения огня). Среди материалов, посвященных освещению событий «четырёхдневной войны», стоит отметить исследование спутниковых снимков, опубликованных Австралийским институтом изучения Холокоста и Геноцида на интернет-портале Bellingcat³³.

На первом этапе боевых действий (2-3 апреля) на северо-востоке и на юге Нагорного Карабаха армянская сторона потеряла ряд укрепленных пунктов, но по окончании эскалации азербайджанской стороне удалось сохранить всего несколько постов и ни одного населенного пункта. Азербайджанский спецназ после прорыва передовой линии обороны в дальнейшем попал под сильный огонь и оказался в окружении противника. В результате этого азербайджанская сторона понесла потери личного состава, составившие, по оценке Bellingcat, больше 400 человек. Азербайджан сначала сообщил о 31 погибшем, а затем объявил, что данные о потерях являются государственной тайной³⁴. Число погибших с карабахской стороны со 2 по 13 апреля составило 79 человек (16

³³ Masis Ingilizian, "Azerbaijan's Incremental Increase on the Nagorno Karabagh Frontline," *Bellingcat*, April 12, 2016. <https://www.bellingcat.com/news/rest-of-world/2016/04/12/detailing-azerbajians-incremental-increase-in-nagorno-karabaghs-frontline>

³⁴ «Минобороны о гибели полковника в Карабахе», *Haqqin.az*, 19 апреля 2016. <https://haqqin.az/news/68463>

офицеров, 15 контрактников, 34 военнослужащих срочной службы, 12 ополченцев, 2 резервистов). К концу года цифры потерь возросли, т.к. ряд военнослужащих скончались в госпиталях в результате полученных ранений, но сводные данные не были опубликованы. Потери среди мирных жителей НКР составили 4 чел., и еще 2 были ранены – гражданское население было эвакуировано из зоны военных действий. По данным армянских источников, в ходе боевых действий, помимо БПЛА, карабахская армия вывела из строя 24 танка, 1 ТОС-1А «Солнцепек», 1 БМП, 6 бронемашин, 1 инженерную машину, 1 РСЗО «Град» и 2 вертолета. В свою очередь, Карабах сообщил о потере 14 танков³⁵.

В результате боевых действий Азербайджан установил контроль над имеющей тактическое значение высотой Леле-Тепе (гадрутское направление), а также двумя оборонительными пунктами (постами) на северо-восточном (талышском) направлении. Тем не менее, ему не удалось взять ни один населенный пункт, и ни на одном участке линии соприкосновения он не смог продвинуться более чем на 1 км. Общая площадь территории, над которой установили контроль азербайджанские подразделения в апреле 2016 г., составила порядка 800 га. Установление контроля над Леле-Тепе и 800 га территории было максимальным образом использовано руководством Азербайджана для представления итогов боев в качестве победы и создало иллюзию того, что конфликт может быть решен силовым путем в пользу Баку.

В целом, азербайджанская армия не достигла сколько-либо значимого военного успеха, который мог бы стать политико-дипломатическим инструментом в рамках переговорного процесса по урегулированию конфликта. Армия обороны НКР, наоборот, справилась со своим заданием – сдержала и отразила атаки армии противника, нанесла ей существенные потери в живой силе и

³⁵ «Противостоящие в Нагорном Карабахе стороны назвали свои потери», *Lenta.ru*, 5 апреля 2016. <https://lenta.ru/news/2016/04/05/nkr>

технике. К тому же дислоцированным в НКР силам удалось сохранить прежнюю конфигурацию линии соприкосновения (по сообщениям СМИ, из Армении была переброшена только ракетно-артиллерийская бригада, в боевых действиях участия не принимавшая).

После всех этих событий Минская группа ОБСЕ осталась единственным легитимным форматом, в рамках которого ведутся переговоры по мирному урегулированию конфликта. Старания Анкары и Баку перенести урегулирование в иные форматы не увенчались успехом. Дальнейшую эскалацию конфликта предупредила Россия, а также США, чья позиция в этот раз совпала с позицией России, оказывавшие давление на Турцию и Азербайджан. Свидетельством этого является официальное сообщение МИД РФ о телефонном разговоре между министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и госсекретарем США Джоном Керри от 4 апреля 2016 г.³⁶, т.е. когда боевые действия еще продолжались. В частности, в ходе разговора «С.В.Лавров и Дж.Керри осудили попытки отдельных внешних игроков подстегивать конфронтацию вокруг Карабаха». Очевидно, что речь шла о Турции.

Нагорно-карабахский конфликт по-прежнему не следует рассматривать в рамках противостояния России и Запада. В отличие от других конфликтов постсоветского пространства, западные центры силы рассматривают роль Москвы в карабахском конфликте как позитивную и, по ряду пунктов, ведущую. Военно-политический баланс в зоне конфликта не нарушился в 2016 г. и, скорее всего, не будет нарушен и в последующий период. Тем не

³⁶ Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, «О телефонном разговоре Министра иностранных дел России С.В.Лаврова с Госсекретарем США Дж.Керри» / *Новости, Внешняя политика*, 4 апреля 2016. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2207660

менее, вероятность новой эскалации останется высокой. Скорее всего, боестолкновения продолжатся как на линии соприкосновения сторон в Нагорном Карабахе, так и на участках армяно-азербайджанской границы. Нефтяной бум в Азербайджане пошел на спад, вполне возможно ухудшение социально-экономической ситуации. Существует вероятность, что серия масштабных боестолкновений может способствовать переориентации общественного внимания в Азербайджане с внутренних проблем на внешние.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Социально-экономическая ситуация в Республике Южная Осетия остается неблагоприятной, и в течение 2016 г. был сделан лишь ряд шагов, могущих стать основой для будущего развития. Самым важным из них стала разработка Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию республики на 2016-2017 гг. В рамках предыдущей Инвестиционной программы на 2013-2015 гг. в столице и в районах Южной Осетии было реализовано около 70 проектов: построены детские сады, школы, объекты здравоохранения и учреждения культуры, автомобильные дороги, благоустроены городские улицы и зоны отдыха, реконструированы сети водоснабжения, газоснабжения, канализации и проч. На 2016-2017 гг. запланировано примерно 20 проектов³⁷.

В последние несколько лет деятельность часто сменяющихся правительств РЮО в той или иной степени была направлена на улучшение инвестиционного климата, создания преференций для инвесторов и поиск потенциальных партнеров, в основном в регионах России. Был заключен договор о сотрудничестве с Влади-

³⁷ «Южная Осетия наращивает инвестиционный потенциал», *Южная Осетия сегодня*, 22 декабря 2016. <http://south-ossetia.info/yuzhnaya-osetiya-narashhivaet-investicionnyj-potencial/>

мирской областью, на стадии согласования сроков находится договор с Воронежской областью, ведутся переговоры с Липецкой, Ростовской и Белгородской областями³⁸.

Темп роста ЧВП (ВВП за вычетом потребления капитала) в Южной Осетии за 2014-2016 гг. составил 131%. Хотя рост наблюдался почти во всех отраслях экономики, в основном он обеспечивался за счет двукратного роста промышленного производства и роста торговли на 30%³⁹. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. число зарегистрированных безработных уменьшилось на 203 человека, а в первом полугодии 2016 г., по сравнению с тем же периодом 2015 г. – на 179 человек. При этом часть формально не работающих жителей республики в действительности получают зарплату в конверте, что используется работодателями во избежание отчислений в пенсионный фонд, налоговую службу и так далее⁴⁰.

В сфере сельского хозяйства наблюдались некоторые улучшения. Начал строиться мясоперерабатывающий завод «Растдон» – дочернее предприятие российского холдинга «Евродон». Ожидалось, что завод откроется в мае 2017 г. Кроме того, были посажены яблоневые сады интенсивного типа, созданы инкубатор для выведения осетровых и фонд по зерновым⁴¹. Сельхозпроизводители получили от государства посевной материал, производителям фруктовой продукции была оказана помощь в оформлении документации на товар и его экспорта. На этом фоне люди стали возвращаться в села. По данным отчета Госстата РЮО от 1

³⁸ «Подписан План мероприятий по реализации Соглашения с Владимирской областью», *Южная Осетия сегодня*, 19 мая 2017. <http://south-ossetia.info/podpisan-plan-meropriyatij-po-realizacii-soglasheniya-s-vladimirskoj-oblastyu/>

³⁹ «Южная Осетия наращивает инвестиционный потенциал»... <http://south-ossetia.info/yuzhnaa-osetiya-narashhivaet-ivesticionnyj-potencial/>

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Альбина Кокоева, «Задан отличный старт для развития национальной экономики», *Южная Осетия сегодня*, 2 января 2017. <http://south-ossetia.info/zadan-otlichnyj-start-dlya-razvitiya-nacionalnoj-ekonomiki>

июля 2016 г., в первой половине года в республику прибыло 578 человек, уехало 69. Число приехавших в Цхинвальский район составило 223 чел., уехавших – 25. Та же тенденция наблюдалась и в остальных районах. При этом большинство прибывших являются коренными жителями Южной Осетии, вернувшимися на родину.

Из кадровых изменений 2016 г. заметными были два. В сентябре 2016 г. президент Леонид Тиболов подписал указ о назначении генерал-лейтенанта **Ибрагима Гасеева** министром обороны⁴². Прежний министр обороны **Валерий Яхновец** ушел в отставку в декабре 2015 г., пробыв на этой должности четыре года. В августе 2016 г. на пост министра иностранных дел РЮО был вновь назначен Мурат Джигоев, занимавший эту должность с 1998 по 2012 гг.⁴³, а затем в качестве полномочного представителя президента РЮО по вопросам постконфликтного урегулирования, возглавлявшего делегацию Южной Осетии на Женевских дискуссиях по безопасности. Бывший глава МИД Казбулат Цховребов ушел в отставку в апреле 2016 г.

Малоэффективными оставались все переговоры Южной Осетии с Грузией – как в рамках Женевского процесса, так и в рамках Механизма по предотвращению и реагированию на инциденты (ПМРИ). Единственным светлым пятном в переговорном процессе в течение всего 2016 г. была реализация трехсторонней договоренности об обмене заключенными. Процесс обмена граждан Абхазии и Южной Осетии, задержанных и осужденных решением суда Грузии, на граждан Грузии, задержанных и осужденных в Абхазии и Южной Осетии, прошел на абхазо-грузинской границе 10 марта. В обмен на четырех граждан Южной Осетии, осужденных в Грузии на пожизненные сроки, Абхазия выдала властям

⁴² «Минобороны Южной Осетии возглавил Ибрагим Гасеев», *REGNUM*, 17 сентября 2016. <https://regnum.ru/news/polit/2180774.html>

⁴³ «МИД Южной Осетии второй раз возглавил Мурат Джигоев», *REGNUM*, 9 августа 2016. <https://regnum.ru/news/polit/2164928.html>

Грузии девять человек, Южная Осетия – пять человек. В обмене были задействованы министр иностранных дел Абхазии Вячеслав Чирикба и его коллега из Южной Осетии Казбулат Цховребов⁴⁴. С грузинской стороны главным действующим лицом был министр по вопросам примирения и гражданского равноправия Грузии Паата Закареишвили. Переговоры между сторонами велись с мая 2015 г. в закрытом режиме⁴⁵. В ходе обмена Закареишвили поблагодарил югоосетинскую и абхазскую стороны за сотрудничество. При этом он подчеркнул исключительную роль сухумских властей, которые «освободили девять незаконно заключенных лиц с долгосрочным приговором таким образом, что ничего не потребовали взамен. <... > Благодарен сотрудничеству югоосетинской и в особенности абхазской стороны, абхазы очень хорошо поработали, особенно господин Рауль Хаджимба. Хочу отметить его принципиальный подход. Это очень важно в контексте миротворческого процесса. Мы хотим начать новый этап грузино-абхазских и грузино-осетинских отношений, и гуманитарные вопросы всегда находятся во главе угла»⁴⁶. Несмотря на сложность переговоров, их удалось провести без вмешательства других сторон. Тем самым на деле было доказано, что сотрудничество между сторонами конфликта в гуманитарной сфере может быть эффективным.

Одним из политических итогов 2016 г. как для Южной Осетии, так и для Абхазии стало то, что во внутривнутриполитическом дискурсе конфликты с Грузией отошли на задний план, а на первый план вышли отношения с Россией. Западный же фактор в РЮО почти

⁴⁴ Арсен Козаев, «Абхазия и Южная Осетия обменялись заключенными с Грузией», *Кавказский Узел*, 11 марта 2016. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/278948>

⁴⁵ Тарас Бурнос, «Грузинская, абхазская и югоосетинская стороны обменялись заключенными», *Голос Америки*, 11 марта 2016. <http://www.golos-ameriki.ru/a/nestan-on-georgia-prisoners-exchanging-s-osetia-abkhazia/3232202.html>

⁴⁶ См. там же.

никогда не играл важной роли, а по состоянию на конец 2016 г. о нем в Южной Осетии уже вспоминали лишь изредка.

Главным политическим трендом 2016 г. в Южной Осетии была борьба между двумя группировками, представляющими две ветви власти: президентскую (Леонид Тибилов) и парламентскую (спикер Анатолий Бибилов). Весь год эти две группировки боролись между собой за звание «более пророссийской», а фоном для этой борьбы было обсуждение «Договора с РФ о сотрудничестве и интеграции», подписанного в 2015 г.⁴⁷ При этом в РЮО отсутствуют организации и, тем более, общественно-политические силы, настроенные не пророссийски.

26 мая 2016 г. президент Тибилов и спикер Бибилов объявили, что в 2017 г. состоится референдум по вопросу вхождения Южной Осетии в состав России. Тем самым ведущие политические игроки взяли своего рода тайм-аут до президентских выборов 2017 г. Осенью 2016 г. о своих планах участвовать в президентских выборах от имени Народной партии объявил Эдуард Коккойты, бывший президентом РЮО в 2001-2011 гг. Между тем существуют правовые препятствия для его участия в предстоящих выборах, и, кроме того, в обществе сохраняется усталость от этой политической фигуры.

⁴⁷ Алан Парастаев, «Итоги года как уроки для политиков», *Аналитикон*, декабрь 2016. <http://theanalyticon.com/?p=8553&lang=ru>

ПОЛИТИКА ЗАПАДА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В 2016 Г.

Фабрисси Виелмини

Говорить о «политике Запада» на Южном Кавказе непросто, потому что интересы Европы и США в отношении России и бывших советских республик различаются. В то же время, с тех пор как Кавказ в 1991 г. открылся для внешнего мира, европейские страны и США проводили там параллельные политические линии. Проблема в том, что на практике европейцы реализовывали стратегию, задуманную по ту сторону Атлантики и активно оттуда продвигавшуюся, то есть, скорее шли по дороге, проторенной американской дипломатией, чем строили отношения, которые бы гарантировали политическую и экономическую стабильность своего «общего соседства» с Россией. Оставляя в стороне важнейший вопрос о расширении НАТО на восток, достаточно посмотреть на события последнего десятилетия. Стратегия ЕС «Восточное партнерство» (ВП) была запущена под определенным патронажем со стороны США, видевших в ней удобный инструмент укрепления своего влияния на страны постсоветского пространства. В ЕС не пытались анализировать политические последствия, к которым приводил предположительно нейтральный нормативный подход, заложенный в «Восточном партнерстве». Россия же непосредственно сталкивалась с последствиями порядка, навязанного Брюсселем на территории ее бывшей советской периферии, и стремилась превратить это пространство в сферу своих «особых интересов», в чем ей было отказано. В результате Москва выдвинула проект Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), и «общее соседство» превратилось в арену игры с ну-

левой суммой между двумя проектами, воспринимавшимися как взаимно противоречащие.

Одним из знаковых событий в этом ряду стал сделанный Арменией под давлением Москвы разворот от запланированного подписания Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом к присоединению к Евразийскому Союзу. В дальнейшем **конфронтация выродилась в украинский хаос**, ответственность за который лежит на обеих сторонах¹, и занятие Россией Крыма. После этого ЕС и США возложили на Россию ответственность за продолжение конфликта в Украине и ввели санкции в отношении России. На этом фоне ЕС и США рассматривают Южный Кавказ как один из театров продолжающегося противостояния. В результате три страны региона продолжили двигаться по траекториям, геополитически фрагментирующим регион: Грузия стремилась в сторону Запада, Армения интегрировалась в Евразийский Союз, а Азербайджан сохранял нейтралитет².

В 2016 г. пост-крымский контекст продолжал довлеть над политикой Запада на Южном Кавказе. **Евросоюз** ничего не мог поделать с расколом между кавказскими странами и сосредоточился на выполнении своих обязательств перед той, что выбрала прозападную ориентацию, то есть Грузией. Действия Брюсселя в регионе были болезненными и трудными, поскольку в это время Евросоюз оказался в череде политических кризисов, осложненных подъемом популистских националистических сил и особенно выходом Великобритании из ЕС. Все это поставило под сомнение целесообразность внешнеполитической стратегии Брюсселя и в

¹ John Mearsheimer, "Why the Ukraine Crisis is the West's Fault," *Foreign Affairs*, September/October 2014. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>

² Amanda Paul, "The EU and the South Caucasus 25 Years Since Independence," Heinrich Böll Foundation, November 25, 2016. <https://eu.boell.org/en/2016/11/25/eu-and-south-caucasus-25-years-independence>

особенности ее восточного измерения, учитывая экономические последствия санкций в отношении России.

Учитывая эти трудности, политика ЕС на Южном Кавказе ретроспективно оценивалась как принесшая лишь ограниченные результаты. Хотя ЕС и стал крупнейшим торговым партнером всех трех стран, Европейская политика соседства и Восточное партнерство не достигли амбициозных целей по изменению местных реалий с помощью **трансформирующей силы**, применявшейся в Восточной Европе в 1990-ые годы. Эта цель стала еще менее реалистичной с момента сворачивания идеи дальнейшего расширения, являвшейся основной движущей силой деятельности ЕС в восточном приграничье. В год референдума о выходе Великобритании Евросоюз мог быть для стран региона лишь нестабильным партнером. Тем не менее, как показало развитие событий в Грузии, институциональная инерция, присущая сложному механизму Евросоюза, сохранялась и тогда, когда политике ЕС очевидно не доставало сильного руководства и четкой концепции.

Основной характеристикой политики США в этот период также была неопределенность. Занятая попытками ограничить ущерб от своих решений на Ближнем Востоке, администрация Обамы была вынуждена понизить внешнеполитическую приоритетность Кавказа. Примечательно, что Вашингтон отложил в сторону заявленные им долгосрочные приоритеты своей региональной стратегии – продвижение демократии и урегулирование конфликтов. На эти цели всегда выделялось очень ограниченное финансирование³, и потому Вашингтон в продвижении своих интересов полагался на региональных посредников. Ключевой региональный союзник США, **Турция**, с момента распада СССР служившая в регионе главным проводником западного влияния в

³ F. Hill, K. Kirişci, and A. Moffatt, *Retracing the Caucasus Circle. Considerations and Constraints for U.S., EU, and Turkish Engagement in the South Caucasus*, Brookings Institute, Turkey Project Policy Paper No. 6, July 2015.

противовес российскому, в 2016 г. фактически самоустранилась от этой обязанности. Раздираемая внутренними проблемами, вырвавшимся наружу в виде июльской попытки переворота, Анкара потеряла значительную часть своего стратегического и экономического веса на Кавказе, и стала, наоборот, источником дополнительных проблем в сфере безопасности⁴. С потерей Турции в качестве инструмента американского влияния в регионе лишь увеличился разрыв между заявленными целями и фактическими действиями США.

На фоне пассивности европейских и американских политических и дипломатических ведомств **НАТО и Пентагон** вышли на сцену как наиболее активные западные акторы на Кавказе⁵. Опираясь на антироссийские настроения в странах Восточной Европы, Пентагон укрепил связи с Грузией в рамках общей политики нового сдерживания, охватившей весь **Черноморский регион**. По инициативе США и жестко настроенных восточных европейцев, Черноморский регион весь 2016 г. служил театром военного строительства, с регулярным заходом в Черное море военных кораблей⁶. Финансовая помощь грузинской армии со

⁴ Mamuka Tsereteli, "Weaker Turkey leaves the South Caucasus without Strategic Anchor," CACI Analyst, February 17, 2017. <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13428-weaker-turkey-leaves-the-south-caucasus-without-strategic-anchor.html>

⁵ Tim Street, "Taking Back Control? The UK, Europe and NATO," ORG Briefing, September 2016. http://oxfordresearchgroup.org.uk/publications/briefing_papers_and_reports/taking_back_control_uk_europe_and_nato

⁶ В ряду последних тенденций – развертывание ракеты-носителя SM3 на базе Девеселу в Румынии, расширение подразделения морских пехотинцев с 250 до более 400 солдат в этой стране. В апреле 2016. США разместили там, пусть и ненадолго, свой самый совершенный истребитель пятого поколения, F22 Raptor. Изменения были и в составе флота – эсминец класса Арли Берк вооружен системами противовоздушной обороны Aegis. См. Wojciech Lorenz, "Strengthening Deterrence in the Black Sea Region," PISM Bulletin, No. 22 (1464), March 3, 2017. <http://pism.pl/publications/bulletin/no-22-962>

сторона США в 2016 г. увеличилась на 50%⁷. Следующим шагом станет создание Черноморской военно-морской миссии, включающей Грузию и Украину – план, весь 2016 г. озвучивавшийся проамериканскими властями этих стран⁸. В отсутствие политических рамок взаимодействия, милитаризация, шедшая под эгидой США, привнесла дополнительный элемент неопределенности и в без того противоречивый регион, лишь усилив раздражение России и ее союзников в Иране. К этому добавились и заявления о необходимости создания нового *modus vivendi* с Москвой, сделанные новой американской администрацией вскоре после избрания и вызвавшие обеспокоенность по всему региону.

Неопределенность на Южном Кавказе была отчасти вызвана нестабильностью на Ближнем Востоке, и в частности, кризисом беженцев и войной в Сирии, обострившими и без того сложную политическую ситуацию в ЕС и понизившими приоритетность Южного Кавказа как для Соединенных Штатов, так и для Европейского Союза. В результате вовлечение ЕС и США в Южный Кавказ скорее свелось к инерции сформулированных в прошлом политических линий, чем было следствием продуманных решений, отвечавших изменявшейся стратегической ситуации в регионе.

Как и в два предыдущих года, основой для внешнеполитических действий Запада в регионе были опасения, что здесь могут возникнуть «гибридные угрозы», предположительно зреющие в южнокавказских обществах под влиянием российской политики

⁷ С \$54.2 млн, запрошенных в 2015 фискальном году, до \$76.2. См. Joshua Kucera, “Georgia, Kyrgyzstan, Tajikistan See Boosts In US Aid,” *Analysis, EurasiaNet*, February 4, 2015. <http://eurasiareview.com/04022015-georgia-kyrgyzstan-tajikistan-see-boosts-us-aid-analysis/>

⁸ Nicholas R. Burns, and James L. Jones, *Restoring the Power and Purpose of the NATO Alliance*, Atlantic Council, June 6, 2016. http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Restoring_the_Power_and_Purpose_of_the_NATO_Alliance_web_0624.pdf

и пропаганды⁹. Хотя подобные угрозы и не материализовались, европейские структуры региона их весьма активно искали, и дальнейшее сотрудничество между ЕС и США развивалось именно вокруг этого.

Следует отметить, что в 2016 г. ЕС принял новую внешнеполитическую стратегию. В документе не было явного упоминания Кавказа, а статус России был изменен со «стратегического партнера» к «ключевому стратегическому вызову», давая основания предполагать, что и Южный Кавказ рассматривался в той же перспективе¹⁰. Действительно, документ настаивает на том, что ЕС будет *«повышать устойчивость в соседних регионах»*, в особенности, посредством поддержки стран, реализующих соглашения об Ассоциации.

Та же концепция устойчивости присутствует и в совместном коммюнике ЕС-НАТО, опубликованном после саммита в Варшаве, где можно прочитать о необходимости *«повышать нашу способность противодействовать гибридным угрозам, включая укрепление устойчивости, совместную работу над анализом, предотвращением и ранним обнаружением угроз»*¹¹. Явно или неявно во многих документах, выпущенных в 2016 г., говорится, что

⁹ Определение в резолюции о «Стратегических коммуникациях ЕС по противодействию пропаганды против него со стороны третьих сторон» (2016/2030 (INI)) было принято 23 ноября 2016. европейским парламентом. Россия напрямую обвинена в проведении «информационной войны», определенной как *«комбинация военных и невоенных мер скрытого и открытого характера, нацеленные на дестабилизацию политической, экономической и социальной ситуации в стране, находящейся под ударом без формального объявления войны»*.

¹⁰ *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*, June 2016: 57. <http://iss.europa.eu/uploads/media/EUGS.pdf>

¹¹ *Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization*, July 8, 2016: http://nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm?selectedLocale=en

«будет жизненно необходимо включение Грузии и Украины в планы НАТО по стабилизации Черноморского региона»¹².

Другая тенденция 2016 г., которую западные лидеры должны были учитывать в своих региональных действиях – это растущее китайское и, в меньшей степени, иранское геостратегическое продвижение в регионе. Наконец, не менее важно отметить, что западное восприятие региона формировалось под воздействием важнейшего события года – так называемой «**Четырехдневной войны**» между Арменией и Азербайджаном – самой кровопролитной до сих пор эскалацией карабахского конфликта, показавшей, что все планы Запада в отношении региона, базирующиеся на энергетической инфраструктуре и позиции Грузии, могут быть в кратчайшие сроки подорваны в корне.

ГРУЗИЯ

В 2016 г. Грузия более чем когда-либо выделялась в регионе своими прозападными настроениями. Воодушевление дошло до парадоксальной точки, когда высокопоставленные политики выступили за внесение в Конституцию поправок, подтверждающих, что внешняя политика Грузии может иметь только проевроатлантическое направление¹³.

В целом, 2016 г. запомнится как высшая точка грузинской истории успеха в вовлечении Запада в регион Южного Кавказа. После некоторых колебаний, были достигнуты существенные до-

¹² Jeff Lovitt, *Time for a New Security Architecture for NATO and Eastern Neighbours*, Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development, September 2016. <http://eap-csf.eu/wp-content/uploads/328288735-europeansecurity-postwarsaw.pdf>

¹³ Thea Morrison, “Usupashvili Moves to Enshrine Georgia’s Western Aspirations in Constitution,” *Georgia Today*, August 14, 2016. <http://georgiatoday.ge/news/4454/Parliament-Speaker-Initiates-Constitution-Amendments-on-Georgia%E2%80%99s-Pro-western-Aspirations>

стижения в реализации Соглашения об ассоциации, подписанного в 2014 г., и связанной с ним Глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ДСФТА). Затем Грузия провела беспрецедентно справедливые парламентские выборы, на которых победила правящая коалиция на основе чистой прозападной платформы. Предоставленное гражданам Грузии долгожданное право на безвизовый въезд в Евросоюз стало логическим завершением принятого курса. Это достижение стало несомненным политическим успехом Грузии и имело большое символическое значение как подтверждение правильности евро-атлантического курса, укрепив проевропейские настроения, к тому времени пошедшие на спад из-за затянувшегося принятия решения о безвизовом режиме¹⁴. Одновременно все это было и успехом Брюсселя, символизировавшим реализацию основных целей Восточного партнерства в постсоветском государстве.

Помимо символической ценности, необходимо оценить и практические последствия евроинтеграционных соглашений для Грузии. На практике создание зоны свободной торговли с ЕС не привело к росту грузинского экспорта и развитию собственного производства и лишь ограниченно повлияло на структурные проблемы экономики, в частности, огромный отрицательный торговый баланс. Напротив, в первые 7 месяцев 2016 г. грузинский экспорт в ЕС, являющийся крупнейшим торговым партнером Грузии, сократился на 25% (до 254 млн долл.)¹⁵. И хотя, по оценке USAID, только 6% грузинских компаний воспользовались преимуществами торгового режима ДСФТА, его плюсы, предположи-

¹⁴ Опросы показывают снижение проевропейских настроений с 79% до 61%. См. "Knowledge and attitudes toward the EU in Georgia," CRRC, 2009-2015. <<http://caucasusbarometer.org/>>

¹⁵ Paul Stronski, and Alexandra Vreeman, "Georgia at Twenty-Five: In a Difficult Spot," Carnegie Endowment for International Peace, May 25, 2017. <http://carnegieendowment.org/2017/05/25/georgia-at-twenty-five-in-difficult-spot-pub-70074>

тельно, станут заметны в ближайшие 5-7 лет¹⁶. При этом последствия ДСФТА проявятся также и в виде повышения затрат, что особенно скажется на сельских и менее конкурентоспособных регионах и секторах экономики. Соответственно, для того, чтобы ощутить преимущества нового режима, Грузии необходимо будет приложить больше усилий для соответствия его требованиям.

В то же время, на фоне нынешней политической ситуации в Европе, исключая для Грузии возможность членства в ЕС или НАТО, после либерализации визового режима Евросоюзу больше нечего предложить Тбилиси. В целом, кризис относительно будущего ЕС ставит под вопрос основы грузинской прозападной внешней политики – драйвера внутривнутриполитических реформ в стране. Учитывая, что на протяжении последних 15 лет грузинский истеблишмент представлял обществу интеграцию в «евроатлантическое сообщество» как единственный критерий национального успеха, политические риски будут набирать обороты¹⁷. Если их результатом станет кризис в стране, столь долго позиционировавшейся как лидер реформ на постсоветском пространстве, это серьезно повлияет на позиции ЕС в регионе.

Что касается НАТО, то в 2016 г. Тбилиси постоянно и последовательно втягивался в расширяющиеся тенденции милитаризации региона. После создания Совместного учебно-оценочного центра НАТО-Грузия (JTEC), непосредственно перед варшавским саммитом НАТО, Вашингтон и Тбилиси подписали соглашение о военном сотрудничестве с новым пакетом американской помощи, свидетельствовавшее о переходе от обучения к наращиванию по-

¹⁶ *Business' Attitudes Towards Tax System in Georgia*, USAID Georgia, April 6, 2016. <http://crrc.ge/uploads/tinymce/documents/G4G%20Technical%20Deliverable%20on%20Tax%20Perception%20Survey%20ENG.pdf>

¹⁷ Macies Falkowski, "EU-Georgia: visas abolished – what next?," *Analyses*, March 29, 2017.

<https://osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2017-03-29/eu-georgia-visas-abolished-what-next>

тенциала, с упором на территориальную оборону¹⁸. Некоторые европейские союзники присоединились к этим действиям – так, Франция завершила передачу Грузии передовой системы ПВО, а Польша обеспечила масштабное обучение сил спецназа Грузии¹⁹. Американские военные части регулярно входили на территорию Грузии для совместных военных учений. Иными словами, грузинское сотрудничество с НАТО и США идет на таком уровне, как если бы Грузии был бы предоставлен План действий по членству (МАР)²⁰. Притом что страна встраивается в военную машину НАТО, направленную против России, она по-прежнему лишена гарантий безопасности со стороны Североатлантического союза, оказываясь в рискованном положении, могущем в перспективе привести к новому военному противостоянию с Россией, риск которого, судя по всему, национальная элита оценивает не вполне реалистично²¹.

Анализируя развитие событий в Грузии в 2016 г. с западной точки зрения, важно отметить, что хотя Россия могла бы применить в Грузии полный набор «гибридных» инструментов давления (таких, как поддержка меньшинств, крепкие связи с Грузинской православной церковью, торговые связи, СМИ, неправительственные организации, диаспора и т.д.), там не наблюдалось никаких признаков подобной деятельности, инспирированной Россией. В течение года Россия пассивно наблюдала за чередой прозапад-

¹⁸ NATO, *Substantial NATO-Georgia Package (SNGP)*, June 2016. http://nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_06/20160614_1606-georgia-sngp-factsheet-en.pdf

¹⁹ Paul Stronski, and Alexandra Vreeman 2017.

²⁰ Thomas de Waal, “Whither the South Caucasus?”, *Carnegie Europe*, March 28, 2017.

<http://carnegieeurope.eu/2017/03/28/whither-south-caucasus-pub-68427>

²¹ Николай Силаев, «Россия – Грузия: станет ли дезориентация продуктивной?», *Eurasia Daily*, 26 апреля 2017. <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/26/nikolay-silaev-rossiya-gruziya-stanet-li-dezorientaciya-produktivnoy>

ных инициатив грузинского правительства²². Все свидетельствует о том, что Россия рассчитывает на сценарий истощения ЕС и не рассматривает нынешнее движение Грузии в направлении ЕС как серьезную угрозу собственным интересам в регионе.

АРМЕНИЯ

2016 г. был благоприятным с точки зрения армяно-европейских отношений. Переважив процесс вступления в ЕАЭС, начатый годом ранее, Ереван был полон решимости заложить новую основу для своих отношений с ЕС, не развивавшихся с 2013 г. Стороны вели переговоры о новом всеобъемлющем рамочном соглашении и расширенном партнерстве (СЕРА), но без создания зоны свободной торговли (ДСФТА). Переговоры были отмечены визитом главы внешнеполитического ведомства ЕС Федерики Могерини в Ереван в сентябре 2016 г. В декабре 2016 г. стороны согласовали пакет, который, как ожидается, будет внедрен в 2017 г.²³

По причине членства Армении в ЕАЭС, экономическое и торговое сотрудничество между сторонами находится на более низком уровне, чем в случае с Грузией. Несмотря на это, новое соглашение открывает перспективы роста иностранных инвестиций, которых критически не хватает национальной экономике, а также облегчения визового режима.

Помимо институциональной и экономической важности, перезагрузка отношений с ЕС была центральной с политической

²² Интересно также как это рассматривалось даже польскими источниками, см. к примеру: “EU-Georgia: visas abolished ...” <https://osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2017-03-29/eu-georgia-visas-abolished-what-next>

²³ *Important Step Forward in the EU-Armenia Relations as Bilateral Agreement Is Initialed*, European External Action Service, March 21, 2017. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/23150/Important%20step%20forward%20in%20EU-Armenia%20relations%20as%20bilateral%20agreement%20is%20initialled

точки зрения для власти президента Саргсяна, учитывая размывание основ внутреннего консенсуса в 2016 г. Сближение с ЕС также отразило достаточно широко распространенное в Армении разочарование политикой Российской Федерации, обострившееся после вспышки военного противостояния с Азербайджаном весной 2016 г. на фоне воспринимавшегося обществом отсутствия поддержки со стороны России и крупных российских военных поставок Баку.

Как отмечалось и в случае Грузии, в Армении Россия не предпринимала никаких «гибридных» шагов, направленных на саботаж возобновления связей Армении с ЕС.

Несмотря на ряд структурных сложностей ввиду ее особого положения, случай Армении важен для будущего определения баланса сил в Евразии. Сегодня ЕС и ЕАЭС сосуществуют в стране по принципу разделения труда: первый предоставляет экономическую помощь, а второй – гарантии безопасности²⁴. Если Ереван будет в состоянии поддерживать эту конфигурацию, избегая конфронтации и сохраняя баланс между западными ориентациями и российским партнерством, позиция Армении станет ключевой в отношениях между двумя основным полюсами, определяющими ситуацию в Западной Евразии.

АЗЕРБАЙДЖАН

В 2016 г. Азербайджан оставался самым проблемным партнером для западной политики в регионе. Бакинский режим стал еще более похожим на султанат (символом которого стал сентябрьский конституционный референдум), подавляя любое проявление внутреннего инакомыслия. Баку пытался уравновесить свою ре-

²⁴ Sergey Minasyan, “New Opportunities in Armenian-EU Relations,” PONARS Eurasia Policy Memo, No. 476, May 2017. http://ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peprn476_Minasyan_May2017.pdf

прессивную политику символическими актами снисхождения к оппозиционерам перед крупными встречами с западными игроками²⁵, но это не помогло ему улучшить свой имидж в европейских столицах.

Не только внутренняя политика Баку, **но и сделанная им попытка изменить статус-кво в Нагорном Карабахе** поставила под угрозу всю западную сеть влияния в регионе, учитывая потенциальные риски войны для внутренней стабильности Грузии и ее возможные разрушительные последствия для поддерживаемой Западом инфраструктуры²⁶.

Столь же тревожным для евро-атлантического блока стало свидетельство того, что возобновление агрессивных тенденций в Азербайджане шло рука об руку со стремлением выступать в качестве регионального игрока, придерживающегося **альтернативных геополитических подходов**. Неудовлетворенный патовой ситуацией, сложившейся в работе Минской группы ОБСЕ, и ощущающий нехватку поддержки со стороны своих европейских партнеров, Баку интенсифицировал контакты с **Москвой и Тегераном**. В рамках этих переговоров Азербайджан выразил готовность предоставить свою территорию как связующее звено трехстороннего альянса для создания в регионе альтернативной геополитической системы на основе развития инфраструктур по направлению Север - Юг²⁷. Еще одной причиной нового геополитического проекта стала неопределенность, с которой сталкивается традиционный партнер Баку – Анкара. Размыкание оси Баку-Анкара выразилось в затруднениях, с которыми сталкивал-

²⁵ Anaïs Marin, "Azerbaijan: drifts and shifts," *Alert* No7, 29 March 2017. http://iss.europa.eu/uploads/media/Alert_7_Azerbaijan.pdf

²⁶ Сергей Маркедонов, «Нагорно-карабахский баланс и грузинский фактор», 28 апреля 2016. <http://politcom.ru/21042.html>

²⁷ Alexander Mercouris, "Here's what happened in Baku between Russia, Iran, and Azerbaijan," August 9, 2016. <http://theduran.com/summit-baku-russia-iran-azerbaijan-new-axis/>

ся проект строительства железной дороги **Баку-Тбилиси-Карс** (БТК). Хотя ЕС и США напрямую не поддержали этот проект из-за его откровенно антиармянского характера, они все же приветствовали его как способ укрепить коридор Восток-Запад, спонсировавшийся Вашингтоном с момента его вовлечения в регион²⁸.

Сохраняя приверженность избранному им курсу на геополитическую автономию, бакинский режим продолжал сталкиваться с экономическими трудностями, заставлявшими его укреплять связи с Западом – по-прежнему основным источником его доходов. После долгого периода молчания, это привело к возобновлению переговоров о новом рамочном соглашении с ЕС²⁹. Переговоры вылились в болезненный процесс, осложненный запросами азербайджанского руководства на особые условия в важных вопросах и стремлением использовать переговоры с ЕС как рычаг давления на Армению.

ЗАПАДНЫЕ АКТОРЫ И КАВКАЗСКИЕ КОНФЛИКТЫ

В 2016 г. неурегулированность сепаратистских конфликтов на Кавказе оставалась одним из основных сдерживающих факторов для европейского и американского присутствия в регионе. На эту тему был сделан ряд заявлений – в частности, в обновленном в 2015 г. документе о Европейской политике соседства говорится, что затяжные конфликты являются серьезной угрозой безопасности и процветанию соседей Евросоюза, и выражается привержен-

²⁸ Samuel Lussac, “The Baku-Tbilisi-Kars Railroad and Its Geopolitical Implications for the South Caucasus,” *Caucasian Review of International Affairs*, Vol. 2, No. 4, 2008: 215-216.

²⁹ *Mandate for a new framework agreement with Azerbaijan*, European Commission, May 13, 2016. http://ec.europa.eu/smart-regulation/roadmaps/docs/2016_eas_021_framework_agreement_azerbaijan_en.pdf

ность Евросоюза трансформации этих конфликтов. Тем не менее, Евросоюз всерьез не брался за решение этих проблем.

Символический подход ЕС к основному региональному конфликту – нагорно-карабахскому. Учитывая крайнюю сложность его урегулирования и отсутствие интереса к нему со стороны большинства европейских государств, Евросоюз ограничился поддержкой Минской группы ОБСЕ, фактически удовлетворившись сохранением статус-кво. Этот подход выглядит еще более близоруким после вспышки конфликтов на Ближнем Востоке с их возможным долгосрочным воздействием на Кавказ, геополитика которого традиционно переплетается с этим регионом³⁰. Примечательно, что именно опора Запада на Кавказе – Грузия – рискует превратиться в транзитную зону для бойцов джихада на пути на Ближний Восток.

В прошлом году ограниченность влияния ЕС в регионе стала особенно заметной после того, как Федерика Могерини в ходе визита в регион заявила, что карабахский конфликт является высшим приоритетом для ЕС. Однако лишь несколько недель спустя ЕС и США пассивно наблюдали за самой крупной эскалацией этого конфликта с момента заключения соглашения о прекращении огня в 1994 г. Вашингтон и Брюссель не нашли иного решения, кроме как позволить Москве возглавить усилия по сдерживанию этой эскалации³¹.

Кроме того, непоследовательность в действиях ЕС проистекает из его стремления применять разные подходы к разным конфликтам, в особенности в том, что касается территориальной

³⁰ Neil John Melvin, "Middle East conflict risks overspill into the Caucasus," SIPRI, March 4, 2016. <https://sipri.org/commentary/blog/2016/middle-east-conflict-risks-overspill-caucasus>

³¹ Svante E. Cornell, "The Raucous Caucasus," *The American Interest*, May 2, 2017. <https://the-american-interest.com/2017/05/02/the-raucous-caucasus/>

целостности³². Так, стремясь приглушить критику со стороны ЕС в отношении прав человека в Азербайджане, бакинские власти упрекали европейцев в применении двойных стандартов к вопросу о территориальной целостности Азербайджана.

Ситуация в грузинских сепаратистских конфликтах иная – в них ЕС является ключевым игроком в сфере безопасности, учитывая как работу мониторинговой миссии ЕС (EUMM), так и деятельность Европейского союза как сопредседателя многостороннего женевского процесса. Впрочем, с момента развертывания мониторинговой миссии в 2008 г., на поприще трансформации этих конфликтов почти ничего не удалось сделать, поскольку Абхазия и Южная Осетия постепенно поглощаются правовым, экономическим и политическим пространством России.

В этом контексте необходимо упомянуть, что одним из главных недостатков участия западных игроков в урегулировании кавказских конфликтов является неспособность работать с населением отделившихся регионов. Кроме того, имеется разрыв между заявленными целями и фактическими действиями. ЕС действует в соответствии с политикой «вовлечение без признания», однако на практике вовлечению мешает ряд факторов, включая бескомпромиссную позицию Тбилиси в отношении сепаратистов. В контексте данной статьи этот момент важен в плане различия европейских и американских подходов к региону³³. Воодушевленная американской военной поддержкой, Грузия стала еще менее чувствительной к призывам ЕС контактировать с сепаратистами и меньшинствами, и в 2016 г. это стало особенно заметно. Подобная слепота Тбилиси в отношении собственной ответственности и навязчивое использование риторики об «*оккупированных территориях*» закрывает для Европейского Союза возможности вести диалог с отделившимися регионами. Кроме того, концеп-

³² Amanda Paul 2016.

³³ De Waal 2017.

ция национальной безопасности Грузии называет «оккупацию территорий Грузии Российской Федерацией и террористические акты, организованные Российской Федерацией из оккупированных территорий» главной угрозой безопасности страны³⁴. Трудно соотнести эти формулировки с реальной ситуацией. К примеру, можно заметить, что попытки Южной Осетии провести референдум по объединению с осетинами России, проходящие по категории «гибридных угроз», на фоне невмешательства России во внутренние дела Грузии выглядят скорее как самостоятельные шаги Южной Осетии с целью отвоевать для себя место под солнцем и помешать сделке между Москвой и Тбилиси. В целом, подход Грузии лишь усиливает опасную самоизоляцию отколовшихся регионов, мешая европейцам реализовывать альтернативные подходы и способствуя сохранению остроты региональной конфронтации.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЕ ВОСТОКОМ. КИТАЙСКИЙ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И ФАКТОР ИРАНА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Важной тенденцией на Кавказе в 2016 г. стало последовательное продвижение экономических интересов внешних игроков, в частности, Китая и Ирана. В значительной степени они заполняли пустоту, оставшуюся от западных игроков, и эксплуатировали неопределенности, созданные политикой конфронтации с Россией.

Китайское правительство было особенно последовательным в создании кавказского коридора в рамках межконтинентальной инициативы «Один пояс, один путь», цель которой – связать Китай с Европой и Ближним Востоком посредством современной транспортной инфраструктуры.

³⁴ *National Security Concept of Georgia*, <https://mod.gov.ge/assets/up-modul/uploads/pdf/NSC-ENG.pdf>

Реакция Запада на эту масштабную инициативу была амбивалентной. С одной стороны, США и ЕС заинтересованы в развитии Пояса, который может усилить ось восток-запад транспортного коридора ЕС «Европа-Кавказ-Азия» (TRASECA). Примером может служить кредит, предоставленный в 2016 г. Азиатским инфраструктурным инвестиционным банком Китая (АИВ) Трансатолыйскому газопроводу (TANAP) для того, чтобы связать Азербайджан с юго-восточной Европой³⁵. В частности, Китай будет развивать Транскаспийский международный транспортный маршрут (TCITR), связывающий Кавказ с Центральной Азией, с упором на связи между Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, с привлечением экономического потенциала этих стран, а также Турции. Все это могло бы перерасти в более рентабельный маршрут, чем российско-белорусская альтернатива. Все это было частью концепции коридора TRASECA с момента запуска этого проекта.

В то же время активное распространение экономического влияния Китая вызывает и озабоченность Запада. В результате двустороннего соглашения о свободной торговле, согласованного в 2016 г., Китай может стать доминирующим игроком в грузинской экономике³⁶. Пока еще не вполне ясно, каким станет китайское присутствие в регионе и как именно инициатива «Один пояс, один путь» повлияет на экономическую и политическую динамику кавказских государств, в особенности с точки зрения управления. Теоретически влияние Китая может в будущем свести на нет

³⁵ Fuad Shahbazov, "Baku-Beijing Relations and China's Growing Interest in the South Caucasus," *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 14, No. 51, April 12, 2017. <https://jamestown.org/program/baku-beijing-relations-chinas-growing-interest-south-caucasus/>

³⁶ Chinese weight in the Georgian economy continues to grow: China is now the country's third largest investor, after Turkey and Azerbaijan. See: Paul Stronski, Alexandra Vreeman, *Georgia at Twenty-Five*, cit.

усилия ЕС и США по приведению систем управления в регионе в соответствие с западными стандартами³⁷.

Кроме того, проект китайского коридора опирается на Азербайджан, и потому может усилить тенденции к изоляции Армении внутри региона.

Если смотреть шире, то западные акторы по-прежнему не уверены в том, как китайская инициатива будет сопрягаться с российским присутствием в регионе, а равно и с инфраструктурными сетями, идущими по разным направлениям через кавказский перекресток, в том числе в сторону Ирана, Персидского залива и Черного моря.

Преодолевая наследие международной изоляции после ядерной сделки P5+1, Иран также стремится занять свое место в региональном экономическом порядке, в том числе предоставляя свою территорию как мост, связывающий регион с международными рынками. Наряду с Арменией, особой целью этих усилий является Грузия, как и в случае с Китаем. Иран инвестирует в целый ряд секторов грузинской экономики, от банковских услуг до промышленности. Грузино-иранские экономические связи пока еще скромны, но растущее финансовое влияние Ирана беспокоит Вашингтон, долгое время жаловавшийся, что грузинская экономика может дать Ирану возможность обойти международные санкции³⁸. Это еще один фактор, который может сорвать планы Тбилиси на западную интеграцию³⁹.

В то же время, растущие китайские экономические интересы, наряду с потенциальным расширением экономического присут-

³⁷ Richard Ghiasy, and Jiayi Zhou, "The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU–China cooperation prospects," *SIPRI*, 2017: 60. <https://sipri.org/sites/default/files/The-Silk-Road-Economic-Belt.pdf>

³⁸ Stronski, and Vreeman.

³⁹ "Deputy FM Says Georgia Told by U.S. not to Rush into Full-Scale Cooperation with Iran," *Civil Georgia*, October 10, 2015. <http://civil.ge/eng/article.php?id=28644>

ствия Ирана на Кавказе, могут в будущем способствовать стабилизации ландшафта безопасности на Кавказе путем преодоления традиционных линий конфронтации США-ЕС-Турция/Россия-Иран.

РАСТУЩЕЕ НЕДОВОЛЬСТВО В ЕВРОПЕ И ВОЗМОЖНЫЙ РАСКОЛ ЗАПАДНОГО БЛОКА ПО ВОПРОСУ БЫВШЕГО СССР

Хотя это и не ощущается на Кавказе, западная политика в регионе в прошлом году формировалась на фоне растущего в европейских странах недовольства внешней политикой ЕС в целом, и в частности, в том, что касалось антироссийских санкций, ввиду их экономических последствий для экономик Западной Европы. Затем уже Брэксит показал глубину политического кризиса Евросоюза и европейского проекта как такового. Задолго до избрания Трампа недовольство политикой Евросоюза стало смыкаться с критикой деятельности вашингтонских ястребов, угрожающей глобальной стабильности. В результате, впервые за много лет, идеологический разрыв в евро-атлантических отношениях становится важной реальией европейской политики.

Самым ярким примером является Италия. Россия всегда находила дружески настроенных политиков внутри Италии. Сегодня они варьируются от крайне правых (Лига Севера) до новых альтернативных политических сил, таких, как Движение пяти звезд и «Вперед Италия» Берлускони, а также ряда мелких парламентских фракций. Италия несет значительные издержки из-за санкций против России, и потому альтернативный политический курс в отношении России проявился и в действиях истеблишмента, выразившись в усилиях Рима по предотвращению новых антироссийских санкций.

Кроме того, учитывая агрессивную позицию, навязываемую НАТО Соединенными Штатами, и неспособность НАТО отреа-

гировать на вызовы безопасности на Ближнем Востоке, в 2016 г. в Италии началось обсуждение целесообразности членства страны в НАТО, что прежде было табу в итальянской внешней политике. Учитывая диапазон сил, недовольных внешней политикой правительства, идея выхода из альянса может в перспективе получить поддержку большей части итальянского электората.

Судя по всему, подобные настроения распространяются далеко не только в Италии. После Варшавского саммита НАТО было распространено франко-немецкое предложение сформировать военный штаб Европейского Союза, а затем в его поддержку был составлен и неформальный итальянский документ⁴⁰.

Этот фон не сулит ничего хорошего для будущего европейской политики на Кавказе, поскольку критики политики, которой придерживался ЕС на востоке, «склонны пренебрегать важностью местных акторов в бывших советских республиках, видя в них лишь пассивных наблюдателей за геополитическим конфликтом между Западом и Россией»⁴¹.

В более позитивном свете может рассматриваться инициатива, запущенная в 2016 г. немецким Фондом Фридриха Эберта, продвигающая идею «Общего европейского дома», объединяющего ЕС, страны Восточного партнерства и Россию на основе общности если не ценностей, то интересов⁴².

⁴⁰ Andrew Rettman, "Italy lays out 'vision' of EU army," *EU observer*, September 26, 2016. <https://euobserver.com/ukreferendum/135235>

⁴¹ Riccardo Alcaro, *Germany's Ostpolitik. An Italian Perspective*, IAI Working Papers, n. 17|22, April 2017:14. <http://iai.it/sites/default/files/iaiw1722.pdf>

⁴² *A Shared European Home? The EU, Russia and the Eastern Partnership*, Friedrich Ebert Foundation, May 2016.

<http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/12546.pdf>

ВЫВОДЫ: ПОДДЕРЖАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО УЧАСТИЯ БЕЗ КОНФРОНТАЦИИ С РОССИЕЙ

Как и в предыдущие годы⁴³, в 2016 г. отношения США и ЕС со столицами Южного Кавказа по-прежнему отличала неуверенность и отсутствие стратегии, адаптированной к изменяющейся геостратегической обстановке. Сохраняется огромный разрыв между заявленными целями и ценностями, с одной стороны, и скудостью ресурсов, выделяемых на их реализацию – с другой. Из-за бюрократической негибкости и неспособности выработать слаженную политику, ЕС продолжает придерживаться политического курса, уже не раз доказавшего свою ограниченность, а США с приходом к власти администрации Трампа будут все больше отдаляться от кавказского региона.

В то же время, теперь, когда Великобритания больше не участвует в разработке европейской стратегии, а политика Трампа и изменившиеся общественные настроения в Европе заставляют Евросоюз строить новые, более автономные отношения с Вашингтоном, появляется возможность выстроить европейское присутствие в странах Восточного партнерства на новой основе, и Кавказ мог бы стать опытной лабораторией для подобной трансформации.

На этой важной развилке, учитывая отсутствие ясности в отношении будущего американской политики, устойчивость связей ЕС со всеми тремя странами Кавказа важна как никогда. Однако пределы возможностей этого взаимодействия не могут быть отделены от новых отношений Европы с Россией – иначе Кавказ станет геополитически ничейной лимитрофной территорией. А зна-

⁴³ Моррес Торрес-Ким, «2013: год, который никак не кончался. Запад и страны Южного Кавказа: ограниченный выбор, смутные перспективы», в А. Исхандарян (ред.), *Кавказ-2013*, Ереван, Институт Кавказа, 2015, стр. 137-157.
<http://c-i.am/wp-content/uploads/year-book-2013.pdf>

чит, надо преодолевать последствия долгих лет недопонимания, когда ни одна из сторон категорически не принимала стратегию другой, что и привело, в частности, к украинскому кризису. Выход из этого тупика может быть только в радикальной перестройке стратегии обеих сторон⁴⁴.

Особенно это нужно Европе. Она должна начать с вопроса о **ценностях**, где особенно ярок контраст между риторикой и практикой. За долгие годы работы так и не удалось изменить ситуацию в постсоветских странах, несмотря на наличие в них запроса на европейское присутствие. Даже без учета того, что постсоветские общества не очень восприимчивы к европейским ценностям, очевидно, что продвижение **неолиберального миропорядка** потерпело неудачу по всему миру и вызывает проблемы внутри самих европейских обществ. Очевидно, что упор на некие общие «евроатлантические ценности» заставляет Евросоюз ограничиваться в отношении России стратегией «нового сдерживания», отделяя ее от остальных экономических игроков Евразии. Страны Евросоюза, и особенно Западной и Центральной Европы, должны в любом случае продолжить реализацию цивилизационного проекта продвижения на восток, но чтобы стать успешным, этот проект должен выйти за рамки либеральных ценностей. Следует увеличить упор на общехристианские ценности – это измерение позволило бы обратиться ко взаимному притяжению, существовавшему веками.

Кроме того, в смысле ценностей, кавказская перспектива позволяет частично избавиться от одного из главных камней преткновения между ЕС и Россией – категорического несогласия ЕС с претензиями России на наличие **особых интересов** в регионе. Так, если дело касается трансграничных сообществ, некоторые

⁴⁴ Aldo Ferrari, *EU–Russia: What Went Wrong?*, in *Beyond Ukraine. EU and Russia in Search of a New Relation*, Rapporto ISPI, June 9, 2015. <http://ispionline.it/it/publicazione/beyond-ukraine-eu-and-russia-search-new-relation-13424>

региональные проблемы являются вопросами внутренних дел Российской Федерации просто потому, что напрямую влияют на ее безопасность. Соответственно, Москва обязана учитывать стабильность своих соседей как предусловие для собственного развития и территориальной целостности⁴⁵.

Со своей стороны, Россия должна, в первую очередь, осознать свои ограничения в том, что касается превращения в ядро нового регионального порядка, и отказаться от идеи установления гегемонии в регионе. Москва должна пересмотреть свои позиции и поддержать европейские силы, работающие на то, чтобы евроинтеграционный проект перестал быть угрозой российской гегемонии и перестал восприниматься в этом свете. Однако любое расширение европейского проекта на постсоветском направлении будет лишь нагнетать напряженность. Поэтому необходимо ограничить **присутствие НАТО** на пространстве бывшего СССР и признать необходимость переговоров об архитектуре новой европейской безопасности, независимо от прихотей президента Путина.

Такая смена парадигмы облегчит **признание того, что во многих сферах интересы ЕС соотносятся** с интересами России и других сил, присутствующих на Южном Кавказе и шире, на пространстве Восточного партнерства. Во-первых, имеется **экономическая взаимозависимость** между ЕС и ЕАЭС, а также игроками, зажатыми между ними. Одновременное строительство и укрепление инфраструктурной **оси** региона должно перестать рассматриваться в логике конфронтации и исключения соперников, а наоборот, должно видеться как возможность связать между собой экономики, ослабленные неолиберальными рецептами стабильности региона. При внешней поддержке Китая, новые воз-

⁴⁵ Sergey Markedonov, "Russia's Evolving South Caucasus Policy Security Concerns amid Ethno-political Conflicts," DGAP analyse 1, January 2017: 11.
<https://dgap.org/en/article/getFullPDF/28989>

возможности, которые подобные связи откроют для ЕС и России (а также Турции и Ирана) построят доверие между игроками, у каждого из которых будет практическая заинтересованность в функционировании общего порядка.

Поскольку и Иран, и Китай, имеют тесные связи с Россией, Европа может найти способ стать частью альтернативного порядка в регионе. Тогда появится и новая перспектива для разрешения локальных **конфликтов** на основе устранения препятствий на пути развития стран региона. В любом случае, в отсутствие сотрудничества с Россией, Евросоюзу остается лишь признать, что ни в Карабахе, ни в Донбассе он не в состоянии ничего изменить.

Общность интересов состоит и в необходимости бороться с террористическими организациями внутри и вокруг региона. Несмотря на существующие противоречия между игроками, о совместной борьбе с терроризмом уже не раз делались заявления, ни разу, впрочем, не подкрепленные конкретными действиями. Необходимость такого сотрудничества лишь усилилась в последнее время, года на Кавказ все большее влияние стала оказывать динамика событий на Ближнем Востоке. Сотрудничество по борьбе с радикальным джихадизмом не должно ограничиваться ЕС и РФ – к нему могут подключиться Иран и иные шиитские страны-союзники Москвы.

Все это возможно, даже невзирая на нынешние глубокие разногласия по поводу Украины. ЕС и РФ должны осознать, что могут не соглашаться по отдельным вопросам, но должны сосредоточиться на глобальных общих проблемах, основываясь на необходимости сотрудничества. Как сказано в уже упоминавшемся докладе Фонда Фридриха Эберта, пора внедрять эффективные формы сотрудничества. Например, можно создать площадку для диалога между ЕС и ЕАЭС – для этого лучше всего подойдет Армения.

В заключение вспомним последние слова из замечательной «Истории Кавказа» Чарльза Кинга⁴⁶. Он подчеркивает, что один из ключей к будущему региона – это возможность коллективного переосмысления прошлого. Именно это должно вдохновлять ЕС в его работе на Кавказе, для которой потребуются избавиться от довлевшего до сих пор англо-саксонского геополитического нарратива о Евразии, в котором идеализированные маленькие народы борются за свободу против агрессивной России. Похороним Бжезинского: Европа должна забыть представления о Евразии, навязанные ей извне, и начать работать вместе с Россией, дабы сделать Кавказ не барьером, а мостом и краеугольным камнем Общего европейского дома.

⁴⁶ Charles King, “The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus,” Oxford University Press, 2008.

РОССИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ИТОГИ 2016 Г.

Александр Скаков

За последнее десятилетие в мире произошли изменения, сломавшие как привычную логику политических прогнозов, так и стабильность и определенность, недавно еще казавшиеся устойчивыми и логичными. Стихия турбулентности возникла постепенно, используя старания и ошибки всех основных политических акторов, превращая благие пожелания в их противоположность, заменяя чаемую многополярность хаосом и безответственностью. В сложившейся ситуации нельзя найти виновников и жертв, все основные участники событий являются одновременно и теми, и другими, отказываясь нести свою долю ответственности, но будучи не в состоянии отбросить её и предстать в роли миротворца.

Своего рода предвестниками новой эпохи стали «умиротворение» Москвой Северного Кавказа в результате второй чеченской войны 1999-2000 гг. (активная фаза боевых действий) и вмешательство НАТО в конфликт в Косово в 1999 г. Попытки России выйти за рамки статуса региональной державы и вернуть себе утраченные позиции (к примеру, бросок сводного батальона ВДВ ВС РФ на аэродром в Приштине 11-12 июня 1999 г.) успеха в тот период не имели и оставались локальными эпизодами.

Спусковым крючком для слома существовавшей системы стало признание рядом ведущих стран независимости Косово в феврале 2008 г. Далее последовали война 08.08.08 и признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г. Совместными усилиями статус-кво был сломан. Ненадолго внимание отвлек мировой экономический кризис, лишь усугубивший ситуацию. В конце 2010 г. вспыхнула т.н. «арабская весна»,

а в марте 2011 г. началась гражданская война в Сирии, ставшая, вероятно, узловым событием десятилетия. 21 ноября 2013 г. начался т.н. «евромайдан» в Киеве, приведший 21 февраля 2014 г. к свержению режима Януковича, а затем – к вмешательству России, присоединению Крыма 18 марта 2014 г. и началу гражданской войны на востоке Украины в апреле 2014 г. Опять же, здесь бессмысленно заниматься поиском правых и виноватых, безответственность и непродуманность действий были характерны и для Запада, и для России.

Ситуация стала напоминать «горящий торфяник», но плодотворных коллективных усилий по тушению и локализации очагов пожара войны – не последовало. Горячая фаза войны на востоке Украины продлилась до февраля 2015 г., а с 30 сентября 2015 г. Россия вмешивается во внутрисирийский конфликт. Видимо, именно это событие, как бы к нему не относиться, означает полноценное возвращение России в ряд глобальных мировых игроков и торжество концепции многополярности – к сожалению, очень высокой ценой. Подобное возрастание роли России вызвало неприятие со стороны Турции, уловившей угрозу для себя в зоне, которую в Анкаре уже начали считать сферой своих интересов: последовало уничтожение российского бомбардировщика 24 ноября 2015 г. и беспрецедентное ухудшение российско-турецких отношений.

Далее события развиваются в ускоренном режиме. Одновременно с нарастанием напряженности в ряде узловых регионов, происходит кризис устоявшейся системы взаимодействия общества и государства в наиболее стабильных частях мира: миграционный кризис в Европе с начала 2015 г., Brexit Великобритании в итоге референдума 23 июня 2016 г., победа Дональда Трампа на выборах в США 8 ноября 2016 г. Одновременно именно в этих, ранее наиболее стабильных регионах (ЕС и США), а не в самых, казалось бы, уязвимых (Россия, Китай, Израиль и т.д., до недавне-

го времени в этот список можно было включить и Иран) до невиданного уровня нарастает террористическая угроза.

Подобное взрывное расширение зоны турбулентности имело решающее следствие для ряда регионов мира, в том числе и для Южного Кавказа. Если раньше за влияние в них соперничали ведущие мировые игроки, к примеру, вытесняя из них Россию, или же сотрудничая с ней, то теперь эти регионы стали, грубо говоря, никому особо не нужны, им перестали уделять повышенное внимание, про них стали стараться забыть. Это касается не только Южного Кавказа, но также и Украины, Центральной Азии и, в некоторой степени, Балкан.

К примеру, о Южном Кавказе постарались, по мере возможности, забыть и в Москве, и в Вашингтоне, и в столицах Евросоюза. В некоторых отношениях это можно оценить позитивно: внешний фактор в большинстве случаев не являлся благотворной силой, преследуя собственные сиюминутные интересы. С другой стороны, следствием этого стала, к примеру, «четырёхдневная война» 2-5 апреля 2016 г. в зоне нагорно-карабахского конфликта. Еще одним следствием этого стали обострения ситуации в зоне конфликта на востоке Украины в декабре 2016 г. и январе 2017 г., странным образом совпавшие с избранием Трампа и формированием новой администрации в Вашингтоне. Это можно понимать как способ, с одной стороны, использовать прогнозируемое безразличие внешних игроков в своих целях, с другой – напомнить о своем существовании и о наличии нерешенной проблемы.

В целом интересы ведущих мировых игроков стали более конкретны и менее абстрактны. Это, конечно, в немалой степени связано и с последствиями мирового экономического кризиса. К примеру, по словам известного американского аналитика Томаса Грэма, «американские интересы на Украине не конкретны,

они скорее абстрактны»¹. С другой стороны, есть определенный запас инерции, и полностью абстрагироваться от пространства бывшего СССР ни Вашингтон, ни Брюссель не могут. Как отмечает тот же Томас Грэм, «политика США на украинском направлении зависит не только от президента, но и от политического истеблишмента. А там большая часть считает, что у США серьезный интерес в украинском вопросе, и не позволит Трампу совсем устраниться от урегулирования проблемы»². Похожим образом дело обстоит и с Россией, хотя её интересы в регионе Большого Кавказа гораздо более значимы и осязаемы, чем американские.

В Москве уже достаточно давно перестали рассматривать Южный Кавказ как единое целое, четко разделяя свою политику в отношении не только трех основных стран региона, но и полупризнанных Абхазии и Южной Осетии. За рамками российской политики продолжает находиться Нагорный Карабах, что в очередной раз было продемонстрировано во время прошедшего там 20 февраля 2017 г. конституционного референдума, на который в качестве наблюдателей не приехали даже депутаты Государственной Думы. По сути, делается вид, что Нагорного Карабаха не существует, но, что несколько парадоксально, конфликт продолжает существовать и расценивается как один из основных вызовов интересам России в регионе.

В рамках Минской группы ОБСЕ сейчас имеется своего рода консенсус относительно того, что военный сценарий для Нагорного Карабаха неприемлем, говорить о долгосрочном мирном урегулировании нет никаких оснований, а в настоящее время надо сосредоточиться на мерах по стабилизации обстановки в зоне конфликта. Именно эти меры, очевидно, обсуждались на саммитах в Вене и Санкт-Петербурге. По сути, все медиаторы переговорно-

¹ Георгий Асатрян и Алексей Забродин, «Новой перезагрузки не будет, она нежелательна», *Известия*, 15 апреля 2017. <https://iz.ru/news/697349>

² См. там же.

го процесса намерены законсервировать нерешаемый конфликт и отложить попытку его урегулирования на далекое будущее. Это вполне соответствует интересам как России, так и США и ЕС, война в регионе не нужна никому, и понимание этого есть и в Москве, и в Вашингтоне. К примеру, по словам американского сопредседателя Минской группы Ричарда Хогланда (май 2017 г.), «для меня совершенно понятно, что Москва не хочет войны в Нагорном Карабахе, Москва не хочет войны между Азербайджаном и Арменией. Это дестабилизирует весь регион и нанесет ущерб интересам России»³. Те разногласия между посредниками, о которых на январской пресс-конференции говорил Сергей Лавров (он выразил сожаление, что механизм расследования инцидентов в Карабахе пока не реализован, и объяснил это отсутствием консенсуса внутри ОБСЕ⁴), связаны, очевидно, с форматом предполагаемого режима прекращения огня и реализации мер доверия, а также со степенью давления на стороны конфликта. Впрочем, то, что наличие таких разногласий было признано на столь высоком уровне, не является обнадеживающим признаком.

Консервации конфликта и сдерживанию Азербайджана служат и поставки российского вооружения (включая оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер», системы радиоэлектронной борьбы «Инфауна», реактивные системы залпового огня «Смерч») в Армению летом-осенью 2016 г., и летнее соглашение по объединению ПВО России и Армении, и создание объединенной группировки войск России и Армении в составе армянского 5-го армейского корпуса и 102-ой российской воен-

³ «Сопредседатель МГ ОБСЕ: война в Карабахе не отвечает интересам России», *EurasiaDaily*, 10 мая 2017. <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/10/sopredsedatel-mg-obse-voyna-v-karabahe-ne-otvechaet-interesam-rossii>

⁴ «Лавров сожалеет, что механизм расследования инцидентов в Карабахе пока не реализован», *ТАСС*, 17 января 2017. <http://tass.ru/politika/3946589>

ной базы (ноябрь 2016 г.)⁵. Кроме того, сдерживающим фактором стала нормализация российско-турецких отношений после фактического извинения Эрдогана 27 июня 2016 г. В результате вероятность крупномасштабной армяно-азербайджанской войны сейчас меньше, чем год назад. В то же время, ухудшение экономической и социальной ситуации в Азербайджане⁶ повышает вероятность военного обострения как средства консолидации общества и укрепления власти, что, собственно, мы и наблюдали в апреле 2016 г.

Кроме того, Азербайджан целенаправленно проводит политику, имеющую своей целью определение границ возможного и безнаказанного, чему соответствует и апрельская война, и дело Лапшина, и похищение Афгана Мухтарлы в Тбилиси в мае 2017 г. Соответственно этой логике, вполне вероятно новое военное обострение, причем не только на линии соприкосновения сторон в Нагорном Карабахе, но и на армяно-азербайджанской границе. В этом случае целью такого обострения станет зондаж возможной реакции Москвы.

Внутриполитическая ситуация в Армении и в Азербайджане не привлекает внимания со стороны Москвы. По сути, Ереван и Баку имеют карт-бланш на любые действия, что вполне продемонстрировало отсутствие какой-либо реакции Москвы на конституционные изменения в Азербайджане и в Армении, несмотря на их очевидную неоднозначность. Политику Москвы, традиционно избегающей контактов с оппозицией, подкрепляет полное отсутствие какой-либо оппозиции в Азербайджане и фактическое отсутствие оппозиции в Армении. Контакттировать же с гражданским обществом, даже в случае его наличия, Москва ни-

⁵ Катерина Прокофьева, «Военно-полевой баланс», *Эхо Кавказа*, 20 ноября 2016. <https://www.ekhokavkaza.com/a/28129324.html>

⁶ Катерина Прокофьева, «Азербайджан: начало конца?», *Эхо Кавказа*, 14 апреля 2017. <https://www.ekhokavkaza.com/a/28487664.html>

когда не умела. Кроме неприемлемости любых сценариев полномасштабной войны в регионе, Москву в отношении Армении и Азербайджана интересуют только два вопроса – членство Армении в ЕАЭС и возможность транзита через Азербайджан между Россией и Ираном⁷.

В 2015-2016 гг. со стороны Баку активно муссировалась тематика возможного вступления Азербайджана в ЕАЭС⁸. Фактическая невозможность такого сценария не останавливала азербайджанских официальных лиц (в том числе на уровне главы МИДа), но отсутствие какой-либо позитивной реакции Москвы на эти зондажи привело к прекращению любых разговоров на данную тему. В целом необходимо отметить, что к ЕАЭС в Москве относятся достаточно бережно, вполне отдавая себе отчет в том, что это интеграционное объединение было создано невовремя. Если бы не кризис, ему было бы легче стать историей успеха. Присоединение в настоящий момент какой-либо страны к ЕАЭС только усугубит проблемы этой организации. Дальнейшее же расширение списка стран, создавших с ЕАЭС зону свободной торговли, вполне возможно, и его надо оценивать позитивно. Идея взаимодействия ЕС и ЕАЭС не нова, наиболее активно ее

⁷ Ольга Самофалова, «Коридор "Север – Юг" составит конкуренцию маршруту через Суэцкий канал», *Взгляд*, 7 апреля 2016. <https://vz.ru/economy/2016/4/7/804116.html>

⁸ Дж. Алекперова, «Вступит ли Азербайджан в ЕАЭС?», *Эхо*, 28 октября 2015. <http://echo.az/article.php?aid=91258>

Елена Остапенко, «Сергей Марков: вступление Азербайджана в Евразийский экономический союз – вопрос времени», *Inew.az*, 16 июня 2015.

<http://www.1news.az/news/sergey-markov-vstuplenie-azerbaydzhana-v-evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-vopros-vremeni>

«Потери и выгоды от вступления Баку в ЕАЭС», *Sputnik-Azerbaijan*, 5 ноября 2015. <https://ru.sputnik.az/expert/20151105/402608975.html>

Ниджад Гаджизаде, «Азербайджан и ЕАЭС: Назарбаев ждет намек...», *Новости-Азербайджан*, 25 августа 2016. <http://novosti.az/analytics/3153.html>

[html](http://novosti.az/analytics/3153.html)><http://novosti.az/analytics/3153.html>

проталкивает Астана⁹. К сожалению, в ЕС традиционно делают ставку на двустороннее сотрудничество, не замечая – в упор не видя – ЕАЭС. Если удастся наладить сотрудничество двух интеграционных организаций и изменить позицию ЕС, в условиях продолжающегося экономического кризиса это будет выгодно обеим сторонам. Будущее есть и у китайской идеи «Нового Шелкового пути» («Экономического пояса Шелкового пути»), но если в Пекине решат обойтись в нем без ЕАЭС, это негативно скажется на обоих проектах. В том случае, если удастся их сопрячь, выигрыш может быть велик.

Запланированный на 7-8 апреля 2016 г. саммит премьер-министров ЕАЭС в Ереване был отложен по причине обострения ситуации в Нагорном Карабахе. Ситуация вокруг Нагорного Карабаха не имела прямого отношения к саммиту и к ЕАЭС. В данном случае некоторые члены ЕАЭС (очевидно, в первую очередь Астана) сыграли на стороне Баку. Возникла ситуация, когда третья страна, не имеющая отношения к ЕАЭС, определяет отношения внутри интеграционного объединения. Конечно, это ненормально.

В парламент Армении партией «Свободные демократы» был представлен проект заявления о выходе из ЕАЭС. В проекте заявления отмечалось, что вступление в ЕАЭС «привело к

⁹ Адиль Каукунов, «Сможет ли Казахстан сблизить ЕАЭС и ЕС?», *Zakon.kz*, 29 апреля 2016. <https://www.zakon.kz/4790456-smozhet-li-kazahstan-sblizit-eajes-i-es.html>

Марат Елемесов, «Казахстан хочет сблизить ЕС и ЕАЭС», *Liter*, 13 апреля 2016. https://liter.kz/ru/articles/show/19049-kazahstan_hochet_sblizit_es_i_eaes
«Назарбаев: необходимо провести совместный форум ЕАЭС и Евросоюза», *РИА Новости*, 17 июня 2016. <https://ria.ru/economy/20160617/1448969581.html>

изоляции Армении и сокращению иностранных инвестиций»¹⁰. Якобы от членства не выиграла и безопасность: по мнению авторов заявления, «оно лишило Армению альтернативных возможностей обеспечения безопасности»¹¹. Экономический кризис, проблемы с партнерами по ЕАЭС, неспособность России обеспечить в полной мере безопасность страны, слабость власти – все это факторы, способствующие нарастанию в армянском обществе разочарования в ЕАЭС. Очевидно, этот процесс может пойти очень далеко и быть весьма опасным как для Армении, так и для ЕАЭС¹².

Москва практически не ставит перед собой цели ни усиления российского влияния в Азербайджане различными средствами, в том числе с использованием этнических меньшинств Азербайджана, ни нейтрализации деструктивного аспекта азербайджанского влияния на территории РФ, в том числе в Республике Дагестан¹³. В то же время, Азербайджан планомерно наращивает свои лоббистские возможности в России.

Для активизации экономического взаимодействия с Арменией, в том числе в рамках ЕАЭС, первоочередное значение имеют коммуникации, связывающие РФ и Армению. Кроме того, использование этих коммуникаций будет способствовать углублению российско-грузинского взаимодействия во всех

¹⁰ «В парламент Армении представили проект заявления о выходе из ЕАЭС», *РИА Новости*, 14 апреля 2016.

<https://ria.ru/world/20160414/1410562300.html>

¹¹ См. там же.

¹² Александр Скаков, «Евразийская интеграция: надежды, проблемы, перспективы», *Ноев ковчег*, № 7 (282), июль 2016 . <http://noev-kovcheg.ru/mag/2016-07/5458.html>

¹³ Александр Скаков, «Азербайджанское меньшинство в политической жизни современной России», ИМЭМО, *Россия и новые государства Евразии*, № II (XXXI), 2016.: 66-77. https://www.imemo.ru/jour/RNE/index.php?page_id=721&id=7529

сферах. Главный Кавказский хребет, по которому, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону, проходит ныне граница Российской Федерации на Кавказе, кажется сейчас не только политической, но и социально-экономической и географической преградой, барьером, буфером. По сути, его пересекают всего две полноценные коммуникации – автомагистраль (трасса «Кавказ» М-29 или европейский маршрут Е-119) и железная дорога Махачкала-Баку, и автомагистраль Владикавказ-Тбилиси (бывшая Военно-грузинская дорога, дорога Р-301/А161 или европейский маршрут Е-117). Дорога через Верхний Ларс перегружена и не справляется с транзитным грузопотоком, а использование черноморских портов существенно увеличивает стоимость грузов¹⁴.

Коммуникации, идущие через Южную Осетию и Абхазию, заблокированы на протяжении десятилетий, и перспективы восстановления их функционирования не просматриваются. Южная Осетия в период президентства Леонида Тибилова выбрала, по сути, путь изоляции, а разблокированию пути через Абхазию (в первую очередь, железной дороги) мешает целый ряд факторов. Это, в первую очередь, позиция Азербайджана, не допускающего открытия новой дороги, связывающей Армению с внешним миром. Это и позиция самой Абхазии, не вполне представляющей себе условия и ход процесса разблокирования дороги, опасющейся подводных камней. Двойственной и, скорее, негативной представляется и позиция Грузии, с одной стороны, заинтересованной в превращении в транзитную страну по маршруту Север-Юг, с другой – опасющейся усиления

¹⁴ «В Северной Осетии на Военно-Грузинской дороге откроется таможенно-логистический терминал», ТАСС, 8 сентября 2016. <http://tass.ru/v-strane/3606314> <http://tass.ru/v-strane/3606314>

влияния России. Наконец, это скептическая позиция Запада, в первую очередь, ЕС¹⁵.

Пока Тбилиси не готов ни на промежуточные варианты, ни на креативный подход, и не хочет видеть в Сухуме равноправную сторону какого бы то ни было переговорного процесса, о продвижении в вопросе открытия железнодорожного сообщения через Абхазию можно забыть. Россия периодически поднимает вопрос о восстановлении железнодорожного сообщения через Абхазию (в последний раз это имело место во время визита Сергея Лаврова в Сухум в апреле 2017 г.¹⁶), не давая ему исчезнуть из повестки дня, но и не возлагая особых надежд на его скорое решение. В данном случае наличие большого числа игроков (заинтересованных или не заинтересованных сторон) является гарантией неудачного исхода проекта.

Учитывая это, а также значимую роль внешнего фактора (Азербайджан, ЕС, США и др.), не заинтересованного в реанимации грузового сообщения через Большой Кавказ, было бы целесообразно ориентироваться на проекты, затрагивающие как можно меньшее число участников, то есть игнорирующие Абхазию и Южную Осетию с их спорным статусом и не предполагающие решения вопросов о месте размещения таможни, пограничного контроля и т.д. По этой логике, оптимальными представляются восстановление бывшей Военно-осетинской дороги, реанимация проекта Кавказской перевальной железной дороги и дальнейшее строительство Аваро-Кохетинской шоссейной дороги.

¹⁵ См., в частности: Владимир Амирян, Губад Байрамов, Беслан Барателия, Лолита Заде, Карен Овсепян, Фуад Расулов, Вахтанг Чарая, «Восстановление железных дорог на Южном Кавказе: оценка потенциального экономического эффекта. Железная дорога Сочи-Сухум/и-Тбилиси-Ереван», Ред. Наталья Мириманова, *International Alert*, Октябрь 2013.

¹⁶ Кирилл Кривошеев, «Визит Сергея Лаврова в Абхазию затронул Грузию и Армению», *Коммерсант.ru*, 19 апреля 2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3275578>

Бывшая Военно-осетинская шоссейная дорога через Мамисонский перевал (построенная в 1858-1888 гг.) не функционирует, хотя и проходит за пределами де факто границ Республики Южная Осетия¹⁷. Учитывая отсутствие признанной обеими сторонами конфликта демаркации границы и незаселенность данного участка, самому Цхинвалу вряд ли по силам заблокировать этот проект, ссылаясь на линию прохождения границы. Летом 2016 г. грузинская сторона утвердила проект строительства нового моста на Мамисонском перевале взамен взорванного в августе 2008 г. и объявила тендер на восстановление Военно-осетинской дороги¹⁸. Для Москвы было бы целесообразно использовать существовавшую на тот момент заинтересованность нынешнего грузинского руководства в восстановлении функционирования этой дороги.

Кавказская перевальная железная дорога Орджоникидзе (Владикавказ) – Тбилиси так и не была достроена в годы перестройки, хотя, надо отметить, именно она связывала бы железные дороги России и Грузии по кратчайшему маршруту. Идущее на территории Дагестана строительство российского участка Аваро-Кахетинской дороги на сегодняшний день не встречает какой-либо поддержки со стороны Тбилиси¹⁹.

В интересах России также реализация проекта по строительству Военно-сухумской шоссейной дороги (Черкесск-Сухум) через Кодорское ущелье Абхазии. Эта дорога могла бы иметь большое политическое и военное значение, но учитывая полублокадное положение Абхазии, значимость дороги вряд ли выйдет за пределы полупризнанной республики. Показательно,

¹⁷ «Придет ли время дороге Сухум-Черкесск?», *Sputnik-Abkhazia*, 12 января 2016. <http://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20160112/1016856205.html>

¹⁸ Владимир Унанянц, «Грузия "наводит мосты" с Россией», *Эхо Кавказа*, 11 августа 2016. <https://www.ekhokavkaza.com/a/27915435.html>

¹⁹ «Придет ли время дороге Сухум-Черкесск?», 12 января 2016.

что после некоторого оживления, связанного с появлением потенциального китайского инвестора, процесс разработки проекта дороги Черкесск-Сухум явно снова застопорился²⁰.

Необходимо учитывать, что транспортные коммуникации станут важнейшей связующей нитью между Южным Кавказом и Россией. Именно поэтому такие проекты вызывают негативную реакцию ряда СМИ и некоторых западных политиков.

Вполне очевидное и закономерное улучшение российско-грузинских отношений, имеющее, на сегодняшний день, свои границы и «красные линии», дошло до максимума²¹. При этом потенциал для дальнейшего диалога и потепления остается, так как у Москвы по-прежнему в наличии такие важные козыри, как отмена визового режима для граждан Грузии и давление на Сухуми и Цхинвал с целью обеспечения максимально возможной свободы перемещения людей в конфликтных зонах (жителей Гальского района в его старых границах, а также Ахалгорского (Ленингорского) района).

В настоящее время, очевидно, в российско-грузинском диалоге наблюдается пауза, что имеет свое объяснение.

²⁰ См.: Александр Скаков, «Транскавказские перевальные маршруты Западного Кавказа в древности и перспективы их восстановления в начале XXI века», *Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе*. Материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28-29 сентября 2015 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016, 57-65.

²¹ Николай Силаев, «Пределы нормализации: российско-грузинские отношения после парламентских выборов в Грузии», МГИМО, Институт международных исследований, *Международная аналитика*, Вып. 3 (17), М. 2016: 7-14; Александр Скаков и Вадим Муханов, «Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений», *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, Выпуск 5, том 9, 2016: 77-94; Александр Скаков и Вадим Муханов, «Российско-грузинские отношения», *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*, Том II, Южный Кавказ. ИМЭМО, М. 2017: 66-74.

Оказавшись в достаточно сложной ситуации, протаскивая свой вариант изменений конституции, подвергаясь нападкам со всех сторон, рискуя получить выволочку от Венецианской комиссии и не будучи уверенным в абсолютной поддержке со стороны ЕС и США, правительство «Грузинской мечты» во всех других вопросах оказалось сковано по рукам и ногам. Идти на какие-либо неординарные шаги в отношениях с Россией, или в вопросах урегулирования абхазского и югоосетинского конфликтов Тбилиси сейчас не в состоянии. Любые такие действия только повысили бы градус критики в адрес правящей партии и лично Бидзины Иванишвили²². Поэтому вполне логично, что в российско-грузинском диалоге фактически взят тайм-аут, и в Москве к этому относятся с пониманием. Соответственно, есть надежды на то, что после укрепления режима в Тбилиси и принятия новой редакции конституции грузинские власти пойдут на дальнейшее развитие диалога с Россией.

Более того, руководство Грузии умело использовало действия России по отношению к Абхазии (визит Лаврова в Сухум, встречу Хаджимба и Путина) и Южной Осетии (встречу Бибилова и Путина, реализацию российско-югоосетинского договора от 18 марта 2015 г. о союзничестве и интеграции) для раздувания бессмысленных всплесков антироссийской истерии, отвлекающих внимание грузинского социума от проблем внутри страны.

Политика Москвы по отношению к Абхазии и Южной Осетии в 2016-первой половине 2017 гг. определялась, в первую очередь, мерами по реализации подписанных договоров – Договора о союзничестве и стратегическом партнерстве между РФ и РА (подписан 24 ноября 2014 г.) и Договора о союзничестве и интегра-

²² Александр Скаков и Вадим Муханов, «Внутриполитическая ситуация в Грузии», *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*, Том II, Южный Кавказ. ИМЭМО, М. 2017: 59.

ции между РФ и РЮО (подписан 18 марта 2015 г.)²³. При этом, с одной стороны, Москва совершенно оправданно ограничила степень своего вмешательства во внутривнутриполитические процессы в Абхазии и Южной Осетии (что показали победа А. Бибилова на президентских выборах в РЮО и итоги парламентских выборов в Абхазии), с другой стороны, по некоторой инерции, пыталась достаточно топорными методами проталкивать выгодные для себя решения и изменения законодательства. Пример непродуктивности такой политики – провал в 2016 г. настойчивых попыток московских «кураторов» заставить абхазскую сторону отказаться от запрета на покупку недвижимости в республике иностранцами. Прошедшие в республиках в 2017 г. выборы укрепили легитимность властных структур и стабилизировали внутривнутриполитическую ситуацию, что вполне соответствует долгосрочным интересам России²⁴.

Итак, на настоящий момент перед Россией на Южном Кавказе стоит несколько взаимосвязанных основных задач, требующих решения. Во-первых, это недопущение начала полномасштабной войны в зоне нагорно-карабахского конфликта и, как следствие, активизации внешних сил в регионе (под видом миротворческой операции и т.д.) и выхода Армении из сферы влияния России. Во-вторых, это укрепление российско-армянских союзнических

²³ Официальный сайт президента РФ, Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции, 18 марта 2015. <http://kremlin.ru/supplement/4819>

Официальный сайт президента РФ, Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве, 24 ноября 2014. <http://kremlin.ru/supplement/4783>

²⁴ Александр Скаков и Вадим Муханов, «Социально-политическая ситуация в Абхазии и российско-абхазские отношения», *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*, Том II, Южный Кавказ. ИМЭМО, М. 2017: 95-121; Александр Скаков, «Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии», *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*, Том II, Южный Кавказ, ИМЭМО, М. 2017: 86-94.

и партнерских отношений, с использованием для этого фактора вхождения Армении в ЕАЭС и с углублением экономических связей Армении и РФ путем активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества. В-третьих, это постепенное нарастание позитивной динамики в российско-грузинских отношениях путем углубления опять же торгово-экономического взаимодействия между РФ и Грузией. С одной стороны, в настоящее время Южный Кавказ не является приоритетным регионом для России, с другой – Москва крайне заинтересована в стабильности у своих южных границ.

АПРЕЛЬСКАЯ ЭСКАЛАЦИЯ 2016 Г. В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сергей Минасян

В ночь с 1 на 2 апреля 2016 г. Азербайджан инициировал самую масштабную военную эскалацию с момента заключения в зоне карабахского конфликта в мае 1994 г. трехстороннего соглашения о прекращении огня. Сложно утверждать, что было решающим для военно-политического руководства Азербайджана при принятии данного решения. Скорее всего, к этому привел синтез целого ряда факторов и причин: от финансово-экономических проблем, вызванных падением цен на нефть и повлиявших на общественно-политическую ситуацию в Азербайджане, до сложного регионального контекста.

Например, официальные валютные резервы Центробанка Азербайджана к началу 2016 г. упали до 5 млрд долларов¹, тогда как годом раньше составляли примерно 15 млрд долларов, а на поддержание курса маната к этому времени было потрачено порядка 60% имеющихся золотовалютных резервов Центробанка², что, впрочем, не предотвратило двукратную девальвацию азербайджанской валюты в предыдущем, 2015 г. Достаточно напряженный внешний геополитический фон в регионе Южного Кавказа, особенно в контексте российско-турецкого кризиса из-за

¹ Central Bank of the Republic of Azerbaijan, Annual Report 2015.

https://en.cbar.az/assets/4191/Annual_Report_2015_Final_04.07.16.pdf

² Nailia Bagirova, "Azeri Central Bank Says Frenzy on FX Market Averted, Market Adapts to Manat Float," March 15, 2016.

<https://www.reuters.com/article/azerbaijan-cenbank/update-1-azeri-central-bank-says-frenzy-on-fx-market-averted-market-adapts-to-manat-float-idUSLSN16N3RT>

событий в Сирии, также создал благоприятную почву для апрельской эскалации в Нагорном Карабахе.

Можно предполагать, что политическое решение о масштабной военной операции в Нагорном Карабахе было принято в Баку как минимум за несколько недель до эскалации. Непосредственно приказ о начале операции был дан Ильхамом Алиевым по завершению его визита в Вашингтон в самом конце марта 2016 г., где он участвовал в глобальном ядерном саммите. Там же Алиев встретился с президентом Турции Эрдоганом, что, не исключено, также сыграло свою роль в обострении ситуации. Кроме того, азербайджанское руководство никогда и не скрывало, что стремится к военному решению конфликта.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АПРЕЛЬСКОЙ ЭСКАЛАЦИИ 2016 Г.

В принципе, азербайджанская операция в апреле 2016 г., скорее всего, имела целью достичь лишь частичных военно-политических целей на карабахском направлении – по западной военной терминологии это была «операция с ограниченными целями» (limited aims operation). При этом для достижения эффекта внезапности в операции принимали участие лишь войска специального назначения, усиленные артиллерией и танками воинских частей, непосредственно дислоцированных на линии фронта вокруг Нагорного Карабаха. Есть основания предполагать, что если даже в планах Азербайджана и была попытка полномасштабного блицкрига, то лишь в случае успешного и стремительного прорыва первой оборонительной линии карабахской армии, с возможностью массового ввода в прорыв мобильных бронетанковых подразделений. Иначе азербайджанская армия должна была более активно использовать артиллерию и авиацию по всей глубине карабахской территории еще с самого утра 2 апреля, в том числе

нанося удары по Степанакерту (исходя из опыта боевых действий 1990-х гг., когда столица НКР регулярно подвергалась ракетно-артиллерийским и авиационным обстрелам со стороны азербайджанской армии).

Всего этого не произошло, и дальше нескольких передовых постов на первой оборонительной линии карабахской армии на крайнем северо-востоке и юго-востоке линии соприкосновения сторон азербайджанские войска так и не продвинулись. Трудно судить, был ли отказ Баку от ударов в глубине территории Нагорного Карабаха результатом опасений ответных ракетно-артиллерийских ударов карабахской армии по промышленной и энергетической инфраструктуре и крупным населенным пунктам Азербайджана. Возможно, что Азербайджан воздержался от обстрелов крупных населенных пунктов в Нагорном Карабахе, намереваясь ограничиться на начальном этапе лишь локальной военной операцией и пытаясь провести своего рода «разведку боем», стремясь не выйти на уровень эскалации, когда принятие решения о нанесении армянской стороной «ударов возмездия» будет попросту неизбежным. Примечательно, что уже позднее в одном из своих интервью президент Нагорного Карабаха Бако Саакян заявил, что в ходе апрельской эскалации карабахские войска были готовы к возможным ракетно-артиллерийским ударам по Степанакерту и выдвинули собственные дальнобойные ракетные системы и крупнокалиберные РСЗО для нанесения ответных ударов по целям в глубине территории Азербайджана³.

Как бы то ни было, несмотря на беспрецедентную эскалацию, в апреле 2016 г. широкомасштабная война в Карабахе так и не началась. Более того, во время апрельской эскалации в той или иной

³ Сергей Минасян, «Четырехдневная война: статус-кво стал более взрывоопасным», РСМД, 1 июня 2016. <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chetyrekhdnevnyaya-voyna-status-kvo-stal-bolee-vzryvoopasnym/>

степени проявились многие элементы военного и политического сдерживания, которые вполне применимы в нынешней военно-политической ситуации вокруг карабахского конфликта (например, не было взаимных ширококомасштабных обстрелов крупных городов)⁴. В первую очередь, это касается сдерживания вооруженных конфликтов или кризисных военных ситуаций на низком уровне эскалации, или, по крайней мере, на уровне, где механизмы и ресурсы военно-политического сдерживания стратегического масштаба не всегда применимы или адекватны. К примеру, опыт локальных конфликтов показывает, что угрозы нанесения ракетных ударов по чувствительным объектам промышленной инфраструктуры противника чаще всего не применяются (или неэффективны) в качестве инструмента сдерживания в ответ на военные действия на уровне небольших подразделений тактического звена.

Действия азербайджанской армии в апреле 2016 г. на северном и южном флангах карабахских войск не привели к прорыву первой линии обороны и установлению контроля хотя бы над парой населенных пунктов. В этих условиях азербайджанскому командованию пришлось в последующие дни боев импровизировать с привлечением дополнительных резервов, новых частей из глубины своей территории, крупнокалиберных ракетно-артиллерийских систем и т.д.⁵

Азербайджанская сторона успела в боевых действиях в той или иной степени использовать большую часть приобретенных в России за последние годы новых видов вооружения и военной техники, к примеру, РСЗО «Смерч». Впервые также использо-

⁴ Подробнее об особенностях политики сдерживания в карабахском конфликте см. Сергей Минасян, *Сдерживание в карабахском конфликте*, Ереван: Институт Кавказа, 2016.

⁵ Детальный обзор хода боевых действий в апреле 2016 . можно найти на сайте www.razm.info.

вались ударные беспилотники и противотанковые ракетные комплексы большой дальности стрельбы израильского производства (Heron, Spyke), некоторые виды новой и усовершенствованной бронетехники российского производства, модернизированные ударные вертолеты Ми-24 и Ми-35, и т.д. Все это означало переход военного измерения карабахского конфликта на качественно новый технологический уровень, существенно отличающийся от реалий карабахской войны 1990-х гг. С самого начала азербайджанская армия также активно использовала на переднем плане свои наиболее подготовленные элитные части и подразделения специального назначения, которые, кстати, наряду с танковыми подразделениями, и понесли наиболее серьезные потери.

В свою очередь, карабахская армия, за исключением ряда артиллерийских подразделений и частей ПВО центрального подчинения, фактически принимала участие в боях начала апреля 2016 г. преимущественно на уровне своих передовых подразделений (укомплектованных в основном обычными призывниками, усиленными некоторым числом добровольцев и отдельными подразделениями специального назначения). Однако основные силы и средства, а также резервные компоненты Армии обороны НКР так и не успели принять участие в боевых действиях. Не были применены многие из имеющихся на их вооружении современных видов ВВТ, в первую очередь – дальнобойные ракетно-артиллерийские средства.

С военной точки зрения четыре дня боевых действий в апреле 2016 г. продемонстрировали, что попытки азербайджанской армии прорваться вглубь карабахской территории, используя фактор внезапности, дали ограниченный результат. Вряд ли может считаться серьезным военным успехом продвижение с большими потерями элитных частей азербайджанского спецназа при активной поддержке танков и артиллерии на некоторых участках на крайнем северном (Тальшской) и южном (Горадизском) направ-

лениях, обороняемых передовыми отрядами карабахских войск, укомплектованных преимущественно призывниками. Азербайджанские спецназовцы пробились лишь к первой оборонительной траншее и заняли нескольких передовых опорных пунктов, часть которых к моменту достижения устной договоренности о перемирии 5 апреля 2016 г. уже была отбита карабахскими войсками.

По всей видимости, для азербайджанской армии продолжает оставаться серьезной проблемой координация действий общевойсковых подразделений, танковых и ракетно-артиллерийских частей, и вряд ли боеспособность и подготовка личного состава азербайджанской армии существенно выросли за последнее время. После потери уже утром 2 апреля двух вертолетов азербайджанская армия не решилась на дальнейшее массовое использование боевой авиации, кроме беспилотной. Потеряв свыше двух десятков танков и бронемашин, азербайджанское командование также не решилось использовать основной ударный ресурс азербайджанской армии: пойти на массовый танковый прорыв с концентрацией большого количества бронетехники на узком участке фронта, с использованием новейших российских танков Т-90С, БМП-3 и другой бронетехники при активной поддержке артиллерии и авиации.

Задачей карабахской стороны в ходе апрельской эскалации было не допустить широкомасштабные боевые действия и вернуть все передовые позиции по состоянию на 1 апреля 2016 г. Было очевидно, что даже сохранение хоть одного квадратного метра карабахской территории под контролем азербайджанских сил будет воспринято властями Азербайджана и азербайджанским обществом не столько как военный успех, сколько как символическое политическое достижение – демонстрация шаткости сохраняющегося уже почти четверть века военно-политического статус-кво вокруг Нагорного Карабаха. Со своей стороны, Азербайджан пытался использовать результаты апрельских событий

для ослабления «комплекса побежденных», сформировавшегося в азербайджанском общественном сознании по результатам войны 1992-1994 гг. в Нагорном Карабахе.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ АПРЕЛЬСКОЙ ЭСКАЛАЦИИ

Скоротечность апрельской эскалации не дала азербайджанской общественности и элите возможность в полной мере оценить масштабы, ужасы и цену возможной новой полномасштабной войны в Нагорном Карабахе. Исходя из этого, азербайджанское руководство будет пытаться в дальнейшей своей политике продемонстрировать свою военную решительность. На это в Азербайджане в настоящее время есть общественный запрос. При определенных внешних и внутренних военных и политических обстоятельствах это может вновь подтолкнуть Баку к возобновлению боевых действий различного уровня.

Даже понесенные в ходе апрельских боев потери не будут выступать сдерживающим фактором в случае принятия военно-политическим руководством Азербайджана решения о возобновлении боевых действий. В реальности на такое решение может повлиять лишь позиция некоторых ключевых внешних акторов и переоценка азербайджанской стороной военных потенциалов конфликтующих сторон. Азербайджанское руководство, естественно, пытается представить результаты апрельских боев как малозатратную «разведку боем», хотя уже к концу апреля 2016 г. взаимные артиллерийские обстрелы территорий и населенных пунктов в глубине вышли за сложившиеся за предыдущие годы географические рамки, приведя к потокам беженцев из приграничных районов Азербайджана.

Можно сделать вывод, что, несмотря на ограниченные военные достижения по результатам апрельских боев 2016 г., надежда

на военный реванш в Карабахе у азербайджанской стороны сохраняется и даже усиливается наличием общественного запроса внутри Азербайджана. Реваншистские настроения могут сохраняться до тех пор, пока очередная попытка Баку возобновить широкомасштабные боевые действия в Нагорном Карабахе не приведет к кардинально иным результатам. Реализация армянскими сторонами стратегии военно-политического сдерживания принесла плоды: Азербайджан в апреле 2016 г. не решился на полномасштабное возобновление боевых действий. Однако в будущем невозможно исключить новые раунды эскалации различного рода интенсивности вокруг Нагорного Карабаха.

В случае новой эскалации по ее инициативе азербайджанская сторона может опять прибегнуть к действиям, содержащим элемент тактической и даже стратегической неожиданности, с выбором удобного времени и места реализации операции. К примеру, такой может стать не попытка захвата очередных позиций или высот вдоль линии фронта к востоку от Нагорного Карабаха, а качественно иная операция, например, захват целого ряда населенных пунктов в Нагорном Карабахе или стратегически важной позиции (в масштабах уже не ротных или взводных опорных пунктов). В частности, такой может стать попытка захвата Омарского перевала (или равнозначного пункта) в ходе комбинированной воздушно-наземной операции с использованием десантно-штурмовых аэромобильных десантов и большого количества транспортно-десантных вертолетов Ми-8 и Ми-17 при поддержке артиллерии, ударных вертолетов и беспилотной авиации.

Что касается дипломатического измерения апрельских событий, то в действиях по сохранению сложившегося за долгие годы перемирия переговорного процесса и формата важную роль сыграла позиция Москвы. Российский МИД неоднократно после достижения апрельской договоренности о прекращении огня заявлял, что рассматривает соглашения о достижении переми-

рия 1994-1995 гг. как «бессрочные» и не видит возможности их замены. Схожую с Москвой позицию касательно сохранения имеющегося переговорного формата и договоренностей по Нагорному Карабаху заняли также и два других сопредседателя МГ ОБСЕ – США и Франция. В отличие от Баку, международные посредники не восприняли результаты апрельской эскалации 2016 г. как серьезное изменение сложившегося военно-политического и дипломатического статус-кво.

Российская сторона попыталась активизировать переговорный процесс, показав, что принимаются меры, призванные предотвратить повторение апрельских событий в Нагорном Карабахе. Кроме попыток предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта между, как это принято классифицировать в Москве, ее стратегическим союзником Арменией и стратегическим партнером Азербайджаном (способную при определенных условиях привести к потере Россией обеих южнокавказских стран сразу), Кремль желал также вновь продемонстрировать свою ведущую роль в регионе, но не до такой степени, чтобы развалить формат трех сопредседателей Минской группы ОБСЕ, многие годы занимавшихся поисками путей мирного урегулирования конфликта. В конце концов, МГ ОБСЕ является одной из немногих оставшихся политических платформ, на которой Запад (в лице двух других сопредседателей – США и Франции) и Россия могут вести конструктивный диалог, в частности, в вопросе мирного урегулирования карабахского конфликта. Концептуально ничего нового в действиях Москвы не было, как минимум, начиная с Майндорфской декларации ноября 2008 г. – попытки усилить меры доверия в зоне карабахского конфликта после августовской «Пятидневной войны» с Грузией – и последующего раунда переговоров, приведших к созданию так называемого «Казанского документа» 2011 г., предлагавшего построить рамки компромиссного урегулирования на основе модификации т.н. «Мадридских прин-

ципов» и отвергнутого азербайджанской стороной на встрече в Казани.

В последовавших после апреля 2016 г. дипломатических процессах Москве нужно было показать армянской стороне, что создаются гарантии и механизмы, которые позволят исключить повторение апрельских событий и станут предусловием для подготовки переговоров по существу проблемы. С другой стороны, Москва стремилась продемонстрировать Баку, что нынешняя ситуация еще не означает новой заморозки переговорного процесса по карабахскому урегулированию и укрепления нового статус-кво вокруг Нагорного Карабаха, и что азербайджанской стороне нужно согласиться на создание предпосылок для начала реальных переговоров в виде гарантий мер доверия.

Тем не менее, период после апрельской эскалации 2016 г. показал тщетность имевшихся в регионе и за его пределами надежд, что азербайджанская сторона пойдет на полноценное соблюдение режима перемирия. В таком случае Баку лишился бы главного рычага давления как на переговорный процесс, так и на дальнейшее развитие карабахского конфликта – угрозы возобновления боевых действий. При этом Баку работал на дипломатической арене, стараясь исключить из Мадридских принципов положения, исходящие из интересов армянских сторон (в первую очередь, вопрос статуса Нагорного Карабаха и механизмов его определения, а также действенных гарантий безопасности), сохранив при этом элементы, соответствующие интересам Азербайджана (например, вопросы территорий и беженцев). Естественно, армянские стороны на это не идут: как и все три сопредседателя МГ ОБСЕ, они рассматривают Мадридские принципы как единый пакет договоренностей, принятие которого возможно лишь в случае достижения согласия по всем его пунктам. В конце концов, ведь именно по этой причине Баку в 2011 г. и провалил принятие

«Казанского документа», предложенного Россией, как, впрочем, и иных модификаций Мадридских принципов.

Соответственно, в ходе активизировавшегося дипломатического процесса в период после апреля 2016 г. азербайджанское руководство встало перед дилеммой:

Либо адаптироваться под новый статус-кво, пытаться представить собственной общественности апрельские события 2016 г. как серьезный успех и тем самым оправдать очередной раунд бесконечных переговоров при посредничестве МГ ОБСЕ, но при этом осознавая, что в нынешних условиях не сможет пойти на взаимный компромисс с армянскими сторонами по формуле «некоторые территории в обмен на четко зафиксированный статус Нагорного Карабаха».

Либо вновь прибегнуть к новой военной эскалации в зоне карабахского конфликта, которая, впрочем, на этот раз с большей вероятностью не была бы уже ограниченной и локальной, а могла бы перерасти в полномасштабную войну, с непредсказуемыми военными, военно-политическими и иными последствиями и потерями, в первую очередь – для ее инициатора.

Ход военно-политических и дипломатических процессов в зоне карабахского конфликта в последующий период показал, что азербайджанское руководство выбрало скорее первый вариант. В результате можно утверждать, что главным итогом апрельских событий 2016 г. стало формирование нового, менее устойчивого и более динамичного дипломатического и военно-политического статус-кво вокруг Нагорного Карабаха.

АРЦАХ В 2016 Г. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АПРЕЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Масис Маилян

По общему признанию, боевые действия на границе Нагорно-Карабахской Республики (Арцаха) и Азербайджана в апреле 2016 г. по своим масштабам и интенсивности были беспрецедентными с момента подписания трехстороннего и бессрочного Соглашения о прекращении огня в зоне нагорно-карабахского конфликта от 12 мая 1994 г.¹ Это соглашение, как и другие документы, подписанные в 1994-1995 гг. главами оборонных ведомств НКР, Республики Армения и Азербайджана, предполагали обеспечение трансформации бессрочного перемирия в прочный мир. Однако последующие события в регионе и в переговорном процессе отделили мирную перспективу².

22 года перемирия сопровождалось различными нарушениями, которые, как правило, совершались азербайджанской стороной. С годами менялись формы нарушений режима прекращения огня: летом 2014 г. продолжавшаяся на протяжении многих лет «снайперская война» трансформировалась в «диверсионную», а с последних месяцев 2015 г. для обстрела карабахских оборонительных позиций и приграничных населённых пунктов Республики Армения азербайджанской стороной активно использовалось крупнокалиберное вооружение, миномёты, ракетно-артиллерийские системы, зенитные пушки, гаубицы и танки.

¹ Соглашение было подписано руководителями военных ведомств НКР, Азербайджана и Армении. Полный текст документа доступен по ссылке: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc10.htm>

² Масис Маилян, «Апрельская война 2016 года: импликация для НКР», *Policy Papers*, том 6, выпуск № 5. <http://www.spectrum.am>

Подобная динамика развития событий на линии фронта и отсутствие международной реакции на действия Азербайджана, по логике вещей, должны были привести к войне, которая и имела место в апреле 2016 г.³

Апрельская война возымела крайне негативное влияние на процесс мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Апрельские события подтвердили, что азербайджанская сторона является недоговороспособным партнёром по переговорам. Начав новую вооружённую агрессию, Азербайджан не только сорвал переговорный процесс и нарушил взятые на себя международные обязательства, но и попытался денонсировать ранее подписанные⁴ бессрочные трёхсторонние Соглашение о прекращении огня и Соглашение об укреплении режима прекращения огня⁵.

Ноты о фактической денонсации принятых ранее документов были распространены Постоянным представительством Азербайджана при ОБСЕ 11 апреля 2016 г.⁶ и Постоянной миссией Азербайджана при ООН 14 апреля 2016 г. Тем самым власти в Баку попытались отказаться от документов, под которыми наравне с Азербайджаном стоят подписи официальных представителей

³ Масис Маилян, «Нагорно-карабахское урегулирование в 2015-ом году», *Аналитикон*, декабрь 2015. <http://theanalyticon.com/?p=7275&lang=ru>

⁴ Кроме указанных соглашений, 26-27 июля 1994 г. главы оборонных ведомств НКР, Азербайджана и Армении подписали документ, согласно которому они подтвердили свои обязательства по сохранению перемирия вплоть до заключения большого политического соглашения о полном прекращении вооружённого конфликта. Копия документа и история его принятия доступна по ссылке: <http://www.mk.ru/politics/2016/04/24/otec-mirnogo-soglasheniya-ro-pagornomu-karabakhu-rasskazal-kogda-perestanut-strelyat.html>

⁵ Текст Соглашения доступен по ссылке: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc12.htm>

⁶ Владимир Казимиров, «КАРТ-БЛАНШ. Карабах: из прошлого и нынешнего ради будущего», *Независимая газета*, 15 марта 2016. http://www.ng.ru/cis/2016-04-15/3_kartblansh.html

руководства НКР. В тексте ноты от 14 апреля очевидно стремление азербайджанской стороны подменить подписанные с НКР и РА документы устными договорённостями о восстановлении перемирия от 5 апреля 2016 г., достигнутыми начальниками генеральных штабов ВС Армении и Азербайджана в Москве. Следует отметить, что именно благодаря равноправному участию властей НКР в разработке и принятии соглашений 1994-1995 гг. удалось в течение последующих 22 лет поддерживать мир в зоне конфликта.

Страны-сопредседатели Минской группы ОБСЕ оперативно и жёстко отреагировали на действия азербайджанских властей. Страна-посредником было отмечено, что Соглашение о прекращении огня 1994 г., а также принятое в его развитие Соглашение об укреплении режима прекращения огня в нагорно-карабахском конфликте 1995 г. имеют бессрочный характер и по-прежнему составляют основу перемирия в зоне конфликта⁷. В первый день Апрельской войны Генеральный секретарь ООН призвал все вовлечённые стороны в полной мере соблюдать Соглашение о прекращении огня⁸.

Примечательно, что во всех апрельских заявлениях представителей ОБСЕ и ООН в качестве ключевых документов для стабилизации ситуации указываются Соглашения, подписанные сторонами в 1994-95 гг., но никак не Резолюции СБ ООН, принятые по нагорно-карабахскому конфликту и, как известно, имеющие всего лишь рекомендательный характер.

Несмотря на заявления стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ о том, что документы 1994-1995 гг. остаются основой

⁷ «МИД РФ: соглашения о прекращении огня в Нагорном Карабахе бессрочны», ТАСС, 21 апреля 2016. <http://tass.ru/politika/3230167>

⁸ United Nations Secretary-General, "Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on the Nagorno-Karabakh conflict," April 2, 2016. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-02/statement-attributable-spokesman-secretary-general-nagorno-karabakh>

перемирия, правовая база прекращения огня будет сомнительной до тех пор, пока официальный Баку не отзовет свои ноты, либо не последуют официальные заявления на уровне МИД или президента Азербайджана о приверженности ранее принятым соглашениям.

Хотя неукоснительное следование принципу неприменения силы и угрозы силой является одним из международных обязательств государств-членов ООН и ОБСЕ, и в том числе Азербайджана, тем не менее, выходом из сложившегося правового вакуума может быть подписание сторонами Соглашения о неприменении силы, в преамбуле которого три стороны могли бы подтвердить приверженность документам, подписанным в 1994-1995 гг.

Посредническая Минская группа ОБСЕ могла бы сыграть ключевую роль в достижении такой договоренности между сторонами. Но, прежде всего, международные посредники должны разубедить руководителя Азербайджана, полагающего, что «Сегодня в мире понятие международное право, можно сказать, уже потерпело крах. Сейчас основной фактор – это сила. Это так. Мы живем в реальном мире. Поэтому мы должны стать еще сильнее, создать еще более могущественную армию»⁹. Очевидно, что ставка на силу и нигилистическое отношение к международному праву как основе международных отношений углубляет пропасть недоверия между соседними народами и препятствует созданию механизмов обеспечения регионального мира и безопасности.

Кроме того, странам-посредникам в Минской Группе ОБСЕ и Генеральному секретарю ООН следовало бы проявить принципиальность и последовательность в вопросе укрепления правовой базы перемирия. Необходимо добиться от азербайджанской стороны восстановления конфигурации линии соприкосновения

⁹ «Завершилась реконструкция систем снабжения питьевой водой и канализации города Тертер», Выступление И. Алиева в приграничном с НКР г. Тертере, AZERTAG, 3 декабря 2016. <http://azertag.az/ru/xeber/1016029>

противостоящих войск по положению на май 1994 г. (*status quo post bellum*), когда конфликтующие страны подписали Соглашение о прекращении огня и публично подтвердили координаты прохождения линии прекращения огня¹⁰. Имплементация данного предложения может стать эффективной мерой сдерживания и определённой гарантией невозобновления военных действий. Небольшие территориальные приобретения не должны стать стимулом для возобновления большой войны.

Следует отметить, что апрельские события радикализировали настроения в обществах конфликтующих сторон в отношении мирного урегулирования конфликта, так что даже попытки обсуждения возможных взаимных уступок принимаются в штыки.

В вопросе урегулирования конфликта между НКР и Азербайджаном усилия международных посредников должны быть направлены в первую очередь на закрепление перемирия и исключение военного сценария. Без внедрения постоянного международного механизма контроля над режимом прекращения огня и механизма расследования инцидентов на границе, а также реализации мер доверия, искусственная интенсификация переговоров по политическим вопросам весьма опасна.

Изменившиеся в апреле обстоятельства должны в корне трансформировать «мадридскую» логику переговорного процесса¹¹. Несмотря на то, что страны-сопредседатели МГ ОБСЕ считают поддержание перемирия приоритетной задачей, они не спешат отказываться от устаревших подходов. Например, это явно проявилось в начале мая 2016 г., в период обсуждения в правительстве

¹⁰ 16 мая 1994 г. на встрече глав оборонных ведомств НКР, Азербайджана и Армении в Москве, прошедшей при посредничестве министра обороны РФ, линия прекращения огня была подтверждена сторонами. Соответствующие карты имеются у сторон, а также в ГШ ВС РФ. Видеоотчёт о встрече доступен по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=LidA4cxc3LY>

¹¹ Масис Маилян, «Императив пересмотра переговорной логики», *Аналитикон* 7 (91), июль 2016. <http://theanalyticon.com/?p=8039&lang=ru#more-8039>

Армении заключения по законопроекту о признании Арцаха. Со-председатели увидели в этом посягательство на их монополию в вопросе определения окончательного статуса НКР и призвали Армению отказаться от односторонних действий¹².

В начале 1990-х гг. был принят такой подход, при котором политико-правовой статус Нагорного Карабаха должен был быть определен на основе переговоров между сторонами при посредничестве МГ ОБСЕ. Однако в реальности независимый статус Нагорно-Карабахской Республики был определен ее гражданами в 1991 г. и за последние 26 лет прямо и косвенно более десяти раз подтверждался на различных общереспубликанских голосованиях. Изменившиеся обстоятельства, т.е. две войны, тысячи жертв, этнотерриториальное размежевание в регионе и другие события продолжают игнорироваться международными посредниками.

Продолжение переговоров в прежнем русле не способствует сохранению мира в регионе. Выдвинутые 28 апреля 2016 г. Президентом Армении три условия, необходимые для возобновления переговоров по урегулированию карабахского конфликта, можно расценить как попытку изменения переговорной логики. Этими предварительными условиями являются формирование мер доверия и внедрение механизмов расследования инцидентов, адресные заявления международного сообщества о ситуации в зоне

¹² «Призыв США сторонам Карабахского конфликта», *Voice of America*, 6 мая 2016. (на арм.). <http://www.amerikayidzayn.com/a/3317397.html>

«Ереван заверяет, что статус Карабаха не будет определен в одностороннем порядке – Лавров», *Новости-Армения*, 5 мая 2016. http://newsarmenia.am/news/nagorno_karabakh/erevan-zaveryayet-chto-status-karabakha-ne-budet-opredelen-v-odnostoronnem-poryadke-lavrov/?sphrase_id=17438

конфликта, а также гарантии того, что Азербайджан не пойдёт на новую агрессию против Нагорного Карабаха¹³.

Судя по заявлениям, опубликованным по итогам двух саммитов, состоявшихся после апреля 2016 г. – в Вене¹⁴ и в Санкт-Петербурге¹⁵, приоритет отдаётся стабилизации обстановки в зоне конфликта и только затем продвижению переговорного процесса. Очевидно, что без надёжного закрепления режима прекращения огня и реализации мер доверия нельзя ожидать достижения согласия по политическим вопросам. В принятом в Санкт-Петербурге Совместном заявлении трёх президентов говорится о согласии сторон на увеличение числа наблюдателей в зоне конфликта. Это позитивная, но недостаточная мера. Без внедрения постоянного международного механизма контроля над режимом перемирия и механизма расследования инцидентов на границе нельзя ожидать прекращения вооруженных провокаций с азербайджанской стороны.

После саммита в Санкт-Петербурге власти Азербайджана заявили о том, что число наблюдателей ОБСЕ может быть увеличено всего на 6-8 человек. Понятно, что организовать круглосуточный мониторинг с таким ограниченным числом сотрудников ОБСЕ невозможно. То есть, с одной стороны, Азербайджан пытается выхолостить идею международного контроля над соблюдением

¹³ «Президент Армении озвучил три условия возобновления переговоров по Карабаху», *Новости-Армения*, 28 апреля 2016. http://newsarmenia.am/news/politics/prezident-armenii-ozvuchil-tri-usloviya-vozobnovleniya-peregovorov-po-karabakhu/?sphrase_id=16998

¹⁴ OSCE, “Joint Statement of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Secretary of State of the United States of America and State Secretary for Europe Affairs of France,” May 16, 2016. <http://www.osce.org/mg/240316>

¹⁵ Официальный веб-сайт Президента РФ, «Совместное заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации по нагорно-карабахскому урегулированию», 20 июня 2016. <http://kremlin.ru/supplement/5093>

перемирия, с другой – продолжает попытки увязать возможное внедрение международных механизмов с ведением субстантивных переговоров, в результате которых Азербайджан надеется вернуть утраченные в войне территории, что, безусловно, подрывает систему безопасности НКР.

Невыполнение Азербайджаном договорённостей, достигнутых после апрельской эскалации, создало препятствия для организации в 2016 г. новых встреч на уровне президентов и министров иностранных дел Армении и Азербайджана. 31 мая сопредседатели МГ ОБСЕ провели встречу с главой МИД Азербайджана в Брюсселе, а 2 июня – с главой МИД Армении в Париже¹⁶. Старания посредников организовать в сентябре встречу министров «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН не увенчались успехом. В итоге сопредседатели провели с министрами отдельные встречи¹⁷. Только к концу года, 8 декабря, сопредседателям удалось провести совместную встречу (по некоторым источникам – неформальный ужин) в Гамбурге, где проходило очередное заседание Совета министров иностранных дел ОБСЕ¹⁸.

События 2016 г., особенно Апрельская война, усложнили задачу международных посредников. Трудности с организацией встреч даже на уровне глав МИД Армении и Азербайджана наглядно демонстрируют создавшуюся в 2016 г. ситуацию в переговорном процессе.

¹⁶ OSCE, “Press Statement by Co-Chairs of OSCE Minsk Group,” June 3, 2016. <http://www.osce.org/mg/244441>

¹⁷ OSCE, “Statement by Co-Chairs of OSCE Minsk Group,” September 22, 2016. <http://www.osce.org/mg/266881>

¹⁸ «Эдвард Налбандян прокомментировал встречу с Эльмаром Мамедьяровым», *News.am*, 9 декабря 2016. <https://news.am/rus/news/361866.html>

КРАТКИЙ ОБЗОР ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВ

Пока единственная в 2017 г. апрельская встреча глав МИД Армении и Азербайджана не принесла весомых результатов. Участники встречи в Москве всего лишь договорились продолжить контакт¹⁹. После московских консультаций подтвердилось, что азербайджанская сторона стремится увязать выполнение своих международных обязательств, в частности, по мирному разрешению споров, с территориальными уступками со стороны Арцаха. Из Баку прозвучало мнение, что решение проблемы возможно по принципу «территории в обмен на мир»²⁰, то есть без признания независимого статуса НКР.

Армения многократно высказывалась за компромисс на основе признания и реализации права Арцаха на самоопределение. По словам Президента Армении, изменение статус-кво приемлемо только в случае всеобъемлющего урегулирования проблемы²¹.

Апрельская война ещё раз подтвердила, что международное признание НКР может стать политико-дипломатическим механизмом обеспечения безопасности и предотвращения новой вой-

¹⁹ Министерство иностранных дел Российской Федерации, «О встрече министров иностранных дел Армении, России и Азербайджана», 28 апреля 2017. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2739845

²⁰ «Мамедъяров: Решение в логике территории в обмен на мир возможно», *Радио Азатутян*, 15 мая 2017. <https://rus.azatutyun.am/a/28489007.html>

²¹ Официальный Сайт Президента Республики Армения, Послание Президента Сержа Саргсяна Национальному Собранию VI Созыва, 18 Мая 2017. <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2017/05/18/president-serzh-sargsyan-statement-on-the-occasion-of-the-sixth-convocation-of-the-ra-national-assembly/>

ны²². Армянской дипломатии было предложено использовать для обоснования необходимости независимости НКР доктрину «отделение во имя спасения» (*remedial secession*)²³. На наш взгляд, для нагорно-карабахского урегулирования эта доктрина может принять форму «признание во имя спасения» (*remedial recognition*)²⁴.

В условиях, когда переговорный процесс оказался в тупике, политика сдерживания Азербайджана актуализировалась. Вопросы обеспечения безопасности с целью недопущения возобновления войны находятся под пристальным вниманием властей Арцаха. Касаясь темы Апрельской войны, Президент НКР отметил: «Главное, мы сделали определенные выводы и будем предпринимать необходимые меры для того, чтобы не допускать аналогичных действий со стороны противника в будущем»²⁵.

Думаю, что у стран-посредников и армянских сторон карабахского конфликта имеются возможности как для эффективного сдерживания Азербайджана, так и изменения переговорной логики, что приведет к позитивной трансформации статус-кво в сторону большей региональной стабильности.

²² Масис Маилян, «Признание НКР не самоцель, а возможность обеспечения политико-дипломатическими средствами безопасности народа от возможных внешних угроз», *Демо* 10, 14 июня 2008. <https://demonewspaper.com/russian/2008-2/n10-june-2008/>

²³ «К вопросу о признании независимости Карабаха: статья Левона Тер-Петросяна», *Аравот*, 7 мая 2017. <http://ru.aravot.am/2016/05/07/209157/>

²⁴ “Nagorno-Karabagh: Preventive and Remedial Recognition vs. Azerbaijani Threats,” *The Armenian Weekly*, June 14, 2013.

<http://armenianweekly.com/2013/06/14/nagorno-karabagh-preventive-and-remedial-recognition-vs-azerbaijani-threats/>

²⁵ «Атака против Нагорного Карабаха является глобальной угрозой», *El Mundo*, 28 апреля 2016 (на исп.). <http://www.elmundo.es/internacional/2016/05/28/573c5b73e5fdeac5658b461c.html>

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

- Апрельская война не была изначально задумана Азербайджаном как ограниченная по продолжительности и масштабам боевая операция;
- Апрельская война поставила под удар переговорный процесс и отдала перспективу мирного урегулирования конфликта;
- Апрельские события подтвердили, что азербайджанская сторона является недоговороспособным партнером по переговорам;
- Азербайджанская дипломатия поставила под сомнение трёхсторонние и бессрочные соглашения относительно прекращения огня 1994-1995 гг. Международные посредники должны срочно восстановить правовую базу перемирия, без которой обсуждение политических вопросов урегулирования теряет всякий смысл;
- Восстановление линии прекращения огня 1994 г. (*status quo post bellum*) может стать эффективной мерой сдерживания и определённой гарантией недопущения возобновления военных действий;
- Реакция международного сообщества на Апрельскую войну была беспрецедентной. В заявлениях отдельных стран и международных структур подчеркивалась необходимость незамедлительного прекращения боевых действий. Только Турция (член посреднической Минской группы ОБСЕ) и Пакистан поддержали азербайджанскую агрессию;
- Международные центры силы проявили единую позицию и заинтересованность в вопросе поддержания мира в регионе;
- Апрельская война радикализовала общественные настроения в НКР, Армении и Азербайджане. Тема возможных уступок и компромиссов стала крайне непопулярной;

- Создание Азербайджаном препятствий разработке и внедрению постоянного международного механизма контроля над режимом прекращения огня означает, что в Баку намерены и впредь продолжать военную дипломатию, приведшую к Апрельской войне;
- Усилия международного сообщества должны быть сфокусированы на мерах по стабилизации обстановки и предотвращению войны посредством создания механизмов круглосуточного международного контроля над режимом прекращения огня (гражданские наблюдатели ОБСЕ) и расследования инцидентов на границах;
- Изменившиеся в апреле 2016 г. обстоятельства должны радикально трансформировать логику переговорного процесса. Очевидно, что продолжение переговоров в прежнем русле не способствует сохранению мира в регионе;
- Международное признание независимости НКР может стать дополнительной политико-дипломатической мерой сдерживания Азербайджана и обеспечения стабильности на Южном Кавказе;
- Апрельская война стала стимулом для активной модернизации Армии обороны и системы безопасности НКР при всемерной поддержке граждан НКР, Республики Армения и представителей зарубежной армянской диаспоры;
- Потенциал гражданского миротворчества оказался слабым. Возникла необходимость пересмотра стратегии работы международных донорских и миротворческих организаций в НКР, Армении и Азербайджане;
- Несмотря на интенсификацию международных встреч и дискуссий по Карабаху после апреля 2016 г., проблема остаётся крайне трудноразрешимой, однако возможность мирного сосуществования двух соседних народов не исчерпана.

ОБ АВТОРАХ

Фабрисси Виелмини

научный сотрудник программы Евразия, Институт перспективных исследований геополитики и вспомогательных наук (*Institute for Advanced Studies on Geopolitics and Auxiliary Sciences*), Рим, Италия

Александр Искандарян

директор Института Кавказа, Ереван, Армения

Масис Маилян

Посол НКР по особым поручениям, Степанакерт, Нагорный Карабах

Сергей Маркедонов

доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия

Георги Масалкин

доцент департамента философии Батумского государственного университета, Батуми, Грузия

Сергей Минасян

заместитель директора Института Кавказа, Ереван, Армения

Давид Петросян

независимый журналист, Ереван, Армения

Александр Скаков

ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА¹

КНИГИ

Грант Микаэлян. Теневая экономика в Армении. – Ред. А.Искандарян. – Ер.:
Институт Кавказа, 2016. – 188 с.
ISBN 978-9939-1-0497-3

**Alexander Iskandaryan, Hrant Mikaelian, Sergey Minasyan. War, Business &
Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia.** – Yerevan, Caucasus
Institute, 2016. – 144 p.
ISBN 978-9939-1-0464-5 на английском яз.

Сергей Минасян. Сдерживание в карабахском конфликте. – Ред. А.Искандарян. –
Ер.: Институт Кавказа, 2016. – 276 с.
ISBN 978-9939-1-0354-9

The Unrecognised Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space. – Laurence
Broers, Alexander Iskandaryan and Sergey Minasyan (Eds.) – Yerevan: Caucasus Institute
and International Association for the Study of the Caucasus, 2015. – 240 p.
ISBN 978-99941-2-915-7 на английском яз.

**The Economic Dimension of Cooperation between Armenia and Georgia: Facing
New Challenges and Opportunities / Eds. N.Kalandarishvili, A.Iskandaryan.** –
Yerevan, Collage, 2015. – 65 p
ISBN 978-9939-855-17-2 на английском яз.

Armenia's Foreign and Domestic Politics: Development Trends. – Mikko Palonkorpi
and Alexander Iskandaryan (Eds.) – Yerevan: Caucasus Institute and Aleksanteri Institute,
2013. – 92 p.
ISBN 978-99941-2-915-7 на английском яз.

**Identities, Ideologies and Institutions. A Decade of Insight into the Caucasus. 2001-
2011.** – Alexander Iskandaryan (Ed.) – Yerevan: Caucasus Institute, 2011. – 232p.
ISBN 978-99941-2-589-8 на английском яз.

Վտանգված ժողովրդավարություն / խմբագրության՝ Ալֆրեդ Ստեֆանի. – Եր.:
Շոկվաաի ինստիտուտ, 2011. – 272 էջ
ISBN 978-99941-2-468-8 на армянском яз.

¹ До 2008 г. институт назывался КИСМИ – Кавказский институт СМИ.

Լինց Խուան, Ալֆրեդ Ստեփան. Ժողովրդավարության անցնելու և ժողովրդավարության կայացման խնդիրները. Տարավային Եվրոպա, Տարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա – Եր.: Կովկասի ինստիտուտ, 2011. – 620 էջ
ISBN 978-99941-2-469-5 на армянском яз.

Aybars Görgülü, Alexander Iskandaryan, and Sergey Minasyan. Turkey-Armenia Dialogue Series: Assessing the Rapprochement Process. TESEV-Caucasus Institute Joint Report. – Istanbul: TESEV, 2010.
ISBN 978-605-5832-38-4 на английском яз.

Aybars Görgülü, Sabiha Senyücel Gündoğar, Alexander Iskandaryan, and Sergey Minasyan. Armenia Dialogue Series: Breaking the Vicious Circle. TESEV-Caucasus Institute Joint Report. – Istanbul: TESEV, 2009. – 20p.
ISBN 978-605-5832-08-7

Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. – Ред. А.Искандарян. –Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 207 с.
ISBN 978-99941-2-321-6

Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. – Ред. А.Искандарян. - Ер., Институт Кавказа, 2008. – 171 с.
Авторы: Хикмет Гаджи-заде, Дибя Нигар Гоксел, Айбарс Горгулу, Коста Дзугаев, Паата Закареишвили, Александр Искандарян, Масис Маилян, Сергей Минасян, Расим Мусабеков, Геворг Тер-Габриелян, Ивлиан Хаиндрава, Виталий Шария
ISBN 978-99941-2-180-9 на русском яз.
ISBN 978-99941-2-220-2 на английском яз.

Sergey Minasyan. From Political Rallies to Conventions: Political and Legal Aspects of Protecting the Rights of the Armenian Ethnic Minority in Georgia as Exemplified by the Samtskhe-Javakheti Region. – Yerevan, CMI and the ‘Yerkir’ NGO Union, 2007. – p. 92.
ISBN - 99941-2-058-1 на английском яз.

Сергей Минасян. Этнические меньшинства Грузии: потенциал интеграции на примере армянского меньшинства страны. – Ер.: КИСМИ и Союз общественных организаций «Еркир», 2006. – 172 с.

ISBN 99941-2-053-0 на русском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на армянском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на английском яз.

ISBN 99941-2-066-6 на французском яз.

ISBN 99941-2-065-9 на грузинском яз.

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. – Ред. В. Четерян, Н.Искандарян. - Ер.: КИСМИ, 2005. – 192 с.

Авторы: Сергей Бондаренко, Люси Грибал, Ирада Гусейнова, Марьям Дурдыева, Ирина Костриченко, Рубен Мелоян, Марина Мусхелишвили, Ремзи Лани, Алексей Сухов, Александр Хамагаев, Альфия Харченко, Викен Четерян, Диана Шмидт
ISBN 99941-2-014-x

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. – Ред.

А.Искандарян, И.Хаиндрава. Ер.: Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. – 214 с.

Авторы: Али Абасов, Сабит Багиров, Рахман Бадалов, Давид Бердзенишвили, Роман Гоциридзе, Давид Дарчиашвили, Тогрул Джуварлы, Александр Искандарян, Нина Искандарян, Отар Канделаки, Анна Карагулян, Зейнал Мамедли, Эдуард Мелконян, Рубен Мелоян, Расим Мусабеков, Агаси Татевосян, Давид Усупашвили, Ивлиан Хаиндрава, Арутюн Хачатрян, Лела Хомерики

*Издание представляет собой русскую версию сборника статей, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля на немецком языке под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien* («Диаспора, нефть и розы. О внутривнутриполитическом развитии Армении, Азербайджана и Грузии»). В русское издание внесены небольшие изменения и уточнения.*

ISBN 99930-78-74-3

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2004. – 120 с.

Авторы: Александр Искандарян, Киммо Каарияйнен, Эдуард Мелконян, Тадеуш Светоховский, Дмитрий Фурман, Ивлиан Хаиндрава, Саид-Магомет Хасиев
ISBN 99930-78-42-5

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2004. – 160 с.

Авторы: Галина Витковская, Евгений Красинец, Дмитрий Полетаев, Елена Тюрюканова
ISBN 99930-78-37-9

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2003. – 132 с.

Авторы: Людмила Арутюнян, Галина Витковская, Виктор Дятлов, Александр Искандарян, Эдуард Мелконян, Геворк Погосян, Гурам Сванидзе, Давид Сванидзе, Александр Скаков, Лариса Хоперская
ISBN 99930-78-30-1

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. – Ер.: КИСМИ, 2003. – 132 с.
ISBN 99930-78-25-5

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. – Ред. А.Искандарян. – Москва, 2002. – 138 с.

Авторы-составители: Ариф Юнусов (Азербайджан), Самвел Манукян (Армения), Марина Мусхелишвили (Грузия), Дина Малышева (Россия)
ISBN 5-94398-007-5

ЕЖЕГОДНИКИ

Кавказ-2015. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2017. – 168 с.

Авторы: Чингиз Актар, Лоренс Броерс, Александр Искандарян, Георгий Канашвили, Резо Коява, Александр Крылов, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян, Ахмед Ярлыкапов
ISBN 978-9939-1-0566-6

Кавказ-2014. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2016. – 124 с.
Авторы: Давид Арутюнян, Павел Баев, Георгий Гвимрадзе, Александр Искандарян,
Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян
ISBN 978-9939-1-0334-1

Кавказ-2013. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2015. – 168 с.
Авторы: Александр Искандарян, Федор Лукьянов, Сергей Маркедонов, Сергей
Минасян, Гиа Нодиа, Давид Петросян, Моррис Торрес-Ким
ISBN 978-9939-1-0135-4

Кавказ-2012. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2014. – 168 с.
Авторы: Стивен Блокманс, Михаил Вигнанский, Ричард Гирагосян, Азад Исазаде,
Александр Искандарян, Алан Касаев, Сергей Минасян, Давид Петросян, Ахмед
Ярлыкпав
ISBN 978-99941-2-978-2

Кавказ-2011. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2013. – 180 с.
Авторы: Гела Васадзе, Мурат Гугемухов, Александр Искандарян, Алексей
Малашенко, Сергей Минасян, Рауф Миркадыров, Давид Петросян, Питер Семнеби,
Озгюр Унлухисарджикли
ISBN 978-9941-2-797-9

Кавказ-2010. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 172 с.
Авторы: Ричард Гирагосян, Айбарс Горгулу, Андрей Епифанцев, Гига Зедания,
Александр Искандарян, Федор Лукьянов, Татул Манасерян, Сергей Маркедонов,
Сергей Минасян, Рауф Миркадыров
ISBN 978-9941-2-667-5

Кавказ-2009. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2011. – 200 с.
Авторы: Октай Абдуллаев, Ричард Гирагосян, Александр Крылов, Сергей
Маркедонов, Сергей Минасян, Эдуард Нагдалян, Давид Петросян, Ивлиан
Хаиндрава, Митат Челикпала, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-498-5

Кавказ-2008. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 211 с.
Авторы: Бюлент Арас, Сергей Арутюнов, Георгий Гогсадзе, Ричард Гирагосян, Сурен Золян, Александр Искандарян, Сергей Минасян, Гиа Нодиа, Давид Петросян, Георгий Санадзе, Арутюн Хачатрян, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-364-2

Кавказ-2007. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 256 с.
Авторы: Мустафа Айдын, Давид Арутюнян, Арчил Гегешидзе, Георгий Гогсадзе, Тигран Джрбашян, Александр Искандарян, Алан Касаев, Дина Малышева, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Давид Петросян, Рауф Раджабов, Владимир Школьников
ISBN 978-99941-2-219-6

Кавказ-2006. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2008. – 314 с.
Авторы: Сергей Арутюнов, Гагик Арутюнян, Ричард Гирагосян, Ашот Егиазарян, Гиа Жоржوليани, Александр Искандарян, Сергей Маркедонов, Сергей Минасян, Марина Мухелишвили, Давид Петросян, Ариф Юнусов
ISBN 978-99941-2-090-2

Кавказ-2005. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2007. – 195 с.
Авторы: Лаша Бакрадзе, Александр Искандарян, Вальтер Кауфман, Александр Крылов, Давид Петросян, Тигран Саркисян, Александр Цинкер, Артур Цуциев, Анатолий Цыганок
ISBN 978-99941-2-064-2

Кавказ-2004. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2006. – 359 с.
Авторы: Гия Арешидзе, Сергей Арутюнов, Людмила Арутюнян, Муса Баснукаев, Сурен Золян, Александр Искандарян, Давид Петросян, Александр Скаков, Игорь Торбаков, Арутюн Хачатрян, Ариф Юнусов
ISBN 99941-2-028-5

Кавказ-2003. – Ред. А.Искандарян. – Ер.: КИСМИ, 2005. – 231 с.
Авторы: Александр Агаджанян, Сергей Арутюнов, Армен Дарбинян, Коста Дзугаев, Александр Искандарян, Отар Канделаки, Игорь Кузнецов, Давид Ованесян, Давид Петросян, Дмитрий Фурман, Ивлиан Хаиндрава
ISBN 99930-78-73-5

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

Сергей Минасян. Военно-политическое измерение украинского кризиса: «гибридные» уроки для постсоветского пространства. Аналитические доклады Института Кавказа, №6, июнь 2015. – Ер.: Институт Кавказа, 2015. – 72 с.
ISBN 978-99939-1-0191-0 на русском яз.

Сергей Маркедонов, «Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства». Аналитические доклады Института Кавказа, №5, январь 2012. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.
ISBN 978-99941-2-633-0 на русском яз.

An Assessment of Research Capacities in Social Sciences and Humanities in Armenia. Caucasus Institute Research Papers #4, February 2011. Yerevan: Caucasus Institute, 2011 – 48 p.
ISBN 978-99941-2-511-1 на английском яз.

Лариса Дериглазова, Сергей Минасян. Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Аналитические доклады Института Кавказа, №3, январь 2011. – Ер.: Институт Кавказа, 2011. – 128 с.
ISBN 978-99941-2-499-2 на русском яз.
ISBN 978-99941-2-536-4 на английском яз.

Сергей Минасян. Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво? Аналитические доклады Института Кавказа, №2, август 2010. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 80 с.
ISBN 978-99941-2-413-8 на русском яз.
ISBN 978-99941-2-512-8 на английском яз.

Александр Искандарян, Сергей Минасян. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. Аналитические доклады Института Кавказа, №1, январь 2010. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 59 с.
ISBN 978-99941-2-341-4 на русском яз.
ISBN 978-99941-2-340-7 на английском яз.

КАВКАЗ-2016

ЕЖЕГОДНИК ИНСТИТУТА КАВКАЗА

Институт Кавказа
Ереван • 2017